

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. М. МОРОЗОВ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учебник

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Российской академии образования
(на основании Приказа Министерства образования
и науки РФ от 15 января 2007 г. № 10)*

Москва
2019

ББК 159.9
УДК 88.1
М79

Главный редактор
Э. В. САЙКО

Заместитель главного редактора
С. К. БОНДЫРЕВА

Члены редакционной коллегии:

А. Г. Асмолов	А. А. Деркач	М. В. Ермолаева
В. А. Болотов	А. И. Донцов	Ю. П. Зинченко
Л. А. Григорович	И. В. Дубровина	М. А. Лукацкий

М79 Морозов С. М. История психологии : учебник. — М. :
Издательство Московского психолого-социального универси-
тета, 2019. — 376 с.

ISBN 978-5-9770-0967-6

Учебник создан на основе лекций по истории психологии, которые автор читает студентам Московского государственного психолого-педагогического и Московского психолого-социального университетов. Становление психологии рассматривается как две неразрывно связанные линии развития: теоретико-экспериментальная и философско-практическая. Кратко описаны новые направления, возникшие в психологии на рубеже XIX и XX вв., а также изменения в современной отечественной психологии.

Учебник предназначен для студентов-психологов разных форм обучения и всех, кто интересуется познанием внутреннего мира человека.

ISBN 978-5-9770-0967-6

ББК 159.9
УДК 88.1

© С. М. Морозов, 2019
© Издательство Московского психолого-
социального университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ. ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ?	10
Задачи истории психологии	10
Предмет истории психологии	11
Условия, влияющие на становление предмета психологии	16
Методы истории психологии	18
Историко-психологические периодизации	20
1. ПСИХОЛОГИЯ КАК ПНЕВМАТОЛОГИЯ	26
1.1. Первобытный анимизм	26
1.2. Представления о внутреннем мире человека в странах Востока.....	28
1.3. Психологические идеи в древнегреческой философии (VI–IV в. до н. э.).....	34
1.3.1. Демокрит.....	37
1.3.2. Сократ	39
1.3.3. Платон.....	41
1.3.4. Аристотель	44
1.4. Психологические учения философов Древнего Рима	52
1.5. Средневековая психология.....	56
1.6. Эпоха Возрождения.....	62
1.7. Психология в XVII в.	66
1.7.1. Р. Декарт	70
1.7.2. Дж. Локк.....	76
1.8. Психология в XVIII в.	79

1.9. Психология в первой половине XIX в.	90
1.9.1. Позитивизм в психологии	91
1.9.2. Ассоцианизм	94
1.9.3. Психофизика	101
1.9.4. Физиология органов чувств.....	106
1.9.5. Ч. Дарвин	110

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 117

2.1. Психология сознания.....	120
2.1.1. В. Вундт.....	120
2.1.2. Э. Титченер.....	131
2.1.3. У. Джемс	133
2.2. Г. Эббингауз.....	137
2.3. Вюрцбургская школа безобразного мышления.....	139
2.4. Французская социологическая школа.....	141
2.5. Кризис в психологии.....	145
2.6. Практическая психология.....	150
2.6.1. Педология.....	154
2.6.2. Психотехника.....	156
2.7. Фрейдизм	163
2.7.1. Классический психоанализ	163
2.7.2. Неофрейдизм.....	175
2.7.2.1. Индивидуальная психология А. Адлера.....	175
2.7.2.2. Аналитическая психология К. Юнга.....	179
2.7.2.3. Гуманистический психоанализ Э. Фромма	182
2.7.2.4. К. Хорни	183
2.7.2.5. Г. Салливан.....	185
2.7.2.6. В. Райх.....	186
2.7.2.7. Эго-психология Анны Фрейд.....	187
2.8. Гештальтпсихология	190

2.9. Ж. Пиаже	201
2.10. «Перемещение» психологии из Европы в США.....	205
2.10.1. Бихевиоризм	219
2.10.2. Необихевиоризм	232
2.10.2.1. Б. Скиннер.....	235
2.10.2.2. К. Халл.....	238
2.10.3. Социобихевиоризм	239
2.10.4. Нейролингвистическое программирование.....	241
2.10.5. Когнитивная психология.....	241
3. ФИЛОСОФСКО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	250
3.1. Ф. Brentано.....	251
3.2. В. Дильтей	252
3.3. Гуманистическая психология.....	254
3.3.1. А. Маслоу.....	255
3.3.2. К. Роджерс	257
3.4. Экзистенциальное направление в XIX в.....	263
3.5. Экзистенциальная психология.....	268
4. ПСИХОЛОГИЯ В КОНЦЕ XX В.	279
4.1. Трансперсональная психология	279
4.2. Позитивная психология.....	282
4.3. Квантовая психология.....	284
5. ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	286
5.1. Российская психология в XIX в.....	286
5.2. Становление советской психологии	302
5.2.1. И. П. Павлов и советская физиологическая школа.....	305
5.2.2. Первые шаги советской психологии	313
5.2.3. Психоанализ в России.....	316

5.3. Культурно-историческая психология	318
5.4. Харьковская психологическая школа	338
5.5. Разгром советской психологии.....	340
5.6. Советская психология в годы Великой Отечественной войны	342
5.7. Павловская сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР	344
5.8. Советская психология во второй половине XX в.	347
5.8.1. Д. Н. Узнадзе.....	349
5.8.2. Б. М. Теплов	350
5.8.3. С. Л. Рубинштейн	352
5.8.4. Д. Б. Эльконин	354
5.8.5. П. Я. Гальперин.....	355
5.8.6. А. Н. Леонтьев.....	356
5.8.7. А. Р. Лурия	360
5.8.8. Н. А. Бернштейн.....	362
5.8.9. М. М. Бахтин	363
5.8.10. Ленинградская психологическая школа	367
5.9. Отечественная психология в конце XX — начале XXI в.	370

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 374

Предисловие

Есть много учебников по дисциплине «История психологии». Для чего же нужен еще один? Все очень просто. Во-первых, многие хорошие учебники написаны давно. С тех пор психология обогатилась новыми данными, о которых должны узнать новые поколения психологов. Во-вторых, каждый преподаватель рассказывает свою дисциплину в соответствии со своими личными предпочтениями и пристрастиями. Значит, в принципе не может быть одного учебника, который устраивал бы всех.

Из этих несложных рассуждений вытекают особенности данной книги.

Автор хотел рассказать о некоторых современных направлениях психологии, которые практически не упоминаются в учебниках. Среди таких направлений можно выделить трансперсональную психологию, квантовую психологию, позитивную психологию. Отношение к этим современным психологическим школам сегодня очень различается не только в разных странах, но и между отдельными психологами. Тем не менее интерес к ним растет, поэтому необходимо хотя бы краткое упоминание об их наличии и некоторых принципиальных положениях, из которых представители этих направлений исходят при построении своих теорий.

Очень важным мне показалось отметить формирование в современной психологии двух главных трендов. Первый из них обычно выделяется как основное

направление психологии. Это теоретико-экспериментальная психология, в которую можно включить такие классические психологические школы, как научная психология В. Вундта, фрейдизм, бихевиоризм, когнитивная психология. Второе глобальное направление, которое формируется на наших глазах, характеризуется целостным рассмотрением предмета психологии и стремлением познавать человека в процессе его жизнедеятельности. Это направление появилось во второй половине XX в., и среди его отдельных школ можно назвать экзистенциально-гуманистическую психологию и созданную в СССР культурно-деятельностную психологию.

Далее, мне хотелось показать тот культурно-исторический контекст, в котором происходит развитие психологии. Без учета этого фактора знания о развитии любой науки, в том числе и психологии, оказываются неполными и во многом непонятными.

Наконец, показалось важным включить в текст учебника некоторые биографические сведения об авторах тех или иных психологических теорий. Эти сведения позволяют увидеть за безликими фигурами, обычно населяющими разнообразные учебники, живых людей, удовлетворяющих, как сказал известный советский физик Л. Д. Ландау, свой личный интерес за государственный счет.

Наконец, стоит сказать о том, что предложенный текст не может претендовать на полноту изложения всех психологических знаний, созданных людьми. Такая задача могла быть выполнена разве что в конце XIX в., когда психологи только начали осознавать свой научный статус и приступили к получению первых собственно психологических эмпирических фактов. Но сегодня, в эпоху лавинообразного накопления знаний, такая задача невыполнима в принципе. Задача

человека, получающего образование, — не узнать все, а понять как можно лучше. Отсюда — небольшой объем нашего учебника, основную задачу которого мы видим в прослеживании хитросплетений психологической науки в соответствии с теми внутренними законами, которые присущи самой науке.

Учитывая все это, можно приступить к чтению текста книги под названием «История психологии».

Введение. ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ?

Задачи истории психологии

Прежде чем человек приступит к изучению истории психологии, он должен ответить самому себе на вопрос: для чего ему это надо? Ответы могут быть самые разные. Если это студент, он может дать такой ответ: история психологии мне нужна, чтобы сдать экзамен. В этом случае история психологии понимается как дисциплина, которую надо «пройти», чтобы получить диплом о высшем психологическом образовании. Но есть и другие ответы. Например, книготорговец ответит, что ему нужна история психологии, потому что такие книги покупают читатели, и это помогает бизнесменам зарабатывать деньги. Этот аргумент заставляет задуматься: если люди читают книги наших предшественников, значит, в этих текстах есть что-то важное. И здесь мы подходим к третьему аргументу в пользу истории психологии. Чтобы найти это важное, историки обращаются к законам, которые управляют наукой, и находят нечто, что необходимо человеку во все времена. Среди методологов науки — причем такой методолог может специализироваться и в физике, и в биологии, и в психологии, и в любой другой науке, — существует мнение, что мы не можем познать предмет той или иной науки, если не знаем ее историю. Этот аргумент в пользу истории психологии

не так уж необычен. Мы каждый день сталкиваемся с ситуациями, которые подсказывают нам: наша история необходима человеку, чтобы лучше понять самого себя. Так же и психолог: если он хочет быть хорошим профессионалом, он должен знать источники, из которых возникли его знания. А этим и занимается история психологии.

Предмет истории психологии

В конце XVI в. в науке появилось понятие «психология». Немецкий философ Рудольф Гоклениус в 1590 г. впервые применил это слово для того, чтобы можно было обозначить им книги ряда авторов. Но этот термин не прижился в науке. По-настоящему это слово превратилось в научное понятие после работ другого немецкого философа, Христиана Вольфа, который использовал этот термин в своих книгах «Рациональная психология» (1732) и «Эмпирическая психология» (1734). Но еще учитель Вольфа Готфрид Лейбниц употреблял термин «пневматология», который использовался древнегреческими философами для обозначения науки о пневме человека, то есть о душе, состоящей, как утверждал Демокрит, из наиболее подвижных и легчайших атомов, которые попадают в нас и удаляются в процессе дыхания. Слова часто существуют независимо от того содержания, которое в них вкладывают люди. Ученые в X или XIII в. могли и не верить, что душа состоит из атомов, входящих в человека и выходящих из него, но слова «пневма» и «пневматология» употреблялись — они использовались как синонимы того, что сегодня мы называем психикой и психологией. И даже после работ Х. Вольфа прошло почти столетие, прежде чем термин «психология» начал активно использоваться в науке.

Иными словами, можно сказать, что понятию «психология» не более 200 лет. Занимались же психологией вовсе не психологи, а физики, математики, физиологи, экономисты, историки, философы. Профессии «психолог» не было. Она возникла только в XIX в.

Сегодня люди, которые хотят стать психологами, в основном, в подавляющем большинстве, стремятся заниматься практическими психологическими задачами, надеются стать практическими психологами. Но специалист любой профессии должен понимать, с чем он работает. И психолог должен хорошо разбираться в предмете своей практической деятельности.

Что же является предметом психологии сегодня? Часто говорят: человек. Но, разумеется, не тело человека: не руки или ноги, не внутренние органы, не нервная система и даже не мозг. Предметом психологии является та странная «субстанция», которую когда-то называли душой, потом психикой, сознанием, некоторые называют поведением, некоторые — деятельностью.

Возможно, нашим предком была обезьяна. Но мы точно знаем, что отличаемся даже от самого умного животного. Мы не знаем — чем, но точно знаем, что отличаемся. Конечно, мы видим, что по сравнению с нашими звероподобными предками мы передвигаемся на ногах, а не на четырех лапах, у нас больше мозг, у нас большие пальцы рук отставлены, и мы можем взять в руку палку или камень. Но не это для нас главное, а то, что в нас есть что-то, что мы не можем чувственно воспринимать, но оно у нас точно есть и именно оно делает нас людьми. Именно это «нечто» и изучает психология.

Как бы мы ни называли свой внутренний мир, мы должны его понимать, а для этого, как говорят психологи, мы должны знать, не только из чего состоит «нечто» и не только для чего это «нечто» (душа, сознание, психика и т. д.) предназначено, но и как оно развивает-

ся, какие проходит этапы своего развития. Для этого нам и нужна история, исторический взгляд.

Но давайте задумаемся еще вот о чем. Сейчас мы говорим не о самом предмете психологии. Предметом психологии занимается общая психология. Но общая психология и история психологии — это разные науки. Значит, мы должны ответить на вопрос, чем отличается предмет истории психологии от предмета общей психологии. А для этого мы должны вспомнить, что такое предмет психологии: не название этого предмета, а что собой представляет этот предмет, независимо от того, какое название ему дают разные исследователи.

Начнем с того, что мы все можем переживать, испытывать то, что называется предметом психологии. Поэтому мы знаем, что у нас есть сознание, психика, душа. Исследователи пытаются подобраться к этому «нечто» каждый со своей стороны. В связи с этим вспомним легенду о слепых мудрецах, которых подвели к слону и попросили дать определение слову «слон». Один из слепцов подошел к ноге слона, ощупал ее и сказал: слон — это что-то наподобие колонны во дворце падишаха. Другой подошел к уху слона и сказал: нет, слон похож на опахало, которым овевают падишаха его рабы. Третий подошел к хоботу слона и, ощупав его, сказал: слон напоминает мне толстую, гибкую лиану в джунглях.

Так же ведут себя и психологи. Мы приближаемся к предмету психологии с разных сторон, и один говорит: это сознание, другой — это душа, третий — это поведение, четвертый — это деятельность. Одним словом, все психологи занимаются «построением» своего предмета. Мы не вычерпываем предмет исследования из природы, не выпытываем его. Мы взаимодействуем с природой и, благодаря такому взаимодействию, строим свой предмет.

Нам часто кажется, что ученый списывает образ предмета своего исследования, всего лишь подглядывая за природой. Нам представляется, что ученый в этом смысле похож на художника, создающего натюрморты или портреты. Некоторые даже думают, что ученый похож на фотографа, щелкающего затвором своего фотоаппарата. Глядя на разные естественные науки, мы начинаем думать, что физик или биолог просто описывают природу. На самом же деле ученые создают предмет научного исследования, творчески перерабатывая результаты своих опытов и размышлений. Такой вывод делаем не только мы, психологи, представители самой сложной науки, какую только можно представить, но и представители естествознания. У русского мыслителя Даниила Андреева в его сочинении «Роза мира» есть образ путников, поднимающихся на гору с разных сторон. Они видят одну и ту же гору, но описывают ее по-разному. Так же и ученые, каждый со своей стороны взбираются на вершину познания, разглядывая ее каждый со своей стороны и создавая особый образ предмета своей науки.

Но, как мы уже сказали, чтобы лучше понять такой предмет, мы должны знать его историю. Этим и занимается история психологии: не самим предметом психологии, а интерпретациями этого предмета разными людьми, которые им занимались. *Не сама психическая реальность, а изменения представлений о ней — вот что является предметом истории психологии.*

Важным фактором развития наших научных представлений является воздействие, которое оказывает наука на мировоззрение людей. Например, в Древней Греции жил мыслитель Птоломей, создавший геоцентрическую теорию строения Вселенной: Земля находится в центре, а вокруг нее вращаются все остальные небесные тела. Сегодня учение Птолемея вызывает у

людей улыбку, но для современников Птолемея его учение было столь же аксиоматично, как сегодня без сомнений воспринимается гелиоцентрическая теория Коперника. Тот, кто попытался бы две тысячи лет назад утверждать, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, рисковал прослыть психически нездоровым человеком или, по крайней мере, большим шутником. Ему сказали бы: посмотри вокруг, разве ты не видишь, как все устроено на самом деле, — вон над горизонтом встает Солнце и весь день движется по небосклону.

Психологам еще предстоит разобраться в механизмах порождения нового мировоззрения. Но факт остается фактом: иногда появляются мыслители, которые привносят в наш мир идеи, полностью меняющие наши представления о нем. Как правило, сами эти гении мало задумываются над революционностью того, что они делают. Но, тем не менее, мы вместе с наукой оказываемся в другой парадигме, то есть начинаем по-другому воспринимать мир и интерпретировать все, что с нами происходит. Может быть, и наши гелиоцентрические представления вызовут ироничную улыбку у наших далеких потомков, которые будут называть нас смешными и наивными людьми, не знакомыми с азами мироустройства? Но сегодня мы живем там, где мы живем, и верим в то, во что мы верим.

Психологи знают, что предмет психологии прошел несколько этапов своего становления. Сначала такой предмет назывался «душа». После этого наступил этап, когда предмет психологии получил название «психика», затем — «сознание». Потом наступила эра, которая продолжается и сегодня: предмет психологии получил множество имен, которые существуют параллельно: «поведение», «деятельность», «бессознательное» и т. д. По этой цепочке — от души до деятельности и других

понятий, обозначающих предмет психологии, — проходит история психологии, пытаюсь разобраться, как происходят эти изменения.

Условия, влияющие на становление предмета психологии

Разумеется, формирование взглядов на предмет психологии подвержено влиянию самых разных обстоятельств. В первую очередь назовем *законы формирования самой науки*. История психологии должна учитывать эти законы. Например, всем психологам известно, что в 1879 г. немецкий ученый Вильгельм Вундт открыл в Лейпциге первую психологическую лабораторию. С этого момента, считаем мы, начинается научная психология. Но мы должны понимать, что Вундт не мог просто в результате какого-то мистического озарения прийти к мысли о необходимости заняться естественнонаучной психологией. Конечно, мы помним, что такие удивительные события случаются. Например, Д. И. Менделееву приснилась его периодическая таблица химических элементов. Но для этого должна была произойти большая внутренняя работа. Сам Менделеев рассказывал, что прежде чем это сновидение посетило его, он много месяцев усиленно размышлял о том, как решить проблему систематизации химических элементов. Одним словом, должны созреть определенные условия, которые «заставляют» ученых обратиться к той или иной проблеме. При этом, как сегодня думают многие ученые, такие условия, благодаря тем или иным закономерностям, которым подчиняется наука, складываются и в ней самой.

Почему это происходит, какие двигатели заставляют ученых заниматься тем, чем они занимаются, почему Вундт создал свою лабораторию и начал заниматься

экспериментальной психологией? Отвечая на эти вопросы, мы приходим к пониманию причин, подвигших исследователей на разнообразные подходы к предмету, которым они занимаются. Конечно, психологи обладают свободой воли, как и все остальные люди. Но не только произвол является причиной различия в этих подходах. Сама жизнь науки, ход ее развития, условия, в которых существует наука, определяют направление ее развития. Наука все чаще рассматривается исследователями как живой организм, развивающийся по своим собственным законам. Поэтому приходит время, когда то или иное открытие *должно* быть сделано, как это и произошло, например, с Д. И. Менделеевым или В. Вундтом. Сама наука порождает тот или иной свой продукт. Исследователь в этом случае выступает только как исполнитель какой-то высшей необходимости.

Еще одним важным фактором, влияющим на изменение научных представлений, является *сам ученый, его личность и мировоззрение*. Говорят, такие разные ученые, как древнегреческий философ Платон и создатель психоанализа З. Фрейд, были похожи своими личностными особенностями: оба были импульсивны и темпераментны. Соответственно, теории того и другого похожи в том смысле, что в фокусе внимания и Платона, и Фрейда — поиск внутренних напряжений, конфликтов, противоречий, побуждающих человека к тем или иным поступкам. Кроме того, безусловное влияние на изменения в представлениях о предмете оказывает интерес исследователя: редко кому удастся заставить ученого заниматься тем, что ему не интересно.

Существенное влияние на становление предмета науки оказывает *социальный контекст*, в котором существует, живет и работает исследователь. Классическим примером тут может служить советская психоло-

гия, существовавшая в условиях жесткого идеологического пресса и навязывания одной методологической основы — марксизма. Соответственно, психология в СССР категорически противопоставляла себя всем другим психологическим школам и направлениям. Любая наука в СССР должна была быть «марксистской». В итоге в нашей стране появились марксистские физика, химия, биология и т. д. Можно сказать, наука подчиняется культурно-историческому контексту, в котором проходит работа ученых. При этом обратим внимание: не только культурный контекст влияет на работу ученого, то есть те условия, в которых он оказывается «здесь и сейчас», но и история аналогичных исследований, которые предшествуют его работе.

Таким образом, и наше социальное окружение, и мы сами, и то, что нами движет со стороны науки, — все это определяет нашу деятельность, продуктом которой являются новые научные артефакты. Все перечисленные факторы не существуют отдельно. Они существуют в своеобразном симбиозе, дополняя друг друга.

Методы истории психологии

Разумеется, у истории психологии, как у любой другой науки, есть свои методы, которые, как и ее предмет, имеют свою специфику по сравнению с другими психологическими направлениями. Там есть эксперимент, наблюдение, беседа, тестирование и многие другие методы, которые по известным причинам не могут использоваться историками. Конечно, если среди нас живет исследователь, которого считают «живым классиком», уже внесшим свой вклад в историю нашей науки, и нам интересен его подход, мы можем встретиться с ним и, например, проинтервьюировать его или побеседовать с ним. Мы можем выяснить тонкости его

интерпретации предмета психологии лично у него. Но такое случается очень редко.

Основной метод истории психологии — *анализ литературных источников*, посвященных исследованию предмета психологии. Историк читает книги и пытается понять, как интерпретируется предмет, почему он понимается именно так, с какой целью создается та или иная интерпретация, что служит причинами особого понимания у того или иного автора. Конечно, этот метод является основным, поскольку история психологии занимается плодами исследований наших коллег, которые ушли из жизни. Мы уже не можем поговорить с Платоном, Вундтом или Выготским, но можем прочитать их книги.

Метод *изучения архивных материалов* похож на метод анализа литературных источников, но подразумевает исследование текстов, скрытых в архивах и частных коллекциях. Этот метод сложен тем, что для того, чтобы источник изучить, его надо найти. Это может быть поиск конкретного текста, а может оказаться, что, работая в архиве, исследователь случайно обнаруживает интересную информацию.

Еще один метод, который используют историки психологии, — *биографический (автобиографический) метод*. Мы можем взять биографии великих психологов и посмотреть, каким образом они создают свои психологические концепции. Этот метод очень полезен, если мы хотим понять личностный фактор, заставляющий психолога прийти к тому или иному выводу.

Как уже было сказано, историка психологии интересует в первую очередь изменение взглядов на предмет психологии. Прослеживание логики, в соответствии с которой эти изменения происходят, называется *историко-генетическим методом*. Благодаря этому методу изучение идей прошлого происходит с учетом

общей логики развития науки в определенный исторический период.

Еще один метод — *историко-функциональный*. Здесь в центре внимания исследователя — преемственность тех или иных идей. Например, с точки зрения этого метода историка интересует, как Платон использует идеи своего учителя Сократа, как Аристотель применяет в своих размышлениях подход своего учителя Платона и т. п.

Еще один метод предложил известный советский психолог и историк психологии М. Г. Ярошевский. Он назвал этот метод *категориальным подходом*. Все перечисленные выше методы во многом совпадают и пересекаются. Категориальный метод М. Г. Ярошевского — особый. Это изучение изменения основных категорий психологии: как менялись категории «мотив», «поведение», «отношение», «образ», «личность». Например, что общего в понимании мотива у Платона, З. Фрейда, К. Левина и других психологов — вот суть этого метода. Автор категориального метода полагал, что историка должны интересовать прежде всего такие «категориальные узлы», которые обсуждаются психологами всех времен и народов. Изучая эти категории в разных теориях, мы тем самым начинаем лучше понимать логику развития представлений о предмете психологии.

Историко-психологические периодизации

Конечно, самый простой и очевидный вариант периодизации любой науки — распределение психологических теорий на временной шкале: психология до нашей эры, в первом веке нашей эры, во втором, третьем и т. д. Такая периодизация редко применяется, хотя историки и говорят о психологии до нашей эры, о психологии в Средневековье, о психологии Нового време-

ни, в XIX или XX в. Конечно, эта традиционная схема всегда присутствует в истории психологии, но она не может быть единственной, поскольку не может выражать всю специфику психологической науки. Простое перечисление психологических теорий, существовавших в том или ином веке, не может сказать нам многое о преимуществах этих теорий, о тех самых закономерностях, которым подчиняется развитие психологии. Иными словами, принятие такой периодизации мешает правильному восприятию картины становления психологической науки.

Более обоснованной является периодизация, в соответствии с которой выделяют следующие этапы.

Донаучный этап. Обычно его началом признают появление первых источников, в которых, так или иначе, обсуждается предмет психологии. Завершается этот этап, по мнению историков, в XIV–XV вв., когда начинает формироваться естественнонаучное мировоззрение.

Классическая наука (XV — конец XIX в.). В соответствии с популярной сегодня периодизацией советского философа В. С. Степина, это время формирования такой науки, основным форматом которой является естествознание XIX в. Однако даже в начале XIX в. психология еще не стала настоящей («позитивной», если воспользоваться термином французского философа О. Конта) наукой. Психологов в современном понимании этой профессии еще не существовало. Отсутствовала и система подготовки профессиональных психологов. Однако многие физики, химики, историки, представители других наук в XV–XIX вв. проявляли большой интерес к тому, что происходит во внутреннем мире человека, и занимались психологическими проблемами. Особенно преуспели в этом философы и физиологи, но серьезный вклад внесли и представите-

ли других наук. Например, физиолог Вебер и физик Фехнер создали психофизику, педагог Гербарт в начале XIX в. сформулировал первую психологическую теорию бессознательного, группа ученых под руководством юриста М. Вертгеймера в начале XX в. создала известную школу гештальтпсихологии. Собственно, и так называемую научную психологию создал не психолог, а врач В. Вундт.

Научная психология. Большинство психологов считает, что так называемая эпоха схоластической психологии закончилась в конце XIX в. и ее символом является открытие в Лейпциге психологической лаборатории немецким психологом В. Вундтом в 1879 г. Поэтому все, что связано с психологией до этого периода, называют донаучным. Хотя, разумеется, в этом случае остается открытым вопрос, являются ли учеными исследователи «донаучных» времен: Платон, Декарт, авторы закона Вебера — Фехнера и многие другие.

Сторонники еще одной классификации полагают, что наука прошла в ходе своего развития так называемые аналитическую и синтетическую стадии.

Аналитический этап (XV–XVII вв.). Считается, что в это время ученые в основном занимались анализом, то есть предмет исследования дробился на отдельные части, элементы. Можно сказать, ученые той эпохи вели себя как дети, которые ломают новую игрушку, чтобы посмотреть, что там внутри: дети игрушку «анализируют». Ученые решили, что самое важное — не рассуждать, а экспериментировать, проводить опыты и таким образом изучать структуру исследуемого предмета.

Синтетический этап (XVII–XX вв.). В это время в науке начинают превалировать тенденции, приводящие к возникновению разнообразных пограничных направлений: биофизика, геохимия и т. п. В этих на-

правлениях применялись достижения разных отраслей знания, синтезировавшиеся в дисциплинах, формировавшихся на стыке наук. В психологии к таким направлениям можно отнести психофизиологию, когнитивную науку, многие практические отрасли.

Конечно, предлагаемая периодизация достаточно условна. Исследователи не только в XV, XVI и XVII вв. анализировали свой предмет. В XIX, XX и XXI вв. анализ тоже занимает важное место в работе ученых. Речь идет не о единственном методе анализа, который использовался в ту или иную эпоху, а о преобладании исследований того или иного плана. Действительно, в начале становления естествознания превалировал подход, в соответствии с которым считалось, что сначала нужно расчленить предмет научного исследования, посмотреть, из чего он состоит. В XVIII–XIX вв. стал преобладать метод синтеза, хотя и сегодня мы не можем сказать, что этот подход доминирует в науке.

Еще одну периодизацию развития науки предложил советский философ В. С. Степин. В соответствии с его классификацией только что названные аналитический и синтетический этапы стали называть *классическим* периодом развития науки. На смену этому этапу приходит неклассическая, а затем — постнеклассическая наука. Степин провел исследование физики начала XX в., когда начала создаваться так называемая квантовая физика, физика элементарных частиц. На основании тщательного анализа работ ученых того периода (а Степин занимался буквально построчным исследованием текстов, архивов, черновиков) он приходит к выводу, что на этапе классической науки предмет интерпретировался как независимый от исследователя. То же самое происходило и в психологии, когда ученые рассматривали сознание человека, будто оно существует где-то в голове испытуемых, участвую-

щих в психологических экспериментах. Самым ярким примером такого подхода стал бихевиоризм, представители которого все многообразие качеств человека сводили только к поведению, называя его предметом психологии.

В начале XX в. в науке (прежде всего, в физике) начался новый этап. Были открыты элементарные частицы, из которых состоят казавшиеся до тех пор неделимыми атомы. Ученые заговорили об «исчезновении материи». Более того, ученые-физики обнаружили, что на результаты, которые они получали в своих экспериментах, влияют используемые в этих опытах приборы. Выводы, к которым пришли физики в результате этих открытий, были сформулированы в виде принципа неопределенности и принципа дополнительности, в соответствии с которыми мы не можем исследовать разные физические характеристики того или иного тела, не учитывая направленность нашего внимания. Ученые стали сомневаться в том, что объект существует сам по себе, независимо от метода, при помощи которого проводится исследование. Отсюда В. С. Степин делает вывод о возникновении *неклассической науки*.

Следующему этапу развития науки В. С. Степин дал название «*постнеклассическая наука*». Ученые заметили, что не только прибор влияет на ход эксперимента. Есть еще один фактор, который раньше не учитывался. Таким «прибором» можно считать и самого ученого. В частности, в психологии известны исследования, показавшие, что экспериментатор влияет на полученные результаты. Например, если в группу испытуемых в роли экспериментатора приходила молодая женщина, а в другом случае — пожилой мужчина, то результаты экспериментов в обоих случаях были разными. Вступая в эксперименте в общение с людьми, исследователь сам становится элементом этой ситуа-

ции. Мы не просто влияем на ситуацию извне, а оказываемся внутри. В качестве примера можно назвать психотерапию, представители которой, причем относящиеся к разным школам, все чаще говорят о том, что психотерапевт должен рассматривать себя как элемент психотерапевтической ситуации. Человек становится частью психологической системы, и эта система должны быть целостной. Пока это трудный для объяснения и во многом непонятный организм. Но в этом и заключается смысл понятия «постнеклассическая наука»: я не просто оказываю воздействие на предмет исследования, но составляю с ним единое целое.

Классификация философа В. С. Степина, разделившего науку на классическую, неклассическую и постнеклассическую, имеет прямое отношение к похожей классификации, предложенной Д. Б. Элькониным, который назвал культурно-историческую теорию Л. С. Выготского неклассической психологией. Конечно, Эльконин не был профессиональным науковедом, как Степин, и свой термин ввел, скорее, в силу интуитивного озарения. Но психологическому сообществу этот термин понравился, и сегодня его активно используют в своих работах многие российские психологи. Иными словами, термины «неклассическая психология» и «постнеклассическая психология» пришли к нам как бы с двух сторон. С одной стороны, от профессионального философа, занимавшегося этой проблемой много лет. С другой стороны, от психолога.

1. Психология как пневматология

Этапы развития науки, которые мы описали, относятся ко всем научным дисциплинам. Но есть один подход, который характерен только для психологии. Этот подход можно описать следующей фразой: у психологии короткая история, но огромное прошлое. В соответствии с этим подходом настоящая психология возникла только в конце XIX в., когда были созданы первые психологические лаборатории и началось проведение психологических экспериментов. До этого психологии как отдельной науки не было. Но она существовала как составляющая других наук — прежде всего философии.

До конца XIX в. термин «психология» почти не применялся в науке. Исследователи не идентифицировали себя в качестве психологов. Они занимались своими науками, и некоторые из этих врачей, физиков, историков и т. д. задумывались о том, что такое душа человека, и создавали разнообразные теории, в которых пытались объяснить странное явление, которое сегодня мы называем предметом психологии. Но задумывались об этом не только ученые. Все мы и во все времена стремимся понять себя и пытаемся заглянуть в свой внутренний мир. Так было всегда, в том числе и в глубокой древности.

1.1. Первобытный анимизм

Начать разбираться в том, как менялись психологические представления людей, мы должны с самых

первых этапов становления психологической мысли. К сожалению, у нас нет возможности изучить самые ранние представления людей о своем внутреннем мире. Те времена безвозвратно ушли вместе с носителями первобытных представлений, не оставившими нам никаких источников, исследуя которые мы могли бы прояснить их мнение о том, что такое внутренний мир человека. Но исследователи все же попытались найти способ реконструировать эти представления. Надо сказать, что в конце XIX в. в истории была популярна *теория модернизации исторического процесса*. В соответствии с этой теорией древний мир мало чем отличается от современности (например, рабство — неважно, в Древней Греции или в США в XIX в., — это всего лишь одна из форм труда, которая активно используется и в наши дни). Одним из лидеров этого направления был известный немецкий специалист по древней истории **Эдуард Мейер (1855–1930)**.

Среди представителей теории модернизации для психологов представляют особый интерес имена двух английских этнографов — **Эдуарда Бернетта Тэйлора (1832–1917)** и **Джеймса Джорджа Фрэзера (1854–1941)**. В 1871 г. вышла книга Тэйлора «Первобытное мышление», в 1890-м — книга Фрэзера «Золотая ветвь». По мнению этих исследователей, те или иные особенности сознания древнего человека можно понять, используя работы, в которых изучаются взгляды, традиции, представления так называемых первобытных народов, то есть представителей народов, которых цивилизованные государства еще не осчастливили благами цивилизации. Эти народы жили во всех частях света, кроме Европы. (Даже в США были такие первобытные люди — индейцы.) К ним активно ездили европейцы — этнографы, географы, культурологи, — чтобы исследовать это удивительное явление —

неевропейцев — и рассказать своим согражданам об их быте, нравах, легендах, мифах и мировоззрении. Фрэзер и Тэйлор решили, что современные им «первобытные» народы живут и мыслят точно так же, как и древние люди, поэтому можно, изучив их, сделать выводы о том, как жили и о чем думали люди, жившие много тысячелетий назад. Многие историки оспаривали эту логику, но у нас нет другой возможности, чтобы понять первобытные представления о внутреннем мире человека. Поэтому мы хотя бы познакомимся с выводами, которые сделали этнографы в конце XIX в.

Используя указанный метод, Э. Тэйлор и Дж. Фрэзер приходят к выводу о том, что первобытные представления о душе подчиняются двум главным законам: закону анимизма и закону гилозоизма. Иными словами, древние люди верили в существование независимой от тела души (*анимизм*), которая время от времени может покидать тело. Как правило (после сна или обморочных состояний), душа возвращается, и жизнь продолжается. Но в определенный момент душа покидает тело навсегда, то есть наступает смерть. Одновременно древние люди верили в одушевленность всей природы (*гилозоизм*): душа есть не только у человека, но и у всего, что нас окружает: имеют душу не только животные и растения, но и камни и облака и т. п. Поэтому общение со всем, что окружает человека, требует столь же аккуратного и этически выдержанного поведения, как и общение с другими людьми.

1.2. Представления о внутреннем мире человека в странах Востока

Современная наука страдает серьезным недостатком. То, что мы сегодня называем научной психологией, зародилось в недрах европейской цивилизации,

главным образом в трех географических регионах: в Европе (Германии, Франции, Великобритании, Австрии, Швейцарии и некоторых других странах), в России и в США. Разумеется, сегодня психологией занимаются почти во всех странах, но это — не оригинальные разработки психологов этих стран, а использование того, что было создано в Европе или США. Например, можно встретить психологов из Африки, использующих психоанализ З. Фрейда, или чилийского исследователя, увлеченного советской культурно-исторической психологией.

Создав науку, построенную по лекалам рационализма и позитивизма, ученые, мыслящие по-европейски, пытаются навязать правила своего мышления другим культурно-историческим общностям, не обращая внимания на особенности культурного развития других народов — культурного развития, которое формирует иные познавательные подходы. И хотя подобный стереотип все чаще подвергается критике, он сохраняет свою силу. В связи с этим вне сферы нашего внимания остаются многочисленные подходы к пониманию человека, среди которых особо выделяется так называемая восточная философия.

К сожалению, и современная история психологии занимается только одной линией развития нашей науки. Это линия, сложившаяся в европейско-североамериканской (западной) цивилизации. Эта цивилизация известна именами таких великих ученых, как Платон, Декарт, Вундт, Джемс, и многими другими. Это и линия развития российской психологии. Но история психологии знает, что есть и другая цивилизация — восточная, где развитие представлений о человеке сильно отличается от западных представлений. Идея анализа, расчленения предмета психологии характерна для многих западных психологов. Мы должны, как говори-

ли некоторые лидеры психологической науки (например, В. Вундт), расчленил наш предмет на отдельные элементы, и тогда мы поймем, что такое душа человека, или его сознание. Эти представления о необходимости расчленения предмета прямо противоположны тому подходу к человеку, к его личности, который характерен для восточной традиции. В Египте, Китае, Индии формировались такие направления, мировоззренческие подходы (слово «исследования» здесь неуместно) к человеку, которые создавались в контексте иных, нежели в Европе, религиозных представлений. Такие мировоззренческие системы, как буддизм, индуизм, конфуцианство (а этих представлений придерживается примерно половина населения Земли), зародились примерно в одно время с философскими системами Древней Греции: в VII–VI вв. до н. э. Как говорят историки науки, восточные теории оказали воздействие на европейскую науку и, в частности, на европейскую психологию, о которой идет наш разговор.

Восточный подход к человеку противостоит аналитическому методу. Нам, людям с другой ментальностью, трудно это понять, иногда нам не хватает нужных слов, но термины «анализ», «исследование», «объект» не подходят для рассказа о восточном взгляде на человека. Это такой подход, в соответствии с которым человек как целостное существо должен подчиняться комплексу предписаний, традиций, процедур, духовных практик. Это не перечень догматов, которым подчиняется человек в христианстве, а с молоком матери впитанное состояние подчиненности некоторому целому. Мы часто принимаем европейское мышление как образец для подражания, идеал цивилизованности. Но мы не должны забывать, что первые цивилизации возникли в Индии и Китае, и до сих пор в этих странах хранятся традиции, сформировавшиеся много тысячелетий назад.

Одной из наиболее ранних мировоззренческих систем человечества считается буддизм, название которого произошло от имени его основателя индийского принца **Гаутамы (623–543 до н. э.)**. Он был сыном индийского раджи и с самых юных лет призывал людей любить друг друга и нести добро. Бог Брахма подарил Гаутаме золотое колесо — символ власти — и повелел ему оставить дом своего отца и идти проповедовать истину. Так принц и сделал, приняв имя Будда и став Учителем, проповедующим истину. Для многих людей он стал великим символом добра и справедливости.

В Древнем Китае одним из ведущих философских учений стало конфуцианство, названное так в честь его основателя **Конфуция (552–479 до н. э.)**. Он и его последователь **Мэн-цзы (372–289 до н. э.)** утверждали, что идеалом является создание гармоничного общества по древнему образцу, в котором всякая личность имеет свою функцию. В I в. нашей эры конфуцианство стало официальной религией Китая и существует до сих пор, впрочем, не в виде религии, а как своеобразное официальное мировоззрение Китая, а сам Конфуций рассматривается и в современном Китае как образец для подражания. Догматы, которые он сформулировал, были оспорены даосизмом — другой религией, возникшей в то же время на основе учения **Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.)** о пути (дао), который должен пройти человек. Дао — это не дорога из пункта А в пункт В. Это жизнь, которую проходит человек, обязательно сделав в начале пути первый шаг. Этот путь предписан нам, но пройти его должен только сам человек. Такая предзаданность, сопряженная со свободой, которую привносит в дао сам человек, и составляют суть этого учения. Однако принцип свободы, которым пронизан даосизм, не понравился Конфуцию. Главное в человеке — не переживания человека, как утверждал Лао-цзы,

а речь, которая лежит в основе познания и принятия правильных решений. Человек должен уважать нравственные нормы, сформулированные обществом и являющиеся основой человеческого общежития. Конфуций составил свод предписаний, которым должен следовать человек в своей жизни. Смысл их похож на десять заповедей христианства, но они имеют более «административный» характер. Человек, нарушавший законы конфуцианства, мог быть подвергнут не только моральному осуждению, но и уголовному преследованию.

Великие учения Востока не ушли в прошлое, не исчезли в нем. Люди западной цивилизации долго ничего не знали о восточных учениях, о практике работы с духом и телом, принятой на Востоке, о философии, содержащейся в религиозных системах буддизма, даосизма, конфуцианства. Только в XIX в. эти идеи начали проникать в Европу и приобретать форму эзотерических, тайных учений. Стала появляться эзотерическая литература, среди которой особой популярностью пользовались книги русской исследовательницы **Елены Петровны Блаватской (1831–1891)**. В Америке и Европе появилось спиритическое учение, представители которого пытались взаимодействовать с духами, будто бы являвшимися некоторым избранным — спиритам — в виде слабо различимых астральных тел и их голосов. Представители этого учения верили в бессмертие души и возможность общения с ушедшими в мир иной.

Но представители этого направления, которым сегодня мы пренебрегаем, не были единственными, кто обратил внимание на восточные учения. В XX в. отношение к человеку как к целостному организму, не разложимому на отдельные элементы, стало проникать в разные науки. Одной из таких наук стала физика. В со-

временных книгах по философии физики мы обнаруживаем множество апелляций к восточным учениям, используемых для объяснения феноменов, которые открывает современная наука. В своей книге «Дао физики» американский физик Фритьоф Капра приводит много примеров, когда физические открытия могут получить свое объяснение при помощи восточных учений. Конечно, Капра больше известен как популяризатор науки, но и в рассуждениях таких авторитетных исследователей XX в., как Вернер Гейзенберг, Норберт Винер, Альберт Эйнштейн, неоднократно встречаются высказывания, указывающие на их интерес к философии Востока. И в психологии можно отметить интерес к восточной философии. Например, серьезное внимание восточным подходам к человеку уделяли психоаналитики Э. Фромм и, особенно, К. Юнг.

Все сказанное позволяет еще раз вспомнить ответ на вопрос «Зачем нам история психологии». Если сегодня мы называем имена Будды и Сократа, Лао-цзы и Конфуция, Платона и Аристотеля, значит, это вызвано какой-то нашей потребностью. Более того, книги этих мыслителей в наше время издаются огромными тиражами, а значит, продаются. В каждом книжном магазине мы найдем книги Декарта и Локка, Фрейда и Выготского: бизнесмены-издатели продают сочинения, написанные много столетий и даже тысячелетий назад, и получают прибыль. Значит, современные издатели испытывают потребность в этой литературе, в тех идеях, которые в этих книгах содержатся.

Значит, история психологии нужна нам не только для того, чтобы выстроить логику развития этой науки, — есть глубинные причины, вследствие которых не только профессиональные философы, психологи или физики, но и люди, далекие от науки, испытывают интерес к мудрости наших предшественников. Не одни-

ми детективами живет душа человека, но и такими повседневными истинами, о которых, например, в XVII в. рассказывал японский поэт **Мацуо Басё (1644–1694)** в своих хайку (особых стихотворных формах):

Старый пруд!
Прыгнула лягушка.
Всплеск воды.

1.3. Психологические идеи в древнегреческой философии (VI–IV вв. до н. э.)

В первой половине первого тысячелетия до нашей эры отсутствуют какие бы то ни было научные сведения о внутреннем мире человека. В это время свои наблюдения люди пытаются осмыслить в художественной форме. Наиболее талантливые создают поэмы, в которых пытаются в поэтической форме описать вселенную и место в ней человека. До нас дошло мало имен таких исследователей, но наиболее древними из них являются древнегреческие поэты **Гомер (VIII в. до н. э.)** и **Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.)**.

Со временем житейские представления все более приобретали рационализированную форму, и в VII в. до н. э. начали появляться первые философы, среди которых выделяются так называемые **семь мудрецов (VII–VI вв. до н. э.)**. Из них на первое место общее мнение ставит **Фалеса Милетского (ок. 625 — ок. 547 до н. э.)**. Он известен тем, что предсказал солнечное затмение, а тирану, пожелавшему вознаградить его за открытие, ответил: «Для меня было бы достаточной наградой, если бы ты не стал приписывать себе, когда станешь передавать другим то, чему от меня научился, а сказал бы, что автором этого открытия являюсь скорее я, чем кто-либо другой».

В VI в. до н. э. возникли первые естественнонаучные представления. Появляется материалистическая

психология. В частности, врач и философ **Алкмеон Кротонский (VI–V вв. до н. э.)**, проводя наблюдения во время хирургических операций, впервые в истории знания выдвинул положение о локализации мыслей в головном мозгу. Это положение просуществовало в течение тысячелетий, и его разделяют многие современные психологи. Впрочем, вплоть до конца XVIII в. более распространенным было мнение, восходящее к учению Платона, о том, что психика человека имеет три центра представительства в теле человека: мозг, в котором концентрируется разум, сердце, отвечающее за мужество (волю), и печень как материальная основа вожделения.

В это же время возникает древнегреческое религиозное движение орфиков, которые верили в бессмертие души и реинкарнацию (переселение души после смерти человека в другое тело), но считали, что это — наказание, данное человеку за его грехи. Поэтому целью людей должна стать праведная жизнь, которая положит конец циклу реинкарнаций и освободит душу от тела. На воззрения орфиков большое влияние оказало учение философа **Пифагора (580–500 до н. э.)**, развивавшего концепцию «середины» как морального принципа, ведущего к торжеству добродетели.

Одним из самых известных мыслителей Древней Греции был **Гераклит (544–483 до н. э.)**. Он ввел в научный оборот очень важный термин — «логос», которым философ называл закон, управляющий всем существующим в мире. Понятие «логос» очень многозначно. Если открыть современные словари и посмотреть, что такое «логос», то мы обнаружим несколько десятков разных определений: смысл, значение, текст, закон и т. д. Один из этих переводов вошел в библейское «в начале было слово». Так или иначе, логос — это то, что было в начале. И это Начало пронизывает всех нас и сегодня.

Логос, по Гераклиту, — огонь, который представляет собой все сущее. Этот огонь то вспыхивает, то становится менее энергичным, но он горит всегда. Он неугасим и вечен. Душа человека — искорка этого логоса. Логос, по Гераклиту, находится в постоянном движении, он переходит из одного состояния в другое. Именно поэтому человек не может дважды войти в одну и ту же реку. Поскольку учение о постоянном движении стало одной из основных составляющих современной диалектики — философского учения о саморазвитии, — Гераклита стали называть первым диалектиком.

V в. до н. э. называют временем расцвета афинской демократии. Эта эпоха наступила после окончания так называемых греко-персидских войн (499–449 до н. э.), потрясавших древнегреческое общество полвека. Во второй половине V в. до н. э. особенно прославился своим мудрым руководством правитель Афин **Перикл (490–410 до н. э.)**. Афиняне четырнадцать раз выбирали его своим верховным стратегом (так называлась высшая должность в древних Афинах). При нем в Афинах сформировался политический лозунг свободы. В это время там жили и творили выдающиеся ученые, художники и поэты, в частности историки **Геродот (ок. 484 — ок. 425 до н. э.)** и **Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н. э.)**, основатель афинской философской школы **Анаксагор (ок. 496 — 428 до н. э.)**, скульптор **Фидий (ок. 490 — ок. 430 до н. э.)**, поэты **Эсхил (525–456 до н. э.)**, **Софокл (496/495–406 до н. э.)**, **Еврипид (480–406 до н. э.)**, сатирик **Аристофан (444 — между 387 и 380 до н. э.)**.

Сегодня мы вспоминаем в основном философские теории древних греков. Но это не означает, что они не занимались другими исследованиями, которые сегодня мы называем естествознанием. Так, **Архит из Тарента (428–347 до н. э.)**, философ и математик, пифагореец, друг Платона, занимался исследованием гармонии в

музыке. Он пришел к заключению, что высота тона зависит от частоты, с которой колеблется звучащее тело. И не только в Афинах развивалась древнегреческая наука и философия. В греческом городе Элей на юге современной Италии в V в. до н. э. жил еще один великий философ **Парменид (ок. 540 или 515 — ок. 470 до н. э.)**, считавший, что бытие находится за пределами наших чувственных восприятий. В городе Абдеры на востоке Балканского полуострова жил родоначальник материалистической философии, учитель великого философа Демокрита — **Левкипп (V в. до н. э.)**. Философ **Эмпедокл (490–430 до н. э.)**, живший в Агригенте на острове Сицилия, учил, что любовь и ненависть, дружба и раздор, склонность и отвращение — движущие силы всякого развития в истории. В городе Лариса жил врач **Гиппократ (ок. 460 — ок. 377 до н. э.)**, автор учения о темпераментах, в соответствии с которым основу человеческого организма составляют четыре сока: слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки).

1.3.1. Демокрит

Один из величайших философов Древней Греции — **Демокрит (ок. 460 — 370 до н. э.)**. В XIX в. К. Маркс назвал Демокрита и его младшего современника Платона основателями двух традиций, которые до сих пор существуют в науке. Демокрит сформулировал идею материализма, Платон — автор идеализма. Говорят, Платон так завидовал Демокриту, что повсюду искал его рукописи и уничтожал их. Сделать это, действительно, было не сложно. Книгопечатания еще не было, и рукописи существовали в одном-двух экземплярах. Наверное, это всего лишь выдумка, однако, на

самом деле, никакие рукописи Демокрита не известны, а рукописи Платона дошли до нас почти полностью.

Демокрит ввел представление о том, что все существующее во Вселенной состоит из *атомов* — мельчайших и далее неделимых частиц вещества. Идея атомизма, сформулированная Демокритом, просуществовала в науке в неизменном виде до конца XIX в. и была одним из неоспоримых постулатов классической науки. Душа, по мнению Демокрита, тоже состоит из атомов. Атомы души — мельчайшие и самые подвижные. Впрочем, термин «душа» древние греки не употребляли. Они называли внутренний мир человека словом «пневма», которым обозначали внутреннюю субстанцию человека, состоящую из атомов, постоянно меняющих свое положение, с дыханием поступающих в пневму извне и улетающих обратно. Соответственно и наука о так понимаемой душе стала называться пневматологией. Этот термин просуществовал до XIX в., и только после работ В. Вундта исследователи окончательно стали называть себя психологами, а свою науку — психологией. Да и само слово «психология» появилось в науке только в конце XVIII в.

Учение Демокрита имело серьезное мировоззренческое значение. Идея атома косвенно указывала людям на существование некой тверди, на которую человек всегда может опереться в трудную минуту. Когда в конце XIX в. ученые пришли к выводу о возможности разделить атом на более мелкие частицы, люди утратили что-то очень важное: уверенность в незыблемой опоре, которая никогда не исчезнет. Немецкий философ Ф. Ницше заявил: «Бог умер», а великий русский писатель Ф. М. Достоевский продолжил: «Если Бога нет — можно все». Наступило время цивилизационного кризиса, сопровождавшегося двумя мировыми войнами в XX в.

1.3.2. Сократ

В то время, когда Демокрит создавал свое философское учение, по улицам и площадям Афин ходил другой человек по имени **Сократ (469–399 до н. э.)**, который впервые употребил слово «философия» («любовь к мудрости»). Древние Афины по современным меркам были чем-то вроде небольшого поселка. Их население едва ли превышало пять-шесть тысяч человек. Поэтому Сократ был известен каждому афинянину. И надо сказать, что жители Афин не испытывали к нему большой любви. Это был толстый невысокий человек, бродивший по афинским улочкам и пристававший к своим согражданам с разными вопросами. Вопросы он задавал в основном афинским юношам, поскольку девушки по традициям, бытовавшим в то время, не должны были покидать свой дом (по крайней мере, без особой нужды и без сопровождения). Кроме того, Сократ понимал: чем моложе человек, тем более он восприимчив к тем новым идеям, которые высказывает философ. (Впрочем, восприимчивость к новым идеям всегда присуща молодым людям.)

Поведение Сократа не нравилось афинянам. Надо сказать, древние греки не были чужды нетрадиционной сексуальной ориентации. Так что сам по себе тот факт, что взрослый мужчина постоянно ищет общения с мальчиками, не могло не вызвать подозрения у их родителей. Но не это было главным. На самом деле, Сократ занимался так называемой *майевтикой*. В переводе с древнегреческого языка майевтика означает «родовспоможение». Мама Сократа была повитухой, то есть принимала роды у женщин. Сократ считал, что так же, как рождается человек, рождаются и мысли человека, но кто-то должен сопровождать рождение мыслей и оказывать содействие этому процессу. Исходя из этого, Сократ задавал людям вопросы, отвечая на которые те

должны были будто бы самостоятельно приходиться к правильным, по мнению Сократа, ответам. В итоге Сократ подводил собеседника к выводу о том, что главной целью человеческого существования являются не деньги, не почести, и не власть, и даже не поклонение богам, а некое неопределенное идеальное *благо*.

Еще большее неприятие афинян вызывали идеи Сократа, в соответствии с которыми он отвергал традиционное многобожие. Правда, сегодня Сократа считают предвестником так называемого монотеизма, характерного для большинства современных конфессий. Но в Древних Афинах это было воспринято как непочитание богов, и еще хуже — как их отрицание.

Жители Афин, возмущенные поведением Сократа, решили предать его суду. В то время решение суда выносилось путем голосования, в котором принимали участие все свободные и обладающие земельными наделами афиняне (сегодня мы назвали бы такую процедуру референдумом). История донесла до нас сведения о том, что в суде над Сократом принимали участие 500 человек. Абсолютным большинством было принято решение казнить Сократа через отравление. За это решение проголосовал 361 участник суда. Таким образом, суд над Сократом вошел в историю человечества как чудовищная несправедливость, ставшая результатом абсолютно демократического решения. Впрочем, среди руководителей Афин было много почитателей Сократа. Они долгое время затягивали казнь, а самому Сократу предлагали бежать. Однако Сократ проявил высшую степень принципиальности и стал тем самым образцом моральной чистоты. Он заявил, что всю жизнь рассказывал людям о бессмертии души, которая постигает благо после смерти человека, поэтому у него нет морального права бежать от казни. Наконец, ему принесли яд, и Сократ принял его.

Учениками Сократа называли себя многие философы: создатель гедонистической философии **Аристипп (ок. 435 — ок. 355 до н. э.)**, основатель мегарской школы **Евклид (ок. 450 — 380 до н. э.)**, глава школы киников (циников) **Антисфен (444/435—370/360 до н. э.)** и многие другие. Широкую известность приобрел ученик Аристиппа **Диоген Синопский (ок. 412 — 323 до н. э.)**, избравший своим домом глиняную бочку. Но наиболее известным среди учеников Сократа, конечно, стал основатель объективного идеализма Платон.

1.3.3. Платон

Платон (428—348 до н. э.) — автор первых научных текстов, которые известны современным людям, то есть дошли до нас в полном виде, а не в виде цитат. Многие исследователи говорят, что Платон был по чертам характера похож на З. Фрейда: такой же конфликтный, вспыльчивый и неуравновешенный человек. В юности Платон, обидевшись на своих сограждан, не принявших к исполнению его проекты по изменению государственного устройства, уехал из Афин и поклялся не возвращаться. Он отправился на остров Сицилия, которым правил тиран Дионисий. Там Платон начал разъяснять Дионисию пользу демократии. Однако тиран, который вначале призвал Платона помочь ему в строительстве идеального государства, идеи юноши не принял. Возможно, сам тиран и стерпел бы выходки философа, но Платон стал оказывать «вредное» влияние на младшую сестру Дионисия и ее мужа. Этого тиран не вытерпел и продал афинянина в рабство. Друзья, узнав об этом, за несколько лет собрали необходимую для выкупа сумму, но Платон к этому времени уже был на свободе. Собранные деньги были вручены Платону, он купил участок земли на северо-западной окраине Афин (официально эта земля не входила в черту

города, и потому, вступая на эту территорию, философ не нарушал свою клятву) и основал там философскую школу, которую стали называть Академией по имени покровителя этой местности демона Академа. Платон был убежден, что миром правит гармония, построенная на законах математики, поэтому над воротами Академии он поместил надпись: «Не знающий геометрии да не войдет сюда».

Трагические события в жизни Платона наложили серьезный отпечаток на его взгляды; как писал в конце XIX в. известный русский философ В. С. Соловьев, его «отрешенный» идеализм, в котором идеальный мир резко противопоставлялся этически несовершенной, дурной действительности, появляется именно в это время. В работах Платона, написанных в те годы, низшие и высшие части души находятся в постоянном конфликте друг с другом, а победа разума не окончательна. Тогда же в его теории появились мысли о несовершенстве человеческого познания, которое чаще всего познает лишь тени реальных истин.

Наибольшее значение для современной психологии имеет учение Платона о двух видах познания. Первый, самый важный для человека вид познания — познание истины. Оно не дается в виде чувственного восприятия, а только когда душа приобщается к миру идей. Идеи — это истинно сущее бытие, неизменяемое, вечное, не имеющее возникновения и не осуществленное в какой-либо субстанции. Они безвидны и незримы, существуют самостоятельно и независимо от чувственных вещей. В отличие от идей, материя — это небытие, бесформенное и незримое. Это — ничто, которое может стать любой вещью, то есть всем при соединении с определенной идеей.

Поясним эту идею Платона, воспользовавшись его же примером. Есть много разных лошадей, говорит

Платон. Но каждая лошадь отличается от других лошадей: есть лошади каурые, белые, вороные, есть более и менее крупные и т. п. Наконец, каждая лошадь обладает своим особым характером. В то же время мы безошибочно узнаем лошадь, если увидим ее, не обращая внимания на ее индивидуальные особенности. Значит, существует некое общее качество, присущее всем лошадям. Назовем это качество «лошадность». Именно эта «лошадность» и существует в мире идей, точно так же как в этом мире существуют «коровность» и «овечность», «человечность» и «зверность», «ложкость» и «вилкость» и т. д. и т. п.

Душа, по Платону, обладает способностью к реинкарнации, то есть перемещению в другое тело после смерти человека. Сегодня мы понимаем, что эта идея, скорее всего, появилась в учении Платона благодаря его знакомству с восточными философиями, где идея реинкарнации всегда занимала важное место. Действительно, не только Платон, но и другие древнегреческие путешественники бывали в Египте и Персии, где и могли знакомиться с учениями восточных мудрецов. Если же душа реинкарнирует, то она многое знает благодаря своим прежним жизням. Значит, она не просто приобщается к идеям, а припоминает то, что забыла в новом теле. Мир идей — это хранилище всеобщих знаний.

Платон считает, что главная ошибка людей — приписывание истинности знаниям, полученным при помощи чувственного восприятия. Ведь, с точки зрения Платона, это не знание, а мнение, то есть искаженное знание. Свою точку зрения Платон поясняет следующей иллюстрацией. Представим себе людей, живущих в пещере. У этой пещеры есть выход, но так сложилось, что люди живут, всегда повернувшись спиной к этому выходу. А там, за выходом, бурлит жизнь, наполненная ярким светом и населенная многочисленными актив-

ными существами. Но люди не могут это увидеть, поскольку их взоры всегда обращены на каменную стену, расположенную напротив входа. На стене же постоянно мелькают тени, которые создают обитатели мира, когда оказываются возле входа в пещеру. Наши мнения и представляют собой нечто, похожее на эти тени. Не истину дает нам чувственное восприятие, но лишь тени такой истины. Мы воспринимаем эти тени и думаем, что это и есть истина. На самом же деле это — ложное знание.

Другая важная теория Платона посвящена структуре души. По мнению древнегреческого философа, составляющими нашего внутреннего мира являются вождедеющее, мужественное и разумное начала. В какой-то степени этим началам соответствует то, что сегодня мы называем, соответственно, мотивационно-потребностной сферой, волей и познанием. И снова свою точку зрения Платон иллюстрирует при помощи мифообразной картины. Представьте себе колесницу, говорит философ, в которую впряжены два коня, стремящиеся умчаться в разные стороны. Один из них — вороной конь вождедения, другой — белый конь, символизирующий мужественное начало. Кони настолько сильны, что без сдерживающего начала сломали бы повозку и умчались прочь. Но, слава богам, в повозке сидит возничий, символизирующий разум. Именно разум сдерживает и гармонизирует разнонаправленные устремления вождедения и мужества.

1.3.4. Аристотель

В IV в. до н. э. происходит возвышение другого древнегреческого региона — Македонии. Ее правитель, завоеватель Персидской империи Александр Македонский был воспитанником еще одного великого филосо-

фа, ученика Платона — Аристотеля. **Аристотель (384–322 до н. э.)**, как и другие философы античности, исследовал самые разные стороны существования человека и мира. Он занимался филологией и теорией познания, космологией и этикой. В 325 г. до н. э. философ написал трактат «Политика», в котором исследовал устройство общества. Он же — основатель логики и автор первого из нам известных собственно психологических трактатов, который так и называется: «О душе». Аристотель жил в местности, которая называлась Ликей, откуда произошло известное сегодня название учебного заведения «лицей». Аристотель любил беседовать со своими учениками, прогуливаясь, поэтому философскую школу, которую он основал, стали называть перипатетической, а учеников Аристотеля — перипатетиками (что в переводе означает «прогуливающиеся»).

Аристотель сформулировал так называемый закон тождества, в соответствии с которым любое явление тождественно самому себе: $A = A$. Много столетий научное сообщество почитало Аристотеля как величайшего гения всех времен и народов, создавшего основы всех наук. Со временем это мнение претерпевало существенные изменения, ученые засомневались даже в законе тождества, а по мнению создателя теории относительности А. Эйнштейна, Аристотель задержал развитие науки на значительное время. В XIX–XX вв. возникают научные направления, в которых закон тождества неприменим: математическая теория множеств г. Кантора, экзистенциальная философия М. Хайдеггера, гуманистический психоанализ Э. Фромма и др.

По мнению Аристотеля, душа человека состоит из трех частей. Но это не просто части, а своеобразные уровни, из которых каждый новый оказывается пронизанным, «пропитанным» предыдущими. Во-первых, особая душа есть у растений, это *растительная* душа.

У животных добавляется особый уровень, который, вбирая в себя растительную душу, образует *животную* душу. Причем растительная душа присутствует в животном, но она существует в скрытом виде. Наконец, у человека формируется особое качество души — разум. В совокупности с разумной и животной душой он образует собственно *разумную* душу, которая составляет отличительную черту человека. Фактически мы обнаруживаем у Аристотеля идею эволюционного развития, которая нам более известна по работам английского естествоиспытателя XIX в. Ч. Дарвина.

Аристотеля можно было бы назвать, если воспользоваться современным термином, сенсуалистом: он ревностно отстаивал идею главенства органов чувств, благодаря которым человек и получает истинные знания. Эту особенность, явно отличающую учение Аристотеля от философии его учителя Платона, в XVI в. отобразил итальянский живописец Рафаэль Санти. На одной из фресок, которыми он расписал Ватиканский дворец (официальную резиденцию Папы Римского), изображено несколько десятков мыслителей афинской школы. В центре композиции — ее лидеры: Платон и Аристотель. Характерно, что рука изображенного Платона поднята вверх и как бы указывает на устремленность философа в мир идей, а рука его ученика указывает на то, что нас окружает, символизируя предпочтение, которое отдает Аристотель нашей чувственности.

Но главное, что интересно для современной психологии — учение Аристотеля, в соответствии с которым душа — особая форма, благодаря которой происходит организация тела (Аристотель обозначает такую форму термином «энтелехия»). В этом смысле душа имеется во всем, что есть в мире, поскольку каждая вещь есть единство материи и формы. Но в учении Аристотеля об энтелехии существуют особенности, которые

делают это понятие отличным от понятия формы в современной науке. Как мы знаем, учитель Аристотеля Платон высказался в пользу раздельного существования души и тела. Аристотель выступает категорически против этого. Сегодня многие исследователи пытаются изучать сознание, взятое отдельно от тела. Для Аристотеля такая постановка вопроса о сущности души не имела смысла. Изучать душу так, будто она не зависит от тела, невозможно. Энтелехия пронизывает тело человека и делает его одухотворенным. Впрочем, и тело не существует вне своей пронизанности душой. Проведем мысленный эксперимент. Представим себе воображаемый скальпель, которым мы пытаемся разделить тело и душу. Получится ли такое разделение? Если следовать учению Аристотеля, то ответ должен быть отрицательным. В каждой из полученных в нашем эксперименте половинок мы обнаружим и телесную, и духовную составляющую. Если мы продолжим делить полученные части, то снова обнаружим и духовные, и телесные составляющие. Такое деление можно производить бесконечно — результат будет тот же. Таким образом, аристотелевская энтелехия — вовсе не граница, которая отделяет тело от внешнего мира. Энтелехия — то, что делает человека человеком, формирует наше «Я» и отношение человека к миру. Термин «энтелехия» настолько глубок, что лучше не пытаться переводить его на другие языки.

Чтобы прояснить идею целостности, создаваемой энтелехией, приведем один пример, связанный с учением Фалеса. Многие древнегреческие философы, среди них и Фалес, считали одной из главных задач познания поиск начал, то есть того первого, из чего все произошло. Сам Фалес считал, что таким началом является единство воды и земли. Но те, кто раздумывал над этим положением, не могли понять, что собой может пред-

ставлять такое единство. Одну из разгадок предлагает философ XIX в. Если мы в стакан с водой поместим ложку земли и будем долго размешивать этот состав, то в итоге мы получим так называемую взвесь, то есть в воде будут плавать частицы земли. Если эту взвесь оставить на некоторое время, частицы земли осядут, то есть никакого соединения с водой не происходит. Таким образом, говорит этот философ, единство, о котором рассуждают древнегреческие философы, не может быть воспринято нашими органами чувств. Но такое единство может быть нами исследовано при помощи мышления: мы можем его помыслить.

Этот пример демонстрирует смысл понятия «энтелехия». Ее нельзя воспринимать, но можно помыслить. Тем самым Аристотель привлекает наше внимание к области человеческого знания, которую с тех пор стали называть метафизикой. Существует легенда о том, что после смерти Аристотеля его ученики стали разбирать написанные Аристотелем рукописи. В итоге появились разные группы его текстов: одни тексты ученики назвали физикой, то есть рассуждениями о природе, другие тексты были посвящены речи, третьи — логике. В итоге остались рукописи, которые никак не поддавались классификации. Эти рукописи были названы метафизикой, то есть чем-то, что подвергалось рассмотрению внеприродные явления. Так и появился термин «метафизика», который долгое время (вплоть до XIX в.) считался синонимом понятия «философия», а затем приобрел пренебрежительный оттенок бесполезных рассуждений.

Пытаясь описать механизмы мышления человека, Аристотель создал теорию ассоцианизма, которая стала широко применяться психологами в первой половине XIX в. По мнению Аристотеля, наше мышление все время производит сравнения, и это — основной принцип его работы. Поэтому древнегреческий философ

задается вопросом: как происходит такое сравнение? Поскольку все, что находится в мышлении, поступает туда при помощи органов чувств, древнегреческого философа заинтересовал вопрос, как соединяются друг с другом разные по своему качеству ощущения. Мы можем представить, как сравнивается короткое и длинное, тяжелое и легкое, громкое и тихое, — такое сравнение производит тот или иной орган чувств, соответственно, зрение, мышечное чувство, слух. Но как мы сравниваем белое и кислое, длинное и горячее? А ведь такое сравнение происходит, поскольку мы знаем, что белое отличается от кислого, а длинное — от горячего. Действительно, громкое и тихое различны по силе звука, которая присуща и громким, и тихим звукам. Темные и светлые изображения различаются своей яркостью. Но как мы отличаем, например синее от горячего? Наверное, где-то за пределами наших ощущений, рассуждал Аристотель, должен существовать механизм, который и производит такое различие. Именно на уровне этого механизма, а не в системе ощущений, происходит соединение разных элементов нашего внутреннего мира.

Этот механизм Аристотель назвал «чувствилище». Сюда поступают ощущения, и здесь модальность ощущений утрачивает свое значение¹. Здесь происходит объединение чувств, которые получает человек. В итоге Аристотель создал классификацию ассоциаций, которая до сих пор используется психологами. Такое объединение подчиняется нескольким правилам. Здесь ощущения ассоциируются, то есть связываются друг с другом разными способами.

¹ В современной психологии термин «чувствилище» не употребляется, но проводятся исследования так называемой амодальности наших ощущений.

Во-первых, ассоциирование происходит в соответствии с правилом *сходства*. Если образы двух предметов, полученные человеком, сходны, то в дальнейшем при восприятии одного из этих предметов мы припомним и второй предмет. Например, если мы встречаем нашего друга вместе с незнакомым человеком, то потом, встретив этого незнакомца, вспоминаем друга. Между этими двумя образами в чувствилище возникает ассоциация, связь по сходству.

Второй принцип — *контраста*, когда два предмета сильно отличаются друг от друга. Если незнакомец кажется нам сильно отличающимся от нашего друга, между этими двумя образами также образуется ассоциация.

Ассоциации могут возникать, если между двумя предметами существует *смежность* во времени или в пространстве, когда воспринимаемые предметы находятся рядом или воспринимаются одновременно. Тогда при восприятии одного из этих предметов припоминается и другой. Эти рассуждения Аристотеля легли в основу всего дальнейшего ассоцианизма и используются психологами до сих пор.

Аристотель считал, что душа время от времени испытывает кризисные состояния, от которых человеку помогает избавиться так называемый *катарсис*, то есть эмоциональное очищение, происходящее во время наивысшего духовного напряжения. Добиться катарсиса помогает, в частности, созерцание театральных постановок. Таким образом, можно сказать, что Аристотель предвосхитил возникновение некоторых современных психотерапевтических технологий.

* * *

В III в. до н. э. продолжалось построение новых философских систем, причем особое внимание стало уде-

ляться этической стороне. Появилась школа *стоиков*, основателями которой считаются философы **Хризипп (281/278–208/205 до н. э.)** и **Зенон (ок. 334 — ок. 262 до н. э.)**, учивший твердости и стойкости, необходимым для преодоления всех жизненных трудностей. Для этого человек, в частности, должен освободиться от своих эмоций. **Пиррон (ок. 360 — 270 до н. э.)** создает философию скептицизма, в основе которой — сомнение в существовании абсолютной истины. Ученик Аристотеля **Теофраст (370–288 до н. э.)** в трактате «Характеристики» выделил 30 характеров (притворщик, льстец, пустослов, деревенщина, угодливый, отчаянный, болтун, сочинитель слухов, бессовестный, мелочный, наглец, несуразный, усердствующий, бестолковый, зазнайка, суеверный, брюзга, подозрительный, неопрятный, несносный, тщеславный, скаред, хвастун, надменный, трус, приверженец олигархии, молодящийся, злоречивый, дружок подлецов, жадный) и дал их описание, основанное на наблюдении за поступками людей.

Принято считать, что древнегреческий философ **Эпикур (341–270 до н. э.)** развивал учение Демокрита. Хотя, кроме идей атома и пустоты, во всем остальном Эпикур явился, скорее, антагонистом Демокрита. У Демокрита чувственный мир — субъективная видимость; у Эпикура — объективное явление. По Демокриту, миром правит необходимость; по Эпикуру — случай. Демокрит стремится к эмпирическим знаниям; Эпикур — сторонник философских размышлений. Для него главное — не поиск эмпирических фактов, а ориентация на поиски счастья и искусства жить. Высшей же ценностью является не истина, а «чистое» наслаждение, которое означает отсутствие страдания и состояние безмятежности духа.

В III в. до н. э. в Египте при царской династии Птолемеев, основанной одним из полководцев Александра

Македонского, были созданы библиотека и музей в Александрии. Музей представлял собой, по существу, исследовательский институт, где проводились исследования в различных областях знания, в том числе по анатомии и физиологии.

1.4. Психологические учения философов Древнего Рима

История Древнего Рима насчитывает полторы тысячи лет — с VIII в. до н. э. до VII в. н. э. Однако наибольшего расцвета это государство достигло в период так называемой поздней Римской республики и ранней Римской империи, то есть с III в. до н. э. до III в. н. э. С II в. до н. э. центр научных и философских размышлений окончательно перемещается из Греции в Рим, который становится центром Древнеримского государства, включающего в себя обширные территории, в том числе и Грецию. В конце III в. до н. э. начинается эпоха завоеваний Древним Римом сопредельных территорий, продолжавшаяся более ста лет. В это время в Риме осуществляется республиканская форма правления, в которой начинают ярко проявлять себя демократические тенденции. Популярность приобретают политические деятели, критикующие сложившиеся порядки и призывающие к реформам государственной власти: государственный деятель и писатель **Марк Порций Катон (234–149 до н. э.)**, оратор и философ **Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.)**.

Современные историки подчеркивают, что древнеримские ученые не сумели создать оригинальные философские системы. Скорее, они были направлены на осмысление того, что было сделано древнегреческими мыслителями, и главным образом пытались претворить идеи греков в практику. Характерно в этом

смысле творчество древнеримского поэта и философа, последователя Эпикура **Лукреция Кара (99–55 до н. э.)**, который вошел в историю как автор стихотворного изложения учения Эпикура под названием «О природе вещей». Лукреций критиковал учение стоиков о разуме, разлитом в виде пневмы. Он же донес до нас основные представления о том, что происходит с душой после смерти человека, господствовавшие в те времена. Основными такими представлениями были следующие три: 1) душа погибает вместе с телом (этого учения придерживался Эпикур); 2) душа уходит в преисподнюю; 3) душа переселяется в другие живые существа.

Периодически в Древнеримской республике вспыхивали диктаторские тенденции. Среди диктаторов в истории запомнились **Сулла (138–78 до н. э.)**, присвоивший себе диктаторские полномочия, но через два года отказавшийся от них и ушедший в частную жизнь, а также известный своей жестокостью и произволом **Нерон (37–68)**. Для эпохи Нерона характерен резкий контраст между богатством одних и бедностью других римлян. Нищие на улицах Рима просили милостыню у патрициев, выставляя напоказ своих детей, специально для этой цели искалеченных. Импульсивность тирана вызывала многочисленные протесты против его правления. В результате Нерон подавил несколько заговоров, из которых наиболее известна попытка 65 г., во главе которой стоял римский политик Пизон.

На фоне политической борьбы между свободой и деспотией в Древнем Риме проявляют себя ученые и представители искусства. Впрочем, во второй половине XX в. известный французский философ и психолог **Мишель Поль Фуко (1926–1984)**, создавший первую во Франции кафедру психоанализа, говорит о философии как о своеобразной психотерапии, которую прак-

тиковали древнегреческие и древнеримские мыслители, общаясь со своими учениками. Настоящий философ, говорит Фуко, — тот, кто, беседуя со своими учениками, помогает им овладеть собой. Фуко называет такую практику «заботой о себе». Философ учит своих учеников жить в этом мире, и в этом — его призвание. Среди таких философов-практиков Фуко выделяет стоиков Сенеку и Марка Аврелия (который к тому же был римским императором). **Сенека (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.)** настаивал на телесности всего сущего, однако верил в возможность безграничного развития человеческого знания. Он был противником императора Нерона, и после подавления одного из заговоров Нерон приказал Сенеке совершить самоубийство, что тот и сделал, вскрыв себе вены. **Марк Аврелий (121–180)** усматривает в человеке три начала, добавляя к душе (или пневме) и телу еще интеллект (или нус). Если прежние стоики считали душу-пневму главенствующим началом, то Марк Аврелий называет ведущим началом разум. Разум-нус представляет неиссякаемый источник импульсов, необходимых для достойной человека жизни. Нужно привести свой разум в согласие с природой целого и достигнуть благодаря этому бесстрастия, поскольку в согласии со всеобщим разумом заключено счастье.

Среди других римлян, способствовавших развитию наук, можно назвать историка **Плутарха (ок. 45 — ок. 127)** и писателя **Апулея (род. ок. 124)**. Плутарх жил в Греции, которая в то время была провинцией Древнего Рима. Свои философские позиции он изложил в работах, посвященных толкованию трудов Платона и критике взглядов эпикурейцев и стоиков. Апулей активно способствовал ассимиляции греческой учености в Риме. Он переводил на латынь сочинения Аристотеля, писал трактаты, выступал в Карфагене,

где он родился, и в других городах Древнеримской империи с речами, популяризируя идеи Сократа, Платона, Аристотеля, Пифагора. В романе «Метаморфозы» Апулей рассказал миф о Психее, который современные исследователи используют, объясняя возникновение названия науки психологии.

Ученые Древнего Рима занимались и такими науками, как астрономия и медицина. Один из основоположников астрономии **Гиппарх (180–125 до н. э.)** составил каталог, включающий положение 850 звезд, разделенных по блеску на шесть классов. В I в. до н. э. ученые Древнего Рима установили, что при поперечной перерезке спинного мозга уничтожалась произвольная подвижность и чувствительность всех частей тела, лежащих ниже перерезки, при этом паралич наступал от нарушения передних корешков, потеря чувствительности — задних.

Древнеримские ученые провели большую работу по систематизации науки. Так, **Плиний Старший (23/24–79)** составил «Естественную историю» в 37 томах, которая фактически представляла собой энциклопедию всех существующих на то время знаний. Врач **Гален (129 или 131 — ок. 200 или 217)** — автор сводного сочинения по медицине, анатомии и физиологии (он также описал четыре темперамента, которые традиционно называют гиппократовскими). Перипатетик **Александр Афродисийский (конец II — начало III в.)**, преподаватель философии в Афинах, дал сводку знания о зрительном восприятии.

Систематизацией богословия занимался **Ориген (ок. 185 — ок. 254)**, автор работы «О началах». Ориген развивал учение философа-мистика **Филона Александрийского (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.)**, который считал, что в человеке противопоставляются две силы — духовная (нематериальная) и земная, связанная с

природой. Ориген создал учение о предсуществовании человеческих душ. Согласно этой доктрине, заметно отличающейся от традиционного понимания реинкарнации в индуизме или платонизме, души не воплощались в животных или растениях — они продвигались по пути к совершенству, проникая во все более и более «просветленные» человеческие тела. Продолжателем оригенизма стал византийский богослов и философ **Максим Исповедник (580–662)**. Причем его работа осуществлялась уже после того, как в 553 г. Второй Константинопольский собор осудил работы Оригена. Особые нарекания у теологов вызывала теория Оригена о предсуществовании душ.

Переосмыслением учения Платона занимался **Плотин (205–270)** — основатель в Риме школы неоплатонизма. Плотин утвердил принцип абсолютной нематериальности души. Он развивал учение о происхождении отдельной души от мировой в процессе эманации творческой деятельности бога, в результате которой образуется видимый мир с его последовательной — нисходящей — лестницей ступеней совершенства. Одной из ступеней на этой лестнице — душа как посредствующее начало между сверхъестественным миром и материальными явлениями (последней ступенью эволюции).

1.5. Средневековая психология

Началом Средневековья можно считать IV–V вв. В IV в. начинается разделение Римской империи на Восточную и Западную. Эту великую реформу провел император **Константин I Великий (ок. 285 — 337)**, сделавший христианство государственной религией и перенесший столицу в Константинополь (нынешний Стамбул).

Ярким отличительным признаком этой эпохи является превращение христианства в основную религию Европы и его проникновение во все поры общественной и личной жизни людей. Религия построена на догматах, то есть утверждениях, которые не требуют доказательств, причем даже попытка такого доказательства является греховной. Поэтому христианство крайне негативно относилось к науке, которая всегда пыталась противопоставить вере в божественную предопределенность рациональное доказательство причинной обусловленности всего сущего. Христианство, которое само рождалось в страданиях и муках, стало разрушать научные школы. Так, в III в. был закрыт Ликей, созданный еще Аристотелем. Была уничтожена так называемая александрийская научная школа, в том числе одна из крупнейших библиотек и научно-исследовательский центр (музей). В начале VI в. император Юстиниан закрывает просуществовавшую около тысячи лет Афинскую школу — последний очажок античной философии².

Одним из провозвестников христианской идеологии стал **святой Иероним (342 — 419 или 420)**, создавший канонический текст Библии. Но наиболее почитаемым не только теологами, но и философами стал **Блаженный Августин (354–430)**. Он ввел в философию понятие о внутреннем опыте, положение «я мыслю, следовательно, я есть» (в XVII в. ставшее основным в философии Р. Декарта), из которого выводил тезис о достоверности нашего существования. Вывод о своеобразии сознания и о наличии особой внутренней жизни следу-

² Только в XI–XII вв. в христианстве была предпринята попытка совместить религию и науку. Была создана «теория двух истин». В соответствии с этой теорией, за наукой было признано право на истинность, но только до тех пор, пока она не вступала в противоречие с церковными догматами. В этом случае право на истину отдавалось религии.

ет у Августина из разрешения задач религиозного характера. Бог в его учении представляет собой высшую сущность. Попытка создать христианское психологическое учение представлена в труде «О природе человека» ранневизантийского мыслителя **Немесья Эмесского (конец IV — середина V в.)**. Римский философ **Боэций (ок. 480 — 524 или 526)** пытался совместить свободу воли с промыслом Бога.

В VII в. произошло событие, до наших дней оказывающее влияние на научное мировоззрение. После объединения арабских племен на Аравийском полуострове возникло государство, имевшее своим идеологическим оплотом новую религию — ислам. Его вдохновителем стал пророк **Мухаммед (571–632)**. Согласно исламскому учению, Аллах ниспослал Мухаммеду свое священное писание — Коран. Уже в середине VII в. воодушевленные новой идеологией исламские государства начали свою экспансию на другие территории. К середине VIII в. под властью Арабского халифата находились территории Римской империи (в том числе Греция), Испании, а также Средняя Азия, Закавказье, Ближний Восток, Северная Африка.

Поразительна терпимость, с которой ислам отнесся к достижениям античной науки. В современной истории науки существует убеждение, что только благодаря бережному отношению со стороны ислама к культурным достижениям завоеванных стран смогли сохраниться знания, полученные в Древней Греции и Древнем Риме. По крайней мере, труды таких столпов научного мировоззрения, как Платон, Аристотель, многих других философов древности были «открыты» заново средневековыми учеными после их обратного перевода с арабского языка.

Проводили научные исследования и сами ученые в странах, находящихся под властью ислама. Араб-

ский ученый **Ибн аль-Хайсам (в латинской транскрипции — Альгазен) (965–1039)** занимался исследованиями восприятия. В каждом зрительном акте он различал, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой — присоединяющуюся к этому эффекту работу ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов. Среднеазиатский ученый **Ибн Сина (в латинской транскрипции — Авиценна) (980–1037)** разработал собственную теорию темперамента и характера человека, впрочем, похожую на теорию Гиппократов. Западноевропейский философ и врач **Ибн Рошд (в латинской транскрипции — Аверроэс) (1126–1198)** активно занимался пропагандой трудов Аристотеля, переводя на арабский язык и комментируя сочинения великого грека.

В XII в. в Европе появились первые светские университеты — сначала в Италии, а затем и во Франции, в Париже³. Впрочем, в них по-прежнему превалировало религиозное образование.

Итальянский теолог **Фома Аквинский (1225–1274)**, самый видный схоласт, изложил свои взгляды наиболее полно в трактате «Сумма теологий». Его система стала ведущим направлением католицизма. Основным в учении Фомы Аквинского явилось учение примата авторитета над волей отдельного человека. Его философия, получившая название «томизм», до сих пор пользуется безоговорочным авторитетом в католицизме, а в 1879 г. согласно папской энциклике Фома Аквинский был объявлен католической церковью наиболее авторитетным католическим теологом,

³ Впрочем, Болонский университет, открывшийся в 1088 г., можно считать, скорее, юридической школой. А университет в современном понимании был открыт в Париже в 1208 г.

его учение канонизировано как истинно католическая философия.

Направление в европейской науке, которое возглавил Фома Аквинский, назвали *реализмом*. Философы-реалисты считали, что понятия, обозначающие те или иные предметы, существуют объективно, то есть реально, а вещи являются лишь отображениями этих идей. Тем самым реализм явился прямым продолжением объективного идеализма Платона.

Реализму в европейской науке противостоял *номинализм*, который был распространен среди философов Британии. Номиналисты утверждали, что научные понятия являются названиями реально существующих предметов. Сегодня хорошо известны имена философов-номиналистов **Иоанна Дунса Скота (1265/1266–1308)**, решительно выступившего в пользу превосходства свободной воли человека над любой предопределенностью, и профессора Оксфордского университета **Уильяма Оккама (1285/1300–1349/1350)**, сформулировавшего принцип научной работы, который называют «бритва Оккама». В соответствии с этим принципом ученому не следует в своей работе создавать новые способы объяснений без крайней к тому необходимости⁴.

Английские ученые уделяли значительное внимание механизмам чувственного восприятия человека. Так, **Роджер Бэкон (1214–1292)** считал, что существует три типа опыта: реальный (жизненный), чувственный и духовный (мистический). Однако в своих научных изысканиях он больше известен как исследователь

⁴ К сожалению, некоторые ученые понимают принцип Оккама как указание на упрощение: чем проще объяснение того или иного феномена, тем «научнее» это объяснение. Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров такого использования «бритвы Оккама» стал бихевиоризм в первой половине XX в.

чувственного опыта, а в первую очередь как ученый, поставивший зрительное восприятие в зависимость от оптического устройства глаза. В этом с ним был солидарен его коллега по Оксфордскому университету **Роберт Гроссетест (1170–1253)**. Еще один известный исследователь восприятия немец **Эразм Циолек Витело (1220–1280)**, занимаясь исследованиями радуги, рассматривает также эстетическое значение отдельных цветов.

Средневековая теология, как уже сказано, с подозрением относилась к науке. Чтобы наука не вышла из сферы влияния религии, многие научные проблемы стали разрабатывать в рамках теологии, то есть науки о Боге. Но в таком подходе содержалось существенное противоречие. Дело в том, что в основе религиозного мировоззрения лежит принцип, в соответствии с которым истина дана человеку божественным откровением. Наука же придерживается прямо противоположного взгляда: научные истины постигаются путем рациональных размышлений и доказательств. Таким образом, логическое постижение Бога является с точки зрения религии еретической идеей. Тем самым теология постоянно находилась в тисках противоречий: с одной стороны, она претендовала на статус научного, то есть рационального подхода, и в то же время должна была доказывать неприемлемость рационализма светской науки.

Большинство теологов, разумеется, пытались рационально осмыслить божественные истины. Но среди теологов были и те, кто утверждал, что постигает истины посредством озарения. Например, немецкий теолог **Мейстер Экхарт (1260–1327)** известен как сторонник идеи мистического экстаза как основного способа познания мира, сущность которого составляет Бог. Человек способен познавать Бога благодаря

тому, что в нем самом, то есть в человеке, есть несо- творенная искорка Бога⁵.

1.6. Эпоха Возрождения

В XIV в. в Европе начинается изменение в миро- воззрении людей, получившее наименование «ренес- санс» (возрождение). Странники ренессанса гово- рили прежде всего о необходимости реформирования церкви в соответствии с канонами Библии и главным в таком реформировании считали возврат к гуманизму⁶. В Италии новая эпоха отчетливо выразилась в поэти- ческих и прозаических произведениях, и сегодня считающихся лучшими образцами классической литера- туры. Ее представители **Данте Алигьери (1265–1321)**, **Франческо Петрарка (1304–1374)** и его последова- тели **Колуччо Салютати (1331–1406)** и **Леонардо Бредни (1369–1444)** сделали модой в европейской литературе так называемую платоническую любовь, то есть любовь, лишенную чувственной основы. Духом свободы пронизаны сочинения создателя итальянской прозы **Джованни Боккаччо (1313–1375)**.

В XV–XVI вв. движение Реформации распро- странилось и на север Европы. Воспитанник одного из монастырей доктор богословия **Эразм Роттердам- ский (1469–1536)** призывал человека к такому обра- зу духовной жизни, в котором сочетались бы свобода, ясность, миролюбие, умение не впадать в крайности, образованность и простота. Французский писатель

⁵ В начале XVII в. своими мистическими видениями просла- вился немецкий сапожник Якоб Бёме (1575–1624). Идея мистиче- ского постижения мира была реанимирована в спиритизме XIX в.

⁶ Многие считают, что «открытие» Возрождения произошло благодаря работам швейцарского историка культуры Якоба Бурк- хардта (1818–1897).

и философ **Мишель де Монтень (1533–1592)** в своей известной книге «Опыты» (1580) утверждает, что человек существует не для того, чтобы создавать себе нравственные идеалы и стараться к ним приблизиться, а для того, чтобы быть счастливым.

Начиная с XV в. начинает формироваться наука в современном понимании этого термина. Немало этому способствовало изобретение в 1440 г. книгопечатания немецким мастером **Иоганном Гутенбергом (1397/1400–1468)**. Совершаются инновационные открытия в технике, географии, медицине. В конце XV в. в Италии жил один из величайших гениев всех времен **Леонардо да Винчи (1452–1519)** — художник (живописец, скульптор, архитектор), ученый (анатом, естествоиспытатель), изобретатель, писатель, музыкант, один из крупнейших представителей искусства Возрождения, яркий пример «универсального человека». Свои путешествия совершает в 1492–1493 гг. **Христофор Колумб (1451–1506)**. А в 1499–1504 гг. совершаются испанские и португальские экспедиции **Америго Веспуччи (1454–1512)** к берегам Южной Америки, названной им Новым Светом. В 1507 г. на карте, изданной немецким картографом Мартином Вальдземюллером, появилась новая часть света, которая была названа в честь Веспуччи Америкой.

Церковь не собиралась сдаваться народившейся гуманистической волне. Церковные функционеры нашли новые жесткие (и даже жестокие) формы борьбы. Одним из наиболее ужасных способов борьбы с инакомыслием (ересью) стала инквизиция. Надо сказать, что особый церковный суд католической церкви под названием «инквизиция» был создан еще в 1215 г., однако в течение нескольких столетий деятельность этой организации была мало заметна. Этот институт достиг своего апогея в 1478 г., когда была учреждена испан-

ская инквизиция. С 1483 г. ее трибунал возглавил Томас Торквемада, прославившийся особой жестокостью. Поскольку Церковь считала греховным пролитие крови другого человека, еретиков казнили более «гуманным» способом — их живьем сжигали на костре (эта процедура получила название «аутодафе»). Таким образом, повседневная действительность плохо сочетается с христианскими идеалами, о чем цинично поведал миру флорентийский дипломат **Никколо Макиавелли (1469–1527)** в своей книге «Государь» (1532)⁷.

Ради справедливости надо сказать, что инквизиция почти не боролась против науки. Ее деятельность была направлена, скорее, против тех, кого сегодня называют парапсихологами (экстрасенсы, телепаты и т. д.), а в Средневековье называли ведьмами и колдунами. Среди ученых, подвергшихся преследованию инквизиции, можно назвать лишь **Галилео Галилея (1564–1642)**, под угрозой смерти отрекшегося от своих научных убеждений, и **Джордано Бруно (1548–1600)**, который был сожжен на костре в 1600 г. Впрочем, и Бруно был сожжен не за свои научные взгляды, а за то, что верил в магию и оспаривал некоторые церковные догматы. Тем не менее, по самым скромным подсчетам, жертвами инквизиции стали несколько десятков тысяч человек в Европе⁸.

Впрочем, Возрождение продолжалось. В XVI в. совершает революционный переворот в естествознании польский астроном **Николай Коперник (1473–1543)**, автор гелиоцентрической системы мира. В 1588 г. датский астроном **Тихо Браге (1546–1601)**, в противовес теории Коперника, выдвинул свою собственную, со-

⁷ Авторству Н. Макиавелли приписывают известную фразу «Цель оправдывает средства».

⁸ В России, по понятным причинам, католические институты не имели места, однако и здесь несколько десятков человек были сожжены как еретики.

гласно которой вокруг Солнца вращались все планеты, за исключением Земли; последняя же оставалась неподвижной, и вокруг нее обращались Солнце с планетами и Луна. Это было некоторым шагом вперед по сравнению с системой Птолемея, но решительным шагом назад по сравнению с победившей все же системой Коперника. В начале XVII в. теорию Коперника своими расчетами подтвердил немецкий математик **Иоганн Кеплер (1571–1630)**.

Испанский врач **Хуан Луис Вивес (1492–1540)**, чей отец был сожжен инквизицией, а мать получила тот же приговор, в знаменитой в ту эпоху в Европе книге «О душе и жизни» доказывал, что человеческая природа познается не из книг, а путем наблюдения и опыта. При этом основным способом, с помощью которого открываются человеку отдельные проявления его души, по Вивесу, является внутренний опыт или самонаблюдение. Идеи Вивеса позже развивал другой испанский врач, **Хуан Урте (1530–1592)**, учитель будущего знаменитого философа Ф. Бэкона. Знаменитый швейцарский врач **Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (1493–1541)**, больше известный по псевдониму Парацельс, утверждал, что существуют скрытые и неизвестные науке силы и явления в человеке и космосе (природе). Испанский врач и теолог **Мигель Сервет (1511–1553)** впервые описал малый круг кровообращения. (В XVII в. английский врач **Уильям Гарвей (1578–1657)** открыл большой круг кровообращения (1628), доказав тем самым, что вся кровь в теле человека проходит через сердце.) Испанский врач **Гомес Перейра (1500–1560)** предложил считать организм животного своего рода машиной, которая не нуждается для своей работы в участии души. Благодаря усилиям голландского врача **Андрея Везалия (1514–1564)** возникла анатомия.

К концу XVI в. созрели условия для возникновения научного познания в том его понимании, к которому мы привыкли сегодня. Приближалась пора научной революции.

1.7. Психология в XVII в.

Начало научной революции неразрывно связано с именем итальянского физика и астронома **Галилео Галилея (1564–1642)**, учившего, что природа есть система движущихся тел, не обладающих никакими свойствами, кроме геометрических и механических. Тем самым была создана новая форма детерминизма, а именно строгий механический детерминизм, ставший господствующей формой научного мышления вплоть до XX в. Основные идеи детерминизма были сформулированы еще Демокритом, который считал: тот, кто не признает судьбу, просто не знает причинно-следственных связей, а на самом деле человеком руководит судьба, рок. В основе механического детерминизма лежит идея причинно-следственной зависимости: все в мире построено по закону, в соответствии с которым любое явление — это следствие, имеющее свою причину.

В начале XVII в. был изобретен телескоп (независимо друг от друга несколькими учеными, в том числе Галилеем). Благодаря этому изобретению в соответствии с идеей детерминизма в 1610 г. Галилей открывает небольшие звездочки вблизи Сатурна (спутники Сатурна), горы на Луне, четыре спутника Юпитера и пятна на Солнце. В 1655 г. голландский математик и астроном **Христиан Гюйгенс (1629–1695)** открывает кольца Сатурна. Ученые открыли законы баллистики, явления магнетизма, был изобретен барометр, созданы новые технологии отливки металла, химики открывали новые вещества, появляется первая научная (в со-

временном смысле), хотя и отвергнутая в XIX в. химическая теория: химики выдвинули теорию флогистона, то есть «начала горючести».

Еще в XVI столетии Леонардо да Винчи предложил проекты гусеничного транспорта, прокатных станков, подвижных землеройных машин, пытался реализовать проекты летательных аппаратов. В XVII в. в Англии была сделана первая подводная лодка. Кардинальные изменения произошли и в биологии. Используя новейшее изобретение — микроскоп (1590), итальянский биолог и врач **Марчелло Мальпиги (1628–1694)** исследовал анатомию («механику») растений и эмбрионов животных.

Наука становилась действенной силой, определяющей общественное развитие. В 1576 г. датский астроном **Тихо Браге (1546–1601)** открыл обсерваторию Ураниборг. Это был первый научно-исследовательский институт в Европе. Стали возникать первые общества ученых. Самыми знаменитыми стали академии в Риме (основана в 1600 г.) и во Флоренции (открыта в 1651 г.). В 1662 г. было образовано Лондонское королевское общество, а в 1666 г. стала действовать Французская королевская академия наук.

На теоретической базе открытия, которое сделал Галилео Галилей, озвучив законы, описывающие колебания маятника, Х. Гюйгенсу удалось создать карманные, а затем и наручные часы (1658). Это изобретение так поразило европейцев, что в научное мышление прочно вошла «метафора часов». В соответствии с этой метафорой, все в природе, включая человека, создано Всевышним с такой же точностью «подгонки» отдельных частей, как это видно на примере такого сложного механизма, каким являются часы. Богу приписывалось сотворение всех действующих причинно-следственных связей.

Механика стала проникать в повседневную жизнь людей. В королевских садах и парках Европы наряду с прочими чудесами и диковинами этого удивительного века появились новые причудливые увеселения: водяные струи подавались по проложенным под землей трубам и заставляли двигаться механические фигуры. Все это послужило почвой для возникновения представлений об организме как своего рода машине, которая работает подобно помпе, перекачивающей жидкость. Эта идея переносилась и на научное познание психики. Поскольку же наиболее явно с внутренним миром человека связано его тело, представлявшееся сложной машиной, то и познание причин психических явлений получило в качестве непреложной предпосылки обращение к механическому устройству.

Благодаря определению понятия «культура», которое ввел немецкий юрист и историограф **Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694)**, эти же представления распространялись и на культуру в целом. Пуфендорф употребил этот термин применительно к «человеку искусственному», воспитанному в обществе, в противоположность человеку «естественному», необразованному. Таким образом, базовой идеей культуры — как в сфере философии, так и находящейся под ее влиянием психологии, — был дух механицизма, представление Вселенной в виде гигантской машины, а человек как искусственный механизм был противопоставлен всему природному. В основе всех человеческих поступков философы XVII в. усматривают самолюбие, тщеславие и преследование личных интересов. Например, об этом в своем сборнике афоризмов «Сентенции и максимы о морали» (1665) написал **Франсуа де Ларошфуко (1613–1680)**. Скептицизмом по отношению к природе человека пронизана книга **Жана де Лабрюера (1645–1696)** «Характеры» (1688).

Как мы видим, в XV–XVI вв. европейская наука добилась замечательных успехов. На этой основе происходило формирование особой идеи: тезиса о первенстве прав личности по отношению к иным формам существования мира — и социальным, и природным. В науке эту идеологию активно продвигал английский философ **Фрэнсис Бэкон (1561–1626)**⁹. Сегодня известно высказывание Бэкона: «Знание — сила». Наука, утверждал Бэкон, преобразит общество. Однако для того, чтобы наука стала эффективной, ей нужен особый способ познания, особый метод. Бэкон сделал главный упор на создание эффективного метода науки с тем, чтобы она на деле способствовала обретению человеком власти над природой. Если наша сила заключена в знаниях, значит, мы должны любой ценой получить эти знания, которые скрыты в природе. При этом мы не должны ограничивать себя в средствах добывания таких знаний: это надо сделать любым способом. Значит, такие способы надо создать. Главным таким способом Бэкон назвал экспериментальный метод. Таким образом, в науку стала проникать новая методологическая установка — эмпиризм, то есть ориентация на познание посредством наблюдения и эксперимента. Бэкон одним из первых обратил внимание научного сообщества на необходимость особых организационных усилий для создания специальных исследовательских приемов. Благодаря приведенным рассуж-

⁹ Ф. Бэкон активно занимался политической деятельностью. Кроме того, он проводил научные опыты. Считается, что он умер, простудившись в ходе изучения влияния охлаждения на сохранность продуктов. Кроме того, его считают не чуждым поэзии. В XX в. некоторые литературоведы пришли к выводу, что Ф. Бэкон был не только замечательным философом, ученым и политиком, но и автором всех тех текстов, которые сегодня приписывают английскому актеру У. Шекспиру. Но в историю он все же вошел как философ.

дениям Ф. Бэкона сегодня он считается одним из главных создателей современной науки. А главным методом этой науки стал эксперимент.

1.7.1. Р. Декарт

В первой половине XVII в. европейская наука о душе столкнулась с противоречием. С одной стороны, научная революция убедительно демонстрировала правоту сторонников механического детерминизма. С другой стороны, противоречивость человеческой натуры во все времена ставила под сомнение утверждение о жесткой связи между причинами и следствиями. Решить эту проблему пытались многие исследователи, среди которых выделяется французский философ, математик и естествоиспытатель, младший современник Ф. Бэкона **Рене Декарт (1596–1650)**¹⁰.

Декарт унаследовал от отца небольшое состояние, которое позволило ему посвятить свою жизнь наукам и путешествиям. В 1604–1612 гг. он учился в иезуитском колледже, где получил хорошее гуманитарное и математическое образование. В юности Декарт познакомился с учением Августина, идея которого об интроспекции была им впоследствии переработана: религиозную рефлексию Августина Декарт преобразовал в рефлексию сугубо светскую, направленную на познание объективной истины¹¹,

¹⁰ Среди современников было принято брать себе латинские псевдонимы. Был такой псевдоним и у Декарта. Он стал называть себя Картезий — говорят, фамилия его отца была Картез.

¹¹ Надо сказать, что интроспекция, превращенная в дальнейшем В. Вундтом в метод психологии, часто используется в обыденной жизни. В этом случае мы говорим о самонаблюдении. Часто используют также интроспекцию и профессиональные психологи.

поиск которой французский философ сделал целью своей жизни¹².

В 1629 г. Декарт переезжает из Франции в Нидерланды. У него не было семьи, однако в 1635 г., как пишут историки, «некая голландская женщина» родила Декарту дочь. Малютка прожила недолго и скончалась через пять лет. В конце 1649 г. Декарт приезжает в Стокгольм для обучения дочери шведского короля. Там он прожил недолго. Простудившись, он умер в феврале 1650 г.

Декарт был любителем поспать до полудня. Затем ему приносили бумагу и перо, и прямо в постели он начинал записывать свои размышления. Пытаясь проанализировать основные, аксиоматические положения науки, в своей книге «Рассуждение о методе» он приходит к выводу о том, что единственным способом постижения истины является *сомнение*. Действительно, пишет Декарт, органы чувств не дают нам правду (в этом Декарт согласен с Платоном), поэтому «я не могу быть уверен в том, что собой представляет окружающий нас мир». Такими же ложными могут быть и рассуждения разума — «и в них я должен сомневаться». Люди, даже друзья и родные, могут обмануть и предать, могут обещать и не выполнить свое обещание. Поэтому на людей тоже нельзя надеяться. Метод сомнения приводит нас к выводу: верить нельзя ничему, надо сомневаться во всем.

Но есть одно свойство человека, в котором сомневаться невозможно. Декарт называет это свойство латинским словом *cogito*. Этот термин стал одним из важнейших в современной философии. Но для луч-

¹² Одна из книг Р. Декарта, изданная, впрочем, только через четверть века после его смерти (1674), так и называется — «О размышлении истины».

шего понимания, что такое *cogito*, мы должны сделать некоторое уточнение. Обычно этот термин на русский язык переводят словом «мышление». Во многих учебниках, в том числе и в учебниках психологии, можно встретить формулу Декарта: «Мыслю — следовательно, существую». Но слово «мышление», используемое в русскоязычной литературе, не полностью передает смысл, который выражает *cogito* Декарта. Это не мышление в современном смысле этого слова. Сегодня для нас мышление — это, скорее, переработка информации. Это процесс «переделывания» чего-то, что к нам откуда-то поступило. Совсем не это имел в виду Декарт. Он сам пишет в своих сочинениях: *cogito* включает в себя и сознание, и ощущение, и, разумеется, мышление, и раздумья... весь внутренний мир человека, данный нам в той форме, которую мы все переживаем в данное мгновение. Мы все знаем, что это такое, но не можем выразить при помощи слов. Поэтому формула Декарта правильнее звучит на латыни: *cogito ergo sum*. «Я есть, потому что я — *cogito*».

У Декарта *cogito* — не мышление, вернее, не только мышление, в том смысле, который привнес в этот термин когнитивизм XX в. Это, скорее, — образ, который возникает в сознании в момент его пробуждения. «Я вижу», *cogito*, — так называет Декарт явление, с которым мы сталкиваемся повсеместно и постоянно. Значит, рассуждает Декарт, *cogito* — то, что противопоставляет мое «Я» внешнему миру. Таким внешним миром, по мнению Декарта, надо считать не только предметы, составляющие природу и расположенные вне человека, но и само тело человека.

Во времена Декарта слово «психология» еще не использовалось в науке. Не было этого слова и в текстах Декарта. Но он создал новое представление о предмете психологии — представление, которое через два с по-

ловиной века стало обозначать предмет психологического исследования, в том числе и в школе В. Вундта. Картезий заявил: *cogito* — это непротяженная субстанция, при помощи которой мы можем воспринимать и рассуждать. Эта субстанция существует вне времени и пространства. При помощи непротяженной субстанции нам дана другая субстанция — протяженная, существующая во времени и пространстве и охватывающая собой все то, что мы ощущаем. Именно эту — протяженную — субстанцию, говорит Декарт, можно разместить в особой математической системе координат, которая с тех пор стала называться декартовой¹³. Таким образом, Декарт вводит представление о двух субстанциях, из которых состоит сам человек и все, что его окружает.

До Декарта люди склонны были признавать правоту Аристотеля, который называл душу энтелехией («формой») тела и считал, что мы не можем говорить об отдельном существовании души и тела: есть человек с присущими ему двумя главными качествами, с точки зрения которых мы и можем рассуждать о носителе этих качеств. Как и любое другое существо, человек целостен. Декарт, в противоположность Аристотелю, говорит о двух субстанциях: существующей в пространстве и времени природе и вневременном и внепространственном сознании. Наука должна изучать протяженную субстанцию, говорит Декарт. Непротяженная же субстанция, которая не обладает пространственно-временными характеристиками, в принципе не может изучаться научными методами, разумом человека. Поэтому *cogito*, или сознание, как мы теперь

¹³ В начале XX в. А. Эйнштейн добавил к этой трехмерной (пространственной) системе координат Р. Декарта четвертое измерение — время, а во второй половине XX в. советский психолог А. Н. Леонтьев высказал предположение, что существует еще и пятое измерение — смысл.

называем эту субстанцию, оставим философам, художникам, поэтам, музыкантам. Можно описать свои внутренние переживания в романе, можно написать картину «Свобода на баррикадах» или музыкальное произведение «Ода к радости», можно написать философский трактат о сознании. Но изучать научно — нет¹⁴.

Две субстанции, о которых говорит Декарт, никак не пересекаются, существуют параллельно друг другу (такое представление получило название *психофизического параллелизма*). Но он добавляет: одной из частей мозга является «шишковидная железа», расположенная в затылочной части. Сейчас эту часть мозга называют эпифизом. Вот в этой шишковидной железе сознание и материя, протяженная и непротяженная субстанции, «как-то», уточняет Декарт, встречаются. Наверное, Декарт не решился отрицать очевидное: множество эмпирических фактов указывает на то, что духовное влияет на материальное (на тело), и наоборот. Такое «отступление» от принципа независимости субстанций позволяет Декарту утверждать, что рациональная составляющая разума человека является единственно возможным средством научного исследования. Тем самым Декарт вошел в историю науки как один из главных основоположников так называемого *рационализма*, в соответствии с которым критерием истинности является разум¹⁵.

¹⁴ Очень похожую позицию занимает одна из наиболее известных школ психологии — бихевиоризм, как бы демонстрируя исторические нити, связывающие научные взгляды, которые существуют в разные исторические эпохи.

¹⁵ Рационализм Декарта проник в разные слои общественного сознания. В частности, в искусстве рационализм нашел свое проявление в так называемом классицизме, с точки зрения которого художественное произведение должно строиться на основании строгих канонов, тем самым обнаруживая стройность и логичность самого мироздания.

Со времен Р. Декарта психологи предпринимали многочисленные попытки решения двух глобальных проблем: психофизической и психофизиологической. *Психофизиологическая проблема* заключается в вопросе о соотношении сознания и нервной системы человека, *психофизическая проблема* — о соотношении сознания и внешнего мира. В истории психологии давались разные ответы на вопрос о том, как взаимодействуют две субстанции, названные Декартом. Один ответ, фактически соответствующий взглядам самого Декарта, назвали *дуализмом*: субстанции никак не взаимодействуют друг с другом. Существуют два равноправных и никак не связанных друг с другом участника процесса жизни — тело и душа.

Другая, более распространенная точка зрения называется *монизмом*: существует главная субстанция, которой подчиняется вторая субстанция. Одни монисты — *идеалисты* — утверждают, что главной субстанцией является сознание, а тело ему подчинено. Тело — эманация (истечение) души. Оно вторично по отношению к непротяженной субстанции. Другие — *материалисты* — наоборот, утверждают: все, что нас окружает, это материя, а сознание — всего лишь ее свойство. Один из вариантов решения психофизической и психофизиологической проблем материализмом называется *эпифеноменализм*. Это направление утверждает, что сознание не только не влияет на материю, но и является бесполезным продуктом, возникшим в процессе развития материи. Представители данного подхода утверждают, что образы, представления, наши психические процессы — это всего лишь эпифеномены, то есть они существуют, но не имеют никакой функции. Значит, наука должна заниматься телом человека, а эпифеномены — просто не нужны.

С самого начала философия Р. Декарта подверглась разнообразной критике. Один из первых оппонен-

тов Декарта, голландский философ **Барух (Бенедикт) Спиноза (1632–1677)**¹⁶, учил, что имеется единая, вечная субстанция — Природа — с бесконечным множеством атрибутов (неотъемлемых свойств), одним из которых является мышление человека¹⁷. Другой философ, немец **Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)**¹⁸, разработал концепцию, названную им монадологией. Здесь он высказывает неодобрение чрезмерным психологизмом Декарта. Ведь Декарт принимает *cogito* как нечто очевидное и не требующее доказательств. Лейбниц утверждал, что в качестве критерия истины и объективности можно использовать только логическое доказательство.

1.7.2. Дж. Локк

Еще одной значительной фигурой в истории психологии стал английский философ **Джон Локк (1632–1704)**, автор учения о двух видах опыта. Локк родился в семье мелкого чиновника-юриста, учился в университетах Лондона и Оксфорда, где в 1656 г. получил степень бакалавра. Основная его научная деятельность пришлась на годы после победы войск Оливера Кромвеля в революции 1640–1660 гг. Как и Ф. Бэкон, Локк оказался вовлечен в политическую борьбу, следствием чего стала его многолетняя эмиграция, где он и написал основные труды. В 1681 г. философ оказался в немилости у властей, поскольку граф Шефтсбери, у которого секретарем служил Локк, после участия в

¹⁶ В 1663 г. вышла книга Спинозы «Принципы философии Декарта».

¹⁷ Главный труд Спинозы — «Этика» — был издан после его смерти в 1677 г.

¹⁸ Только в 1765 г. вышло первое издание главной книги Лейбница «Новые опыты о человеческом разуме».

неудачном заговоре против короля Карла II вынужден был бежать в Голландию.

Локк — автор популярной в современном мире политической теории разделения государственной власти на законодательную и исполнительную. Однако более он известен своими философскими и психологическими теориями. В 1690 г. увидела свет главная книга Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении». С момента появления этой работы можно вести отсчет истории британского *эмпиризма* — учения, в соответствии с которым содержание внутреннего опыта человека формируется за счет чувственных данных, «обработанных» разумом человека. Локк — основатель направления, которое стали называть «*сенсуализм*». Сенсуалисты считают, что единственным источником знаний являются органы чувств. Один из главных тезисов Локка — нет ничего в разуме, чего сначала не было бы в восприятии¹⁹.

Мало кто сомневается в том, что мир таков, каким его показывают нам органы чувств. Дж. Локк тоже не сомневался и описал это так уверенно, что многие стали считать его рассуждения доказательствами. Наиболее известные из этих рассуждений получили известность как теория *tabula rasa* («чистая доска»). По мнению Локка, человек рождается, не обладая абсолютно никаким опытом, как чистая доска. Во внутреннем мире новорожденного ничего нет, но с момента рождения он начинает получать сенсорную информацию, ко-

¹⁹ Современник Дж. Локка и его оппонент Г. Лейбниц не без иронии дополнил это высказывание Локка: «Нет ничего в разуме, что сначала не было бы в восприятии, кроме самого разума». Лейбниц тем самым подчеркнул, что определенные структуры внутреннего мира должны присутствовать уже при рождении человека. Впрочем, спор между эмпиристами (сторонниками Локка) и натуристами (приверженцами точки зрения Лейбница) продолжается и сегодня.

торая и оставляет свои следы, «отпечатки» на «чистой доске» внутреннего мира. В итоге мы получаем образы восприятия, представления памяти и другие составляющие внутреннего мира. Эти элементы начинают взаимодействовать друг с другом по закону ассоциаций. В результате всех этих процессов на протяжении жизни человека мы получаем более или менее сложное духовное образование.

В XX в. психологи показали, что ребенок вовсе не является «чистой доской», что уже при рождении человек обладает определенной информацией, о чем не подозревал Дж. Локк. Эти факты поставили перед психологией новые вопросы, в частности, связанные с перинатальным развитием человека. Но это случилось в XX в. А в XVII в. Декарт и Локк так сильно повлияли на мировоззрение людей и вызвали столько вопросов, что в XX в. психология сконцентрировалась на вопросе, правы ли они. Один из основателей деятельностного подхода в психологии А. Н. Леонтьев даже сформулировал свою научную позицию следующим образом: мы должны преодолеть картезианско-локковскую дихотомию, то есть положение о независимом существовании сознания человека и окружающего мира.

Еще одна теория Дж. Локка, прочно вошедшая в психологическую науку, — его рассуждения о *рефлексии*, ставшей прообразом метода интроспекции. Локка часто называют отцом метода интроспекции. Конечно, настоящим создателем интроспекционизма стал в конце XIX в. немецкий психолог В. Вундт, но Локк имеет к этому методу прямое отношение. Английский философ высказал идею о способности сознания наблюдать за самим собой. Сознание будто раздваивается и рассматривает само себя. Предположение о существовании рефлексии позволило Локку утверждать, что предметом научного исследования могут быть не

только чувственно воспринимаемые вещи, но и само сознание. Правда, такой возможностью не обладают дети и многие взрослые²⁰. Тем самым Локк оспорил утверждение Р. Декарта о невозможности научного исследования внутреннего мира человека. Поскольку в качестве объективного, то есть существующего за пределами сознания могут быть не только предметы, воспринимаемые при помощи органов чувств, но и особый рефлексивный уровень сознания, может существовать наука, изучающая наш внутренний мир.

1.8. Психология в XVIII в.

В XVIII в. произошел настолько резкий скачок в развитии науки и техники, что в дальнейшем это время стали называть промышленной революцией. В это время в науке превалировала жесткая механистическая физика И. Ньютона. Английский физик и математик **Исаак Ньютон (1643–1727)** создал новую механику, повсеместно воспринятую как образец и идеал точного знания. Ньютон утверждал, что все в мире есть постоянная сумма энергии, которая передается от тела к телу в процессе взаимодействия этих тел, находящихся в постоянном движении. Конечно, при этом возникал вопрос, как началось это движение. Ньютону не оставалось ничего иного, как объяснить появление движения божественной силой, которая «запустила» этот процесс. Мир поэтому подобен часовому механизму: так же гармонично и точно сосуществуют его элементы. Так работает все в мире и человек в том числе — в этом едином, отточенном, прилаженном механизме.

²⁰ Именно поэтому В. Вундту пришлось учить своих испытуемых методу интроспекции, организовав для этого специальные многомесячные курсы.

Кто может сомневаться в том, что только воля Бога может все сделать так тонко и точно! Некоторые философы называли это предустановленной гармонией.

В 1772 г. немецкий ученый **Иоганн Бекман (1739–1811)** придумал особый термин «технология» для обозначения «науки о ремесле». В 1777 г. вышла его книга «Руководство по технологии, или Познание ремесел, фабрик и мануфактур». В 1776 г. был создан первый паровой двигатель. Во второй половине XVIII в. появилась наука химия в том виде, как мы ее знаем сегодня. Ее основателем стал французский естествоиспытатель **Антуан Лавуазье (1743–1794)**. Показательно, что это так воодушевило его современников, что шотландский философ **Томас Браун (1778–1820)** даже написал книгу «Химия — в центре наук». Развиваются и другие науки. Так, в 1781 г. английский астроном **Фредерик Уильям Гершель (1738–1822)** открыл планету Уран.

«Технологические» идеи, витавшие в воздухе, вызвали дальнейшее развитие идеи человека как машинообразного существа. Человеческий организм, принципы его работы, в том числе и работы нервной системы, понимались по аналогии с законами механики, открытыми в то время. Французский философ П. Гольбах утверждал, что нет ничего более надуманного и противоречащего человеческой природе, чем «естественное состояние». Французский врач **Жюльен Ламетри (1709–1751)** предложил образ человека-машины. Рекомендуя всем наркотики, поскольку они, по крайней мере, создают иллюзию счастья, он в 1748 г. поведал о некоем видении, которое явилось ему, когда он лежал в лихорадке с высокой температурой. Ему привиделось, что люди — это машины, хотя и наделенные сознанием. Человеческие тела, отмечал он, есть не что иное, как часы, которые способны сами заводить свои пружины. Позже французский врач и философ **Пьер Жан Жорж**

Кабанис (1757–1808) утверждал, что мышление — такой же продукт мозга, как секреция поджелудочной железы или печени.

Однако не все были согласны с этими взглядами. Против технического оптимизма эпохи Просвещения выступил Ж.-Ж. Руссо, возвестивший необходимость возвращения человека в лоно природы. До возникновения культуры, говорил он, так называемый естественный человек демонстрировал примеры человеколюбия, жалости, сострадания, доброты. В 1750 г. книга Руссо «Рассуждение» получает премию Дижонской академии. Руссо и его сторонники считали, что при помощи разума можно решить все проблемы человечества. Мыслители полагали, что сознание человека предельно прозрачно, а процесс мышления протекает без всяких помех. Надо лишь должным образом сформировать разум, то есть просветить его. Это время так и стало называться — *эпоха Просвещения*. Идеология Просвещения была основана на убеждении в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», соответствующего подлинной природе человека. В 1751–1780 гг. по инициативе философа **Дени Дидро (1713–1784)** и математика **Жана Лерона Даламбера (1717–1783)** во Франции была издана тридцатипяти томная «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». В ее издании активно участвовали **Франсуа-Мари Аруэ Вольтер (1694–1778)**, **Этьен Бонно де Кондильяк (1715–1780)**, **Клод Адриан Гельвеций (1715–1771)**, **Жан-Жак Руссо (1712–1778)**, **Поль Гольбах (1723–1789)** и многие другие писатели и ученые Франции, которым были близки идеи Просвещения.

Французский просветитель **Шарль Монтескье (1689–1755)** задался целью осмыслить историю. В своей книге «О духе законов» (1748) он утвержда-

ет, что людьми правят законы, которые в свою очередь зависят от условий жизни общества, прежде всего географических. К концу XVIII в. в обществе формируется идея историзма. История начинает пониматься как осмысленный и сцепленный поток свершений. Жизнь общества начинают осмысливать в виде закономерного, однако уже не механического, а исторического процесса. Сложилась философия истории как самостоятельная философская дисциплина. В 1765 г. вышла книга Ф. Вольтера «Философия истории». В конце XVIII в. многие философы стали применять понятие «гражданское общество», чтобы выразить права и обычаи народа в целом, в отличие от прежнего словоупотребления «общество».

Свой вклад в новое понимание исторического процесса внесли замечательные мыслители этого столетия. Итальянский мыслитель **Джамбаттиста Вико (1668–1744)** разработал теорию исторического круговорота, психологию народов и компаративный (сравнительный) метод исторического познания. В 1725 г. вышла его книга «Основания новой науки об общей природе вещей», в которой автор утверждал, что каждое общество проходит последовательно через три эпохи: богов, героев и людей. Одним из главных идеологов этого направления был немецкий философ, писатель и критик **Готфрид Эфраим Лессинг (1729–1781)**. В 1780 г. вышла его книга «Воспитание человеческого рода», которая представляет собой сто тезисов о нравственном прогрессе человечества. История представляется писателю как процесс интеллектуального и морального совершенствования, основным направлением которого является рациональное осмысление мира. В итоге всех этих процессов восторжествовала идея всемогущества опыта, совокупность продуктов которого стали именовать словом «культура». В 1782 г. немецкий филолог

Иоганн Кристоф Анделунг (1732–1806) в своей книге «Опыт истории культуры человеческого рода» дал определение культуры как деятельности по облагораживанию склонностей и способностей человека и народа, приданию им идеального образа.

В контексте просвещенческой идеологии мы сталкиваемся, наконец, с первой, собственно психологической, попыткой изучения внутреннего мира человека. Речь идет о немецком ученом **Дитрихе Тинемане (1748–1803)**, написавшем несколько психологических трактатов и, в частности, в 1787 г. первую книгу по детской психологии «Наблюдения за развитием душевных способностей ребенка». Чуть позже немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, создатель понятия «детский сад» **Фридрих Вильгельм Август Фребель (1782–1852)** пишет о необходимости учета психологических данных при формировании методов обучения дошкольников.

Одновременно век Просвещения не мог не стать веком продвижения идеи свободы человека. В 1719 г. английский писатель **Даниэль Дефо (ок. 1660 — 1731)** в своем знаменитом романе «Робинзон Крузо» в максимальной форме заострил проблему, описав жизнь человека-одиночки, попавшего на необитаемый остров. Философ-материалист К. Гельвеций считал, что любовь к себе — главный импульс всех человеческих действий. Он изложил свои взгляды в книгах «Об уме» (1758) и «О человеке» (1773). Эти идеи приняли гипертрофированные формы в теории и практике французского писателя и философа маркиза **Донасьена Альфонса Франсуа де Сада (1740–1814)**, который был проповедником абсолютной свободы, не ограниченной ни нравственностью, ни религией, ни правом. Одновременно идея абсолютной свободы привела английского демографа и экономиста **Томаса Мальгуса**

(1766–1834) к созданию теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле. Эта теория была изложена Мальтусом в книге «Опыт о законе народонаселения» (1789).

Рационализм приобрел особое содержание в работах философов Дж. Беркли и Д. Юма, сделавших предметом своих размышлений опыт человека, полученный благодаря восприятию. **Джордж Беркли (1684–1753)** родился и получил образование в Ирландии. В 1709 г. Беркли был посвящен в сан дьякона англиканской церкви, а в 1734 г. становится епископом. Из рационализма Р. Декарта и сенсуализма Дж. Локка Беркли делает своеобразный вывод: мир есть восприятие, поскольку все существующее можно свести либо к тому, что воспринимается, либо к тому, кто воспринимает. Опыт — это непосредственно испытываемые субъектом ощущения: зрительные, мышечные, осязательные. В 1709 г. вышла книга Беркли «Новая точка зрения», в 1710-м — книга «Трактат о принципах человеческих знаний».

Шотландский философ и историк **Дэвид Юм (1711–1776)** получил образование в университете Эдинбурга. В 1739 г. Юм издал книгу «Трактат о природе человека», в которой изложил свои взгляды на природу человека. С точки зрения Юма, человек — это «пучок восприятий», он закован в черте своего восприятия, поэтому мы никогда не узнаем, что за этой чертой. Значит, вопрос о том, каков источник ощущения, принципиально не разрешим, то есть никаких доказательств существования мира не существует. Для обозначения такой позиции в 1876 г. английский зоолог Т. Хаксли ввел термин «*агностицизм*».

К концу XVIII в. широкое распространение получили взгляды, в соответствии с которыми единствен-

но истинным знанием является знание, социальное по своей природе и объективно наблюдаемое. Этому способствовали работы европейских мыслителей, обративших внимание своих сограждан на гуманитарную составляющую жизни общества. Важно, что социальное стало рассматриваться как нечто природное, а не техногенное. В книге французского эстетика аббата **Шарля Батте (1713–1780)** «Изящные искусства, сведенные к одному общему принципу» (1747) было высказано утверждение в том, что искусство должно «подражать природе». Французский просветитель **Николя де Кондорсе (1743–1794)** высказал мысль о том, что история не является чем-то независимым от человека. Она есть продукт разума. В 1794 г. вышла книга Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». В ней историческое развитие изображается в виде бесконечного прогресса, обусловленного как внешней природой, культурными достижениями (открытия, изобретения), так и взаимодействием людей.

Следующий шаг, который сделали европейские философы, — попытка проанализировать внутренний мир человека как образование, имеющее свои собственные источники становления. Сознание стали рассматривать не как нечто навязанное телу извне, а как продукт саморазвития. Человеческий рассудок «ищет единства», заявил немецкий философ **Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803)**. В 1770 г. вышло его сочинение «О происхождении языка», в котором язык не есть нечто готовое; его развитие — динамический, творческий процесс. В 1784 г. выходит еще одна книга Гердера — «Идеи к философии истории», а в 1789–1791 гг. — четырехтомная работа И. Гердера «Идеи философии истории человечества», в которой он развивает свои взгляды на закономерности изменений, происходящих

в обществе. Наконец, возникает особый термин «идеология» как наука о том, как сознание производит идеи из ощущений. Этот термин впервые употребил в 1796 г. французский философ **Дестют де Траси (1754–1836)**. Свои взгляды де Траси изложил в книге «Элементы идеологии», первый том которой вышел в 1801 г. Философы включали в понятие идеологии представление о ложном сознании, то есть различных предрассудках, идолах, которые могли стать объектом теоретического анализа. Поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину.

Еще один широко употребляемый сегодня термин — эстетика (от древнегреч. *aisthētikós* — «чувственно воспринимаемый») — также появился в XVIII в. Его автором стал последователь Г. Лейбница и Х. Вольфа немецкий философ **Александр Готлиб Баумгартен (1714–1762)**. В своей книге «Эстетика» (1750) он выделил высшую и низшую (сенсорную) формы знания. Под эстетикой Баумгартен понимал чувственное познание, то есть высшую форму знания, включающую в себя не только ощущения, но и память, воображение и интуицию.

В конце XVIII в., как реакция на чрезмерное внимание к рациональной стороне внутреннего мира человека, в обществе появилось новое направление — *романтизм*, — просуществовавшее до середины XIX в. Знаменитыми представителями романтизма стали немецкие поэты **Новалис (1772–1801)** (псевдоним Фридриха фон Гарденберга) и **Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832)**, который прославился также как естествоиспытатель, английские поэты **Джордж Гордон Байрон (1788–1824)**, **Перси Биши Шелли (1792–1822)**, **Сэмюэл Тэйлор Кольридж (1772–1834)**. В России романтизм проявился в поэзии **Василия Андреевича Жуковского (1783–1852)** и **Михаила Юрьевича**

Лермонтова (1814–1841). В конце XVIII — начале XIX в. сформировалось особое направление, которое представитель немецкого романтизма публицист **Адам-Генрих Мюллер (1779–1829)** назвал философией культуры.

Романтики в определенной степени были склонны к переоценке мистического начала в человеке. Показательна в этом отношении история, рассказанная С. Кольриджем, о создании неоконченной поэмы «Кубла-хан» (1798). Поэма, по словам автора, пришла к нему во сне, после приема опиума и чтения тома с записками Марко Поло о жизни при дворе монгольского хана Кубилая (Кубла-хана). После пробуждения он стал записывать строки, рожденные во сне, пока не был прерван сообщением слуги о том, что к нему пришел посетитель. Когда он вышел встретить гостя, на пороге никого не оказалось. Вернувшись в кабинет, Кольридж понял, что забыл строчки поэмы, оставшиеся не записанными.

В XIX в. идеологии романтизма близки взгляды знаменитого немецкого философа **Артура Шопенгауэра (1788–1860)**. Его концепция была изложена в книге «Мир как воля и представление», изданной в 1818 г. (второе издание — в 1844 г.). Фактически дальнейшая научная работа Шопенгауэра была связана с комментированием и развитием положений этого труда. Главное положение теории немецкого ученого состоит в том, что главной движущей силой человека является воля как иррациональное мотивационное начало (именно Шопенгауэр ввел в науку термин «мотивация»). О мировоззрении Шопенгауэра многое говорит тот факт, что в его рабочем кабинете на столе стояли два бюста — И. Канта и Будды. Работу в направлении, заложенном Шопенгауэром, продолжил другой немецкий философ, **Эдуард фон Гартман (1842–1906)**, в учении,

которое он назвал «философия бессознательного». Так же называется и книга этого ученого, над которой он работал с 1869 до 1884 г.

В XVIII–XIX вв. наряду с классическим рационализмом в науку проникает идея, в соответствии с которой наше познание складывается не только из данных чувственного восприятия, составляющих все реальное содержание внутреннего мира и имеющих лишь эмпирическое значение (как факты сознания), но и из априорных форм и законов нашего ума. Немецкий профессор из Кенигсберга **Иммануил Кант (1724–1804)** считал, что существуют доопытные (априорные) формы опыта — пространство и время, которые придают особую форму чувственным созерцаниям. При этом основным в жизнедеятельности человека является нравственный закон, которым и руководствуются люди, а потребность в раскрытии метафизических понятий (бытие, свобода, ничто, мировой дух, бессмертие, природа) составляет «неистребимую потребность человека». В статье 1764 г. «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» Кант утверждает, что нравственность является естественным состоянием человека. В 1781 г. в своей книге «Критика чистого разума» Кант утверждает, что бытие есть просто полагание вещи или известных определений самих по себе. Свою философскую систему Кант, разумеется, пытался распространить на все явления бытия, о чем говорят названия его книг: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) и др.

В 1807 г. вышла книга немецкого философа **Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831)** «Феноменология духа», в которой автор предметом настоящей философии называет абсолютный дух, а его проявлениями — все чувственно воспринимаемые явления.

Гегель был автором учения о диалектике, то есть о саморазвитии. Он считал, что живые организмы развиваются в соответствии с законами, которые внутренне («имманентно») присущи самим этим организмам. Гегель вряд ли согласился бы с бихевиористом, поскольку последний стал бы доказывать, что развитие организмов происходит за счет внешних стимулирований и развитие есть изменение организма как реакция на внешние воздействия. Но если прав Гегель, то развитие происходит ровно настолько, насколько это определено внутренними законами. При этом и воля человека утрачивает свое значение, и человек превращается в раба — только на этот раз не внешних воздействий, а внутренних законов. Известна формула Гегеля: «Все, что действительно, то истинно», то есть тот мир, в котором живет человек, и сам человек таковы, поскольку это предписано законами саморазвития. Это и есть истина, и свободное волеизъявление к этому не имеет отношения. Подобные выводы выводили учение Гегеля далеко за пределы философии — в политические сферы. Его критики, недовольные существовавшим политическим строем, стали дружно обвинять Гегеля в соглашательстве с властями и в том, что Гегель считает невозможными какие бы то ни было изменения в жизни людей по их воле, то есть фактически отвергает принцип свободы²¹.

Учение Гегеля было продолжено самыми разными исследователями. Одни, как К. Маркс и Ф. Энгельс,

²¹ В Пруссии, где жил Гегель, в его время были очень строгие законы, препятствовавшие, как сегодня принято говорить, демократическим процессам. Либеральные европейцы называли Пруссию полицейским государством. Критики Гегеля утверждали, что в своей философии он оправдывает такое тираническое государство, поскольку оно действительно существует, а значит, и представляет собой нечто истинное. А с истиной, как известно, бороться абсурдно.

взяли из гегельянства законы, открытые Гегелем, но считали, что их носителями является материальная природа. Другие, напротив, наподобие итальянского философа **Бенедетто Кроче (1866–1952)**, считали главным в гегельянстве учение об абсолютном духе (кстати, сам Кроче называл свое учение «абсолютным идеализмом»).

1.9. Психология в первой половине XIX в.

Наука XIX в. пыталась преодолеть романтизм и просвещенчество предыдущего столетия. В технике это, в частности, вылилось в создание в 1833 г. первой вычислительной машины английским математиком **Чарльзом Бэббиджем (1792–1871)**. В 1867 г. появился электромотор (динамо-машина). Наконец, в 1877 г. вышла книга Э. Каппа «Основные черты философии техники». Одним словом, полностью реализовалось технократическое направление. Казалось, победу одержало механистическое мировоззрение. Ярким примером этого стало возникновение лаборатории как центра исследований и очага научной школы.

Активно развивалась физиология. В физиологических лабораториях ставились многочисленные опыты. И хотя эти опыты проводились главным образом на лягушках, не остался без внимания и мозг человека. Австрийский анатом **Франц Йозеф Галль (1758–1829)** составил «карту» головного мозга, согласно которой различные способности «размещены» в определенных участках мозга. В 1870 г. впервые был применен метод электростимуляции для изучения мозга.

Статус и роль науки неизмеримо выросли в общественном мнении. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1797 г. Наполеон счел необходимым стать членом Национального института (аналог Российской акаде-

мии наук). Чувство приоритетности науки в Германии вылилось в волну образовательной реформы, охватившей немецкие университеты и направленной на получение академической свободы как для профессоров, так и для студентов. В это же время в политический обиход входит термин «либерализм». Свобода человека, лежащая в основе либеральной идеи, понималась как освобождение человека при помощи его разума от духовной закрепощенности со стороны существующего строя (включая религиозные догмы).

1.9.1. Позитивизм в психологии

В первой половине XIX в. в науке произошло событие, надолго определившее движение научного познания. Возникают правила современного естествознания, которые сформулировал французский философ **Огюст Конт (1798–1857)**, создатель нового философского направления — *позитивизма*.

Основные идеи позитивизма нашли отражение в шеститомном труде О. Конта «Курс позитивной философии» (1830–1842), в котором его автор заявил: наука должна быть позитивной. Основная идея позитивизма состоит в том, что настоящий («позитивный») ученый должен отказаться от спекулятивных философских рассуждений. Он должен при помощи только эмпирических методов заниматься только такими предметами, которые ему даны чувственно. Отсюда — отношение Конта к психологии: поскольку предмет психологии не дан нам чувственно, психология как наука невозможна. Разумеется, Конт, как и любой другой исследователь, не утверждал, что сознание отсутствует: внутренний мир человека существует, но он не может быть исследован научными методами и не может стать предметом позитивной, то есть единственно правильной, науки.

О. Конт сформулировал основные критерии научности, которых придерживаются многие ученые и сегодня. Среди этих критериев большую роль играет принцип повторяемости научных исследований: любой эмпирический факт, полученный исследователем, должен быть получен и другими исследователями при тех же условиях, в которых осуществлялось исследование²².

Позитивизм быстро завоевал ведущие позиции в науке XIX в. При этом его сторонниками стали не только естествоиспытатели, но и представители гуманитарных наук, например известный французский специалист, основатель культурно-исторической школы в искусствознании **Ипполит Адольф Тэн (1828–1893)**²³.

Одним из наиболее успешных пропагандистов позитивизма стал английский философ **Герберт Спенсер (1820–1903)**, которого без преувеличений можно назвать величайшей фигурой в европейско-североамериканской науке второй половины XIX в., что под-

²² Надо подчеркнуть, что принцип повторяемости достаточно легко мог применяться вплоть до конца XIX в., когда условия, в которых проводились эксперименты, не были обременены сложными техническими приспособлениями. Действительно, любой физик мог закупить тонну или две урановой руды на разработках в Альпах, перевезти ее в мешках в свой сарай, положить вечером перед сном кусок этой руды на фотопластинку, лежащую на столе в спальне, и утром обнаружить, что пластина оказалась засвеченной. После его сообщения о полученных результатах любой его коллега легко мог проделать то же самое. В XX в., когда фокус внимания физиков переместился на исследования элементарных частиц, такое повторение оказалось практически невозможным, поскольку стало зависеть от титанических финансовых и организационных усилий. Действительно, трудно полагать, что физики, узнавшие о результатах исследований, проводившихся на большом адронном коллайдере, тут же смогут повторить их на другой подобной установке — хотя бы потому, что мощности этого «прибора» распланы на долгие годы вперед, цена его аренды слишком велика, а другой такой коллайдер просто не существует.

²³ Сегодня подобное жесткое отношение к предмету и методу науки называют *сциентизмом*.

тверждает издание в 1860–1897 гг. десяти томного собрания его сочинений. Спенсер развивает идеи Ч. Дарвина в своем учении, которое называет синтетической философией. Английский философ пытается описать механизмы развития, которому, как он считает, подчиняется не только мир живого, но и мир неживой природы. Конечно, сходные мысли существовали и до Спенсера, но это были философские рассуждения, основанные на житейских наблюдениях. Теперь же философия могла опираться на эмпирические научные факты. Проанализировав большой эмпирический материал, собранный в самых разных науках — биологии, этнографии, физиологии, медицине, физике, космологии, психологии и т. д., — философ делает вывод об общем законе природы, предвосхищая некоторые современные представления о возникновении Вселенной из первичного хаоса. Из дезинтегрированной реальности, по Спенсеру, отбираются однородные элементы, которые в дальнейшем образуют общие структурированные системы.

По мнению Спенсера, в русле философии позитивизма должна развиваться и психология. Поскольку основные психические функции — удовольствие и страдание — имеют биологическую природу, то и основные законы психики имеют биологический характер. В 1855 г. выходит двухтомный труд Г. Спенсера «Основы психологии». Позднее он лег в основу курса психологии, который У. Джемс читал в Гарвардском университете США. Идеям Г. Спенсера близки взгляды некоторых психологов XX в. В частности, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже и другие говорили о синкретичности сознания ребенка. Другими словами, путь развития внутреннего мира ребенка — дифференцирование мира, выделение отдельных предметов. В теории деятельности А. Н. Леонтьева говорится о возникнове-

нии психики при переходе организмов от гомогенной к дифференцированной среде. Таков путь развития психики, или деятельности, как говорил Леонтьев.

В конце XIX — начале XX в. позитивизм утрачивает свои позиции, но не исчезает. Ему на смену приходит так называемый неопозитивизм, утверждавший, что необходимо смещение внимания исследователей на вопрос об истинности полученных эмпирических фактов. А здесь главное место должна занять верификация, то есть проверка высказываний, описывающих предмет и его проявленность в чувственной сфере. Среди философов-неопозитивистов в начале XX в. выделяется имя английского мыслителя **Бертрана Рассела (1872–1970)**.

1.9.2. Ассоцианизм

В психологии первой половины XIX в. большое место занимает так называемый ассоцианизм. В это время психологи в качестве основного механизма, при помощи которого они объясняют сложную внутреннюю жизнь человека, называют *ассоциацию*. Как мы помним, первым на механизм ассоциации обратил внимание еще Аристотель. Но и сегодня мы все используем этот термин. Например, нам в голову приходит мысль, которую мы считаем интересной и которой хотим поделиться с кем-то, кто находится в соседней комнате. Пройдя туда, мы вдруг осознаем, что забыли, что хотели сказать. Тогда мы возвращаемся на то место, где эта мысль оказалась в нашей голове, принимаем ту же позу и неожиданно вспоминаем забытое. Мы говорим: воспоминание вернулось к нам «по ассоциации». Таким образом, сам термин «ассоциация» вовсе не устарел. Но сегодня мы не воспринимаем это понятие как что-то точное и абсолютно достоверное. Скорее, это —

модель, которая в самых общих чертах дает нам представление о механизмах нашего внутреннего мира.

Понятие «ассоциация» использовали разные исследователи в разные эпохи. Тысячи лет ученые (философы, физики, физиологи), занимавшиеся психологическими проблемами, использовали термин «ассоциация». Одним из наиболее известных среди них был английский философ **Томас Гоббс (1588–1679)**. Будучи современником Р. Декарта, Гоббс отверг представление о душе как особой сущности, утверждая, что наш внутренний мир — это непрерывное движение от одного состояния к другому. Гоббс провозгласил разум продуктом ассоциаций ощущений, что вскоре было поддержано Дж. Локком. Первое систематическое исследование по проблеме ассоциаций провел английский врач, основоположник ассоцианизма **Давид Гартли (1705–1757)** — сын министра, первоначально готовивший себя к церковной карьере. Он изложил свою теорию в книге «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях» (1749). Но наибольшее развитие ассоцианизм как особое психологическое направление получил в первой половине XIX в.

Психологи всегда пытались построить свою науку, взяв в качестве образца какое-нибудь другое научное направление. Как правило, таким идеальным примером становилась физика, но бывали и исключения. В XIX в. жесткий, механистический, позитивистский взгляд на мир возбудил новый интерес к детерминизму. Так, в первой половине XIX в. многие исследователи (экономисты, историки, педагоги), обращавшиеся к психологическим проблемам, сделали предмет своего внимания механизм ассоциаций и пытались использовать в качестве образца механику. Среди них наиболее известны сын и отец Милли. Английский историк и экономист **Джеймс Милль (1773–1836)**, получив-

ший образование в университете г. Эдинбурга в Шотландии, утверждал, что сознание — это своего рода психическая машина, работа которой совершается строго закономерно по законам ассоциации. Свои взгляды он изложил в книге «Анализ феноменов человеческого ума», увидевшей свет в 1829 г. Главный элемент нашего внутреннего мира — ощущение, а единственный закон взаимодействия ощущений — ассоциация, говорил Дж. Милль. Цепь причин и следствий — это линия: каждая причина вызывает следствие, которое становится причиной нового следствия, становящегося причиной другого следствия, и т. д. Заметим, что Дж. Уотсон, через сто лет после Дж. Милля создавший свой бихевиоризм, в целом придерживаясь миллевской точки зрения, все же считал, что поведение не столь прямолинейно, в нем происходят интегративные процессы.

Свою ассоцианистскую теорию Джеймс Милль применил в воспитании своего сына. С сыном **Джоном Стюартом Миллем (1806–1873)** Милль-старший каждый день в пять часов утра лично занимался греческим языком, латынью, алгеброй, геометрией, логикой, историей и политической экономией, донимая юного Джона вопросами до тех пор, пока тот не давал на все верные ответы. В возрасте трех лет Джон Стюарт Милль читает Платона в оригинале. В одиннадцать лет он написал свою первую научную работу, а в двенадцать лет завершил стандартный университетский курс, став, как и его отец, экономистом. Возможно, столь напряженная жизнь в детстве послужила причиной того, что в 1827 г. у Джона Стюарта Милля случился тяжелейший депрессивный срыв. В то же время он отличался неизменностью своих привязанностей. В 1830 г. Джон Стюарт Милль влюбился в милую и образованную женщину по имени Гарриет Тэйлор, которая к тому времени уже была замужем. Через двадцать

лет ее муж умер, и Джон Стюарт Милль и миссис Тэйлор поженились. Эта история так повлияла на Милля, что он специально занялся исследованием положения женщин в современном ему обществе. Свои взгляды он изложил в книге «Порабощение женщины» (1873).

Лет за пятьдесят до того, как Милль-младший стал размышлять об устройстве внутреннего мира человека, в Париже создавал современную химию **Антуан Лоран Лавуазье (1743–1794)**²⁴. Именно химия в начале XIX в. стала привлекать внимание не только европейских ученых, но и широкой публики. Может быть, поэтому, в отличие от своего отца, Дж. Ст. Милль стал говорить о «ментальной (психической) химии», то есть о возникновении из простейших элементов сознания новых, обладающих собственными качествами структур этого сознания, подобно тому, как из водорода и кислорода возникает совершенно новый продукт — вода. Ощущения соединяются не в последовательные цепочки, как утверждал его отец, а образуют, как химические элементы, сложные сцепления — своеобразные «молекулы», из которых состоит наш внутренний мир. Такие молекулы обладают особыми качествами, отличающими их от «атомов»-ощущений, из которых они состоят. Действительно, если Иванова часто встречаются вместе с Петровым, то, с точки зрения Джеймса Милля, встретив Петрова, мы обязательно должны вспомнить про Иванова, хотя на самом деле мы можем вспомнить какого-нибудь Макарова или Морковкина. Об этом Дж. Ст. Милль пишет в своей книге «Система логики», вышедшей в 1843 г. Его аргументация сводится к двум тезисам: а) имеются законы ума, отличающиеся от законов материи, но сходные с ними в отношении одно-

²⁴ В частности, Лавуазье первым предложил считать источником выделяемого человеческим телом тепла «медленное горение».

образия, повторяемости, необходимости следования одного явления за другим; б) эти законы могут быть открыты с помощью опытных методов — наблюдения и эксперимента.

Особую популярность в Англии получает идея «чисто» психологической, не «замешанной» на данных физиологии трактовки ассоциации. Обратим внимание на то, что в ассоцианизме XIX в. проявилась материалистическая тенденция в психологии, одним из основателей которой был Дж. Локк. Материализм, сенсуализм, эмпиризм из Англии проникает в другие страны, прежде всего в Германию и в Россию. Однако в материалистической психологии XIX в. была представлена не только ассоцианистская тенденция. Многие исследователи, не отрицая ассоцианизм, не размещали ассоциации в центре своего внимания. Одним из наиболее интересных представителей этого направления был немецкий философ и педагог **Иоганн-Фридрих Гербарт (1776–1841)**, который вошел в историю психологии тем, что впервые попытался заняться исследованием бессознательного. Мы часто ошибочно говорим, что первым ученым, «открывшим» бессознательное, был З. Фрейд. Это, конечно, не верно. Еще в первой половине XVIII в. европейским читателям стал известен трактат «Монология» Г. Лейбница, который и ввел этот термин в научный оборот. Впрочем, в психологии Фрейд, действительно, первым активно занялся изучением этой таинственной сферы внутреннего мира человека. Более того, он сделал понятие бессознательного обязательным элементом своей психологической практики — психоанализа.

И. Гербарт сделал термин «бессознательное» средством психологического исследования. Он сформулировал концепцию *порога сознания*, то есть некоторой

разграничительной линии между представлениями сознания и бессознательного. Наши представления то погружаются в бессознательное, уходя из сознания через порог, то всплывают из бессознательного в сознание, снова преодолевая порог сознания. Особенности этих двух миров Герbart пытается описать при помощи математики. Герbart был последователем философа И. Канта, который утверждал, что познание можно считать научным ровно настолько, насколько оно математизировано. Поэтому немецкий исследователь хотел математизировать психологию. Он предпринял первую попытку математически описать законы перехода представлений через порог сознания и ассоциирования представлений. Герbart был ассоцианистом, как и большинство психологов его поколения. Поэтому он говорит о существовании связей, в которые могут вступать наши представления. Затем эти связи (ассоциации) могут распадаться, а представления — ассоциироваться с другими элементами внутреннего мира.

По мнению И. Гербарта, психика человека состоит из множества простых реальных сущностей («реалов», подобных лейбницевским монадам), которым свойственно простое самосохраняющееся качество. В качестве таких «реалов» Герbart рассматривает психические образы и представления. Наш внутренний мир, по мнению Гербарта, весьма относительно связан с миром внешним, поэтому говорить об отражении, особенно отражении адекватном, передающем основные свойства окружающих вещей, невозможно.

Надо сказать, что ученики И. Гербарта — **Мориц Лазарус (1824–1903)** и **Хейман Штейнталь (1823–1899)** — не были ассоцианистами. Они создали так называемую психологию народов, которой в дальнейшем был увлечен В. Вундт и которая у Вундта составляла вторую половину созданной им большой психологической си-

стемы. Х. Штейнталь и М. Лазарус не пошли по линии математизации психологии, которую пропагандировал И. Герbart. Они занимались языкознанием, пытались интерпретировать речь человека как саморазвивающееся начало, которое играет огромную роль в работе внутреннего мира человека. Эта точка зрения берет свое начало в работах немецкого лингвиста **Вильгельма Гумбольдта (1767–1835)**²⁵, рассматривавшего язык как живой организм. Эта точка зрения повлияла на все дальнейшее становление психологии. Кроме В. Вундта, здесь можно назвать французскую социологическую школу, культурно-историческую теорию Л. С. Выготского, то есть те направления, которые рассматривали социальные корни становления человека, а также считали речь важнейшей составляющей внутреннего мира. Для продвижения своих взглядов Штейнталь и Лазарус в 1860 г. начали издавать специальный журнал «Психология народов и языкознание», который просуществовал до 1890 г.

Одним из последних представителей классического ассоцианизма стал широко известный в конце XIX в. английский психолог **Александр Бэн (1818–1903)**. Он одним из первых безапелляционно заявил, что задача психологии — поиск элементов, из которых состоит наш внутренний мир, и законов связи между этими элементами. Как и многие его предшественники и современники, в качестве метода такого поиска Бэн предлагает эксперимент. Эти взгляды были сформулированы им в книгах «Ощущение и интеллект» (1855) и «Эмоции и воля» (1859), то есть за несколько десятилетий до того, как В. Вундт, полностью разделявший эти взгляды, приступил к экспериментальным психологическим исследованиям.

²⁵ В. Гумбольдта часто путают с его не менее известным братом, географом Александром Гумбольдтом.

1.9.3. Психофизика

Еще размышления Декарта положили начало попыткам научного сообщества решить так называемые психофизическую и психофизиологическую проблемы. Психологи, по крайней мере, в XIX в., в основном занимались психофизиологической проблемой. Они пытались ответить на вопрос, как связана психика человека с его физиологической системой.

Были и другие исследователи, которые подходили к этой проблеме шире: важно понять соотношение сознания не просто с физиологией человека. Необходимо решить психофизическую проблему, то есть ответить на вопрос, как соотносится наш внутренний мир с окружающим нас миром. Ведь протяженная субстанция — это не только наша нервная система, мир протяженности — значительно более широкое понятие, чем наше тело. Появились интересные психологические исследования, авторы которых пытались дать ответ на этот вопрос. Например, голландский физиолог **Франциск Дондерс (1818–1889)** считал, что психический процесс, подобно физиологическому, можно измерить. Дондерс решил заняться измерением скорости протекания психических процессов. Он воздействовал на испытуемых тем или иным раздражителем — вспышкой света или звуковым сигналом — и просил реагировать на этот раздражитель как можно быстрее, например, нажимая на кнопку, а сам измерял *время реакции*. Существует мнение, что работы Дондерса были стимулированы событием, произошедшим в 1795 г. в гринвичской лаборатории. Директор лаборатории Невил Масклайн заметил, что, по его расчетам, некая звезда движется из одной точки в другую несколько медленнее, чем это следует из расчетов его ассистента. Масклайн указал ассистенту на ошибку и предложил ему впредь быть внимательнее. Казалось, тот учел замеча-

ние, но позже разница только увеличивалась — через пять месяцев она составляла уже восемьдесят секунд. В итоге ассистент, имя которого осталось неизвестным, был уволен. Лишь значительно позже, после работ Дондерса, стало понятно, что «ошибка» была связана с временем реакции, которое оказалось величиной, отличающейся у разных людей.

Одним из создателей психофизики считается профессор анатомии и физиологии Лейпцигского университета **Эрнст Вебер (1795–1878)**, родившийся в немецком городе Виттенберге в семье профессора теологии. В 1815 г. Вебер защитил диссертацию в Лейпцигском университете. С 1817 г. и почти до конца жизни (1871) Вебер работает в этом университете, занимаясь анатомией и физиологией. Однако параллельно он занимался изучением психологических проблем. В итоге Вебер сделал открытие, позволившее в дальнейшем сформулировать принципиальное положение о зависимости между силой внешних раздражителей и величиной ощущений, вызванных этими раздражителями. В психологии это положение известно как *закон Вебера — Фехнера*. В основе этого закона лежит закономерность, открытая Вебером: между первоначальным и последующим раздражителями существует вполне определенное (разное для различных органов чувств) отношение, при котором субъект начинает замечать, что ощущение стало уже другим. Вебер изобрел специальный циркуль, который прикладывал к разным частям тела человека. Он задавал испытуемому вопрос: сколько точек, прикасающихся к телу, он ощущает и меняется ли расстояние между этими точками? Когда ножки циркуля были плотно сведены друг к другу, испытуемые воспринимали одну точку. Должно быть определенное, минимальное расстояние между ножками циркуля, чтобы испытуемые начали воспринимать две точки.

Вебер дополняет понятие «порог сознания», введенное И. Гербартом, понятием «*дифференциальный порог*», которым обозначил способность испытуемых различать увеличение расстояния между двумя точками. Расстояние, равное дифференциальному порогу, различается для разных мест тела человека. Например, на кисти руки это расстояние значительно меньше, чем на ноге или на спине. Вебер изучал не только тактильные, но и зрительные ощущения. Если горят десять свечей, сколько еще свечей надо зажечь, чтобы испытуемый заметил изменение освещенности? Разумеется, индивидуальные показатели могли отличаться друг от друга, но в итоге Э. Вебер приходит к общей закономерности, которой подчиняются дифференциальные пороги. Это закон геометрической прогрессии: чтобы испытуемый оценил расстояние между ножками циркуля как разные, экспериментатор должен увеличить это расстояние не на то или иное количество сантиметров, а на несколько процентов от первоначальной величины раздражителя.

Другим основоположником экспериментальной психологии, построенной на основе математического обоснования связи между психическими и физическими явлениями, стал профессор Лейпцигского университета **Густав Теодор Фехнер (1801–1887)**. В 1817 г. Фехнер поступил на медицинский факультет Лейпцигского университета, а с 1824 г. начал читать там лекции по физике и проводить собственные исследования. В 1835 г. Фехнер получил престижную должность профессора в университете Лейпцига, но затем впал в депрессию, которая длилась нескольких лет. В 1844 г. Фехнер, получив небольшую пенсию, по состоянию здоровья был уволен из университета, но еще тридцать лет не оставлял научную работу. Фехнер был чрезвычайно разносторонним и работоспособным че-

ловеком: посчитано, что в течение своей жизни он семь лет занимался физиологией, пятнадцать — физикой, четырнадцать — психофизикой, одиннадцать — экспериментальной эстетикой, сорок — философией, и лишь последние двенадцать лет своей долгой жизни он был нетрудоспособен.

Г. Фехнера, склонного после излечения от депрессии к мистическому мирозерцанию, стал занимать вопрос о том, как соотносятся темные и светлые силы, которые составляют основу души человека и окружающего нас космоса. Его не интересовала работа нервной системы человека. Как соотносятся темные и светлые силы, пронизывающие бытие, — вот чем заинтересовался немецкий естествоиспытатель. Но как это соотношение исследовать методами науки? То есть как перевести представления о вселенских духовных проявлениях на язык конкретной науки? Однажды утром 22 октября 1850 г. Фехнера, когда он еще лежал в кровати, осенило: существует закон, устанавливающий связь между мозгом и телом, и этот закон может быть выражен через количественное отношение между психическим ощущением и физическим раздражителем. Фактически опыты Фехнера были очень похожи на то, что делал Э. Вебер. Заметим при этом, что проводил он свои исследования, не зная о работах Вебера. Это удивительно, поскольку Фехнер в то же время, что и Вебер, работал в том же Лейпцигском университете. Впрочем, имелось существенное отличие между подходами этих двух исследователей: Фехнер пытался описать свои результаты математически. В своих экспериментах он предъявлял испытуемому раздражитель определенной интенсивности, например звук или вспышку света. Разумеется, эту интенсивность можно было заранее измерить в физических единицах. Но как измерить величину переживания человека, воспринимающего этот физический

раздражитель? Вот тут-то и проявился гений Фехнера. Он предложил в качестве единицы измерения использовать субъективную оценку человека. Испытуемый должен был сказать, на сколько, с его точки зрения, изменилась интенсивность физического раздражителя (освещения или звука). Фехнер обнаружил, что изменение внутреннего ощущения пропорционально логарифму изменения внешнего раздражителя. Например, если в комнате горит двадцать лампочек и кто-то включит еще одну, то мы не заметим, что в комнате стало светлее. Но если изначально горело только десять лампочек, то включение еще одной будет замечено. Одним словом, если интенсивность внешнего раздражителя увеличивается в геометрической прогрессии, то сила ощущения этого раздражителя увеличивается в арифметической прогрессии:

$$a = \log b,$$

где: a — сила ощущения,

b — интенсивность раздражителя.

Этот закон, изложенный в математическом виде, психологи и назвали законом Вебера — Фехнера.

В 1858 г. была издана брошюра, содержащая часть результатов исследований Фехнера. Вторая часть этих исследований была опубликована во второй брошюре в 1859 г. И наконец, в 1860 г. все результаты были изданы в виде книги Фехнера «Элементы психофизики». Фактически психофизики, среди которых первыми стали Э. Вебер и Г. Фехнер, продемонстрировали отличие между принципом причинности и принципом закономерности. Психофизиологи, то есть исследователи, пытавшиеся решить психофизиологическую проблему, всегда старались найти причинные связи между работой нервной системы и ее проявлениями в психике. В рамках психофизики Фехнера причинная зависимость между светлыми и темными силами не важна. Главное — установить между

ними количественное соотношение. И такой закон устанавливается: закон связи между двумя интенсивностями независимо от причинности, связывающей эти интенсивности. Тем самым в психологию проникла идея, в соответствии с которой ее законы могут быть установлены без установления причинных связей между исследуемыми элементами.

Психологи XIX в. с уважением относились к научным достижениям Г. Фехнера. Например, известный исследователь памяти Г. Эббингауз посвятил свою книгу «Принципы психологии», вышедшую в 1902 г., памяти Фехнера. Мы называем основателем психологии В. Вундта, забывая, что за тридцать лет до Вундта экспериментальные исследования, составляющие сегодня золотой фонд психологии, провел Фехнер, создавший особое направление в психологии — психофизику. Только в 1983 г. были обнаружены десять больших коробок с его рукописными дневниками, и, может быть, еще появятся его новые, пока не известные работы.

В XX в. разработка психофизической проблематики была продолжена американским психологом **Стэнли Смитом Стивенсом (1906–1973)**, сформулировавшим *степенной закон* зависимости между силой внешних раздражителей и силой ощущения, которое вызывает этот раздражитель. Но и на этом психофизика не остановила свое развитие. Наиболее известное продолжение было создано американцами Д. Грином и Дж. Светсом, разработавшими так называемую *теорию обнаружения сигнала*.

1.9.4. Физиология органов чувств

Одним из первых в XIX в. психофизиологическими проблемами занялся английский физик и врач **Томас Юнг (1773–1829)**. В 1802 г. Юнг публикует

научный труд, посвященный теории цветовидения, в соответствии с которой в сетчатой оболочке глаза существует три рода чувствительных волокон, реагирующих на три основных цвета.

Интересную концепцию разработал немецкий физиолог **Иоганнес Мюллер (1801–1858)**, отстаивавший применение экспериментальных методов в физиологии. Результаты своих исследований И. Мюллер изложил в многотомном «Руководстве по физиологии человека» (1833–1840). Эта работа вызвала большой интерес в других странах. В частности, в 1838 г. на английский язык был переведен первый, а в 1842-м — второй том «Руководства». И. Мюллер создал теорию *специфической энергии органов чувств*. Эта теория основывалась на хорошо известном бытовом факте: если человека ударят в глаз, то у него «из глаз сыпятся искры», а если ударить по уху, то у него «звенит в ушах». В своих экспериментах Мюллер воздействовал на разные органы чувств одним и тем же раздражителем — электрическим током — и получал аналогичный эффект: в глазах появлялись световые вспышки, а в ушах — звуковые шумы. Значит, говорит Мюллер, когда мир воздействует на нас, он активизирует некую специфическую энергию, которая существует в данном конкретном анализаторе. Сделал Мюллер и еще один вывод: никакой иной энергией, кроме известной физике, нервная ткань не обладает.

Теория И. Мюллера, разумеется, вызвала настороженное отношение его коллег, особенно тех, кто был склонен к безоговорочному признанию сенсуализма. Действительно, выводы Мюллера, повторим еще раз, основанные на безупречных экспериментальных данных и очевидных житейских наблюдениях, указывали на отличие образов нашего сознания от того, что существует в так называемой объективной реальности.

Эта теория до сих пор слишком непривычна и остается на периферии научного знания. Впрочем, кроме теории Мюллера, имеются и другие теории и эмпирические факты, на которые не обращает внимание научное сообщество. Никто не отрицает их существование (в отличие, например, от так называемых парапсихологических фактов), но большинство затрудняется разместить их в системе существующих научных представлений. Такие факты не укладываются в существующую научную парадигму, и их недостаточно, чтобы эту парадигму изменить.

Еще один немецкий физиолог — **Герман Людвиг Фердинанд фон Гельмгольц (1821–1894)** — внес существенный вклад в развитие психологических представлений XIX в. Он родился в Потсдаме, в Германии, где его отец преподавал в гимназии. В 1838 г. Гельмгольц поступил в Берлинский медицинский институт. В науке Гельмгольц известен не как психолог, а как врач и исследователь зрения, заинтересовавшийся психофизиологией. В 1856–1866 гг. вышел трехтомный труд Гельмгольца «Физиологическая оптика», а в 1863-м — книга «О восприятии тона». За год до своей смерти Гельмгольц отправляется на Всемирную выставку в Чикаго. Возвращаясь из путешествия по Америке, он поскользнулся, входя в кабину, и ранил голову, что имело тяжелые последствия и могло послужить причиной последующего заболевания. Постепенно развился паралич движений, по-видимому, из-за продолжающегося разрушать мозг кровоизлияния. Так началась болезнь, приведшая к летальному исходу.

Гельмгольц известен как автор так называемой теории иероглифов. Продолжая размышления И. Мюллера, Гельмгольц утверждает, что психический образ — это знак, «иероглиф», который не отображает истинный объект, а дает только его условное изобра-

жение. Так, иероглиф в письменности некоторых восточных народов возник как прямой рисунок предмета, но в дальнейшем стал наполняться иной символикой и теперь является чем-то вроде многозначной буквы. Иероглиф настолько стилизовал и схематизировал действительность, что сегодня трудно предположить, какую чувственную реальность он когда-то изображал. Точно так же, считал Гельмгольц, по образу, который дает нам восприятие, трудно судить о том мире, который нас окружает.

Г. Гельмгольц предложил еще одну концепцию, которую назвал теорией бессознательных умозаключений. В соответствии с этой теорией содержимое восприятия поступает в систему внутреннего опыта не в «чистом» виде, как утверждает классический сенсуализм, а опирается на данные опыта. При этом процесс восприятия напоминает структуру логического силлогизма, в соответствии с которым работает мышление логически рассуждающего человека. Продемонстрируем структуру логического мышления, используя следующий силлогизм.

Все люди смертны. Сократ — человек. Следовательно, Сократ смертен.

По той же схеме работает и восприятие человека, утверждает Г. Гельмгольц. Как разум исходит из общих посылок («все люди смертны»), так и зрение исходит из общих посылок нашего опыта. Разумеется, нельзя сказать, что зрение тождественно разуму, но механизм работы зрения похож на механизм работы разума. Например, наш опыт подсказывает нам, что все растения зеленого цвета. Тогда, если мы воспринимаем что-то зеленое, мы должны сделать вывод, что мы, возможно, видим растение. С точки зрения теории бессознательных умозаключений наш глаз делает свои выводы, не опираясь на сознание. Выводы восприятия осущест-

вляются бессознательно. И чем больше сведений хранит наш опыт, тем больше у нас шансов на правильный вывод. Например, если наш глаз «знает», что растение — не только зеленое, что у него есть еще стебель, и обнаруживает нечто обладающее стеблем и зеленого цвета, то и вероятность того, что мы воспринимаем растение, возрастает.

Г. Гельмгольц в своей теории соединяет зрительное восприятие с опытом человека: глаз производит свои умозаключения не сам по себе, а опираясь на опыт воспринимающего человека. Без этого опыта зрение не может существовать. Теория иероглифов говорит о том же: только наш опыт помогает расшифровывать то, что нам передает образ-иероглиф. Конечно, надо еще ответить на вопрос, насколько адекватной является такая расшифровка.

Теория Г. Гельмгольца представляет собой попытку совмещения теории специфических энергий органов чувств с постулатами позитивной науки. При этом Гельмгольц обращает свое внимание не на психофизиологическую, а на психофизическую проблему — на соотношение мира внешнего и мира внутреннего. Гельмгольц был профессиональным офтальмологом, но в психологии его интересовало не физиологическое устройство глаза и не устройство самого внутреннего мира. Главное — выяснение общих законов, которым подчинена связь внешнего мира и опыта человека. Отсюда, наверное, интерес Гельмгольца к физике. В частности, его считают соавтором открытия закона сохранения энергии.

1.9.5. Ч. Дарвин

Разумеется, многое из того, что было сделано в психологии второй половины XIX в., было бы невоз-

можно без особого методологического подхода, который связан с именем известного английского натуралиста **Чарльза Дарвина (1809–1882)**, создавшего теорию эволюции живого на Земле. В 1831–1836 гг. Дарвин принял участие в кругосветном путешествии корвета «Бигль». Экипаж «Бигля» провел исследования в водах, омывающих Южную Америку, на Таити, в Новой Зеландии, на острове Вознесения и Азорском архипелаге.

В 1809 г. французский натуралист **Жан-Батист Ламарк (1744–1829)** сформулировал теорию развития живой природы, в которой основной акцент был сделан на изменении внешнего вида животных, вызванного их *стремлением* приспособиться к новым внешним условиям. Главным для ламаркизма стал принцип стремления к совершенству: всему живому присуще стремление развиваться от простого к сложному, продвигаться по «ступеням» вверх. До работ Дарвина в биологии господствовал телеологизм, то есть идея об изначальной целеустремленности живых организмов. Ч. Дарвин, сторонник строгого детерминизма, выступил с резкой критикой теории своего предшественника: никакого «стремления» и «хотения» у животных не может быть. Для Ламарка эволюция — функция отдельного организма, для Дарвина — безликая сила, подчиняющая себе все живое.

Впрочем, к озвучиванию своей теории Дарвин приступил не сразу. В 1836 г. он женился и в 1839 г. переехал с женой в Даун, небольшую деревню в шестнадцати милях от Лондона. Кажется, стать создателем эволюционной теории его заставило только полученное в июне 1838 г. письмо от молодого натуралиста Альфреда Рассела Уоллеса, который восторженно признался своему кумиру в глубоком почтении и изложил практически ту теорию, которую мы сегодня называем

дарвиновской. Но и после этого в 1840 г. Дарвин начинает вести дневниковые записи о своем малолетнем сыне, следя за его развитием. (В 1877 г. в журнале *Mind* опубликованы дневниковые наблюдения Ч. Дарвина за развитием его сына Френсиса: «Биографический очерк одного ребенка».) Только в 1842 г. он составил первый 35-страничный набросок своей теории. К чести Дарвина, 1 июля 1858 г. на собрании Линнеевского общества (научного общества, названного по имени шведского натуралиста Карла Линнея) Дарвин предложил зачитать и письмо Уоллеса, и отрывки из своей будущей книги. Тем самым вопрос о приоритете он отдал на суд научного сообщества. В дальнейшем теория Дарвина была изложена в его книгах «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859), «Происхождение человека» (1871), «Выражение эмоций у животных и человека» (1872).

Середина XIX в. — время триумфа эволюционного учения Дарвина, разрабатывавшегося в тот же период, когда совершала успехи физико-химическая школа, изгнавшая витализм из биологии, и когда французский физиолог К. Бернар создавал учение о саморегуляции внутренней среды организма. Английский геолог Чарльз Лайель ввел понятие эволюции в геологию, доказывая, что Земля прошла различные этапы развития, прежде чем достигла нынешнего состояния. Учение Дарвина дало импульс формированию антропологии как самостоятельной науки. В западноевропейской и американской антропологической традиции появляется описание человека как главным образом использующего и изготавливающего орудия труда. Дарвиновский эволюционизм проникал все глубже в самые различные направления науки. Так, в социологии швейцарский исследователь (брат известного русского биолога И. И. Мечникова) **Лев Ильич Меч-**

ников (1838–1888) сформулировал закон кооперации, в соответствии с которым эволюция человека связана, прежде всего, с кооперированием отдельных индивидов в разнообразные сообщества.

Конечно, Ч. Дарвин — не психолог, хотя его теория выразительных движений вошла в золотой фонд психологической науки, изучающей эмоции. Но роль Дарвина в становлении науки в целом и психологии в частности сложно переоценить. Теория Дарвина оказала огромное влияние на всю последующую науку, в том числе на психологию²⁶. Смысл этого влияния состоит в том, что если до Дарвина человек рассматривался как творение Бога, то теперь появился принципиально новый подход к исследованию человека. Возникла идея развития. Для исследователей додарвиновской эпохи эта идея не имела принципиального значения. Тем более что теология всегда с подозрением относилась к идее развития. Мир создан одновременно для всего в нем существующего, поэтому ученые не должны приносить в свои исследования подозрительные идеи, противоречащие канонам религии. Конечно, и раньше некоторые философы высказывали подобные мысли — вспомним хотя бы учение Аристотеля о строении души, в которую входят растительная, животная и разумная составляющие. Некоторые предшественники Дарвина (например, систематики вроде Ламарка) высказывали мысли о божественной предзаданности и развития тоже, то есть считали различия между животными тоже заданными Богом. После Дарвина ученые стали утверждать: эти изменения никем не соз-

²⁶ Даже в 1929 г. американский психолог Е. Боринг писал в своем учебнике «История экспериментальной психологии», что психология не может выставить ни одного мыслителя ранга Дарвина или Гельмгольца.

даны, они возникают в силу законов природы. Изменения возникают благодаря каким-то внутренним характеристикам, существующим в природе.

Впрочем, теория Ч. Дарвина была принята далеко не всеми, о чем свидетельствуют некоторые исторические события. В 1925 г. в США в городе Дейтоне состоялся так называемый обезьяний процесс по делу школьного учителя Джона Скоупса, познакомившего своих учеников с теорией Дарвина. Только во второй половине XX в. сторонники дарвинизма начинают брать верх. В 1968 г. Верховный суд США отменил закон, запрещающий преподавание теории эволюции в школах. Но в 1972 г. в штате Теннесси один священник обвинил теорию Дарвина в том, что она «порождает моральное разложение, похоть, безнравственность, корыстолюбие и такие преступные действия, как употребление наркотиков, разбой и потрясающие своей жестокостью акты геноцида». В 1985 г. исследование показало, что почти половина взрослого населения Америки решительно отвергает теорию Дарвина. В 1987 г. Верховный суд США выступил против законопроекта штата Луизиана, содержавшего требование о том, чтобы, в случае преподавания в школе теории Дарвина, в равном объеме преподавалось бы и традиционное библейское учение о происхождении жизни. В 1990 г. Коллегия по вопросам образования штата Техас одобрила выпуск учебника, содержавшего изложение теории эволюции, однако все же треть ее членов была против такого решения.

Тем не менее во второй половине XIX в. догадки эволюционистов стали получать свое подкрепление эмпирическими фактами, по крайней мере, так считал сам Дарвин и его последователи. Эти факты были собраны в его поездке по всему миру и представляли собой останки доисторических животных. Демонстрируя

их сходство с различными структурами человеческого тела, Дарвин показал, что человек в своем становлении продолжает линию естественного развития природы. Человек — природное существо, возникшее не по воле какого-то другого существа, а потому что такова его природа. Тем самым в науку, а не только философию, вводился принцип свободы. Человек оказывался свободным от чужой воли. Безусловно, это не отрицало возможность теологических размышлений о человеке. Но наряду с теологической идеей возникновения человека получила существование идея естественнонаучная.

Для психологии эта идея означала очень многое. Мы должны рассматривать человека как естественное продолжение природы. Следовательно, мы должны искать определенное сходство, единство человека и других живых существ. Мы — люди и звери — едины. Эта идея легла в основу бихевиоризма — психологической школы, возникшей в начале XX в.: мы можем исследовать братьев наших меньших и таким образом найти ключ к пониманию человека. Меньше — в крысе, больше — в обезьяне.

Особую роль в дарвинизме играет тема изучения интеллекта животных. Ученым, выполнившим систематизацию этих исследований, был английский психолог **Джордж Романес (1848–1894)**. Понятно, что тема интеллекта животных не вписывалась в классическое понимание эволюции. Однако исследования Романеса, изложенные в дальнейшем в книгах «Интеллект животных» (1882), «Умственная эволюция у животных» (1883), где были собраны данные о поведении простейших одноклеточных организмов, муравьев, пауков, пресмыкающихся, рыб, птиц, слонов, обезьян и различных домашних животных, а также «Умственная эволюция у человека» (1887), так повлияли на Дарвина, что

тот доверил Романесу выполнение части своей работы, касающейся применения теории эволюции к проблеме психики, — аналогичной той, которую он выполнил сам в отношении строения тела живых существ. Добавим, что тема психической организации живых организмов занимала не одного только Романеса. Так, в 1889 г. вышла книга А. Бине «Психическая жизнь микроорганизмов». В США этой проблемой в то же время активно занимался Ж. Леб. В 1898 г. появилась статья немецкого зоолога А. Бете «Должны ли мы приписывать муравьям и пчелам психические качества?». Наконец, в 1908 г. Маргарет Флой Уошбэрн, которая была первой аспиранткой известного американского психолога Э. Титченера, написала и первый учебник по сравнительной психологии «Разум животных». В 1922 г. российский биолог **Алексей Николаевич Северцов (1866–1936)** в своей книге «Эволюция и психика» излагает теорию «потенциальной, нереализованной психики», в соответствии с которой животные с высоким уровнем организации психики, существующие в своей повседневной жизни в стабильных, стандартных условиях, не реализуют всех психических возможностей, на которые они потенциально способны.

2. Возникновение экспериментально-теоретической психологии

Психология, как мы помним, возникает во второй половине XIX в. Этот период в становлении психологии тесно связан с философией позитивизма, а также с естествознанием, представители которого — физики, химики, биологи, географы — утверждают, что занимаются исследованием чувственно воспринимаемых предметов.

Не только ученые, но и все остальные были уверены, что единственно возможной наукой может быть только естествознание. «Что дает нам естествознание?» — задаются вопросом психологи XIX в. Прежде всего, множество полезных вещей: от парового двигателя и новых материалов до разнообразных товаров из дальних стран. Благодаря открытиям естествознания цивилизованным народам покоряются новые земли, таящие огромные богатства. Впрочем, и сегодня мы считаем науку полезной ровно настолько, насколько она позволяет нам получать новые приборы, новые средства передвижения и связи, новую одежду и т. д. Новые, лучше оснащенные машины, самолеты и яхты — вот что дает нам наука. Нам хочется все больше и больше новых вещей: два телевизора лучше, чем один, четыре — лучше, чем два. Создание новых вещей позволяет повисить так называемую производительность труда, то есть количество вещей, создаваемых за одно и то же время.

Подобные рассуждения легко переносятся в сферу психологии. Может ли такими достижениями похвастаться современная психология, а тем более психология XIX в.? Конечно, нет. Ведь производительность труда психотерапевта, годами и десятилетиями работающего с одним клиентом, очень низка. Ее никак нельзя сравнивать с производительностью труда рабочего на заводе, выпускающем тысячи и десятки тысяч автомобилей. Разумеется, пользы от науки, благодаря которой изобретен автомобиль, намного больше, чем от психологии.

Психологам всегда хотелось сделать свою науку похожей на какую-то другую, настоящую науку. Многие исследователи хотели, чтобы психология стала похожей на физику. Ведь физика — настоящая наука, дающая людям множество полезных вещей. Но если мы хотим сделать психологию по образу естественных наук, то мы должны использовать в психологии принципы построения естествознания. Значит, психологи должны сконструировать свой предмет и метод так, чтобы они были принципиально сходны с предметом и методом естествознания.

Психологи захотели стать такими же полезными, как естествоиспытатели. «Настоящие», «позитивные», то есть естественные науки получали свои результаты при помощи эмпирических исследований. Причем среди методов получения таких результатов выделялся эксперимент. Психологи решили, что использование этого метода позволит психологии стать настоящей, позитивной наукой. Оставалось только определить-ся с предметом своего исследования. Но ведь предмет психологии кардинально отличается от предметов естественных наук. Через двести лет после Р. Декарта О. Конт заявил: давайте изучать протяженную субстанцию, а не *cogito*. Тем самым он отказывает психо-

логии в существовании. Конт полагал, что психология не обладает таким предметом, который может быть подвергнут научному исследованию.

С точки зрения позитивизма у психологии просто нет предмета, который она могла бы изучать. Но пока существуют люди, они будут заниматься тем, что им интересно, даже если авторитетные эксперты будут их убеждать в том, что этим заниматься невозможно. Конечно, «запрет» психологии никого не испугал. Тот, кто хочет заниматься душой, все равно будет это делать. Но в этом случае возможны два подхода. Мы можем оставаться физиками или физиологами и заниматься предметом, выходящим за пределы нашей основной специальности. Но мы пытаемся изучить психику, объясняя ее с помощью знаний, которые добыты физикой или физиологией. Такой вариант позитивизм не запрещал: можно изучать физиологические механизмы мозга или элементарные частицы в физике и на основании таких знаний пытаться объяснить наши переживания. В XIX в. ученые стали заниматься такими исследованиями, которые сегодня многими трактуются как психологические и входят в учебники по психологии, но фактически это были исследования физиологов, историков, физиков и т. д. Ученые, занимавшиеся такими исследованиями, позиционировали себя как представители не психологии, а других наук. Другой вариант состоит в том, что исследователь говорит: я — психолог и должен изучать свой предмет, используя только психологические понятия и законы.

Таким образом, до 1879 г. психология существовала в странном состоянии: у нее не было своего предмета, и не существовало самих психологов. Действительно, никогда ученые не сомневались, что существует странное явление, называемое то ли сознанием, то ли душой, то ли психикой. Большая группа физиков, фи-

зиологов, философов, представителей других научных профессий занимается психологией. При этом никто не считает себя психологом. Именно в это время появился исследователь, который решил сделать изучение предмета психологии настоящей наукой. Его звали Вильгельм Вундт.

2.1. Психология сознания

2.1.1. В. Вундт

Основателем психологии как самостоятельной науки, независимой от физики, физиологии и философии, считается немецкий исследователь **Вильгельм Вундт (1832–1920)**, настаивавший на основополагающем значении психологии для «наук о науке».

В. Вундт обучался медицине в университете Тюбингена, а затем в Гейдельберге. В 1855 г. в Гейдельберге он получает докторскую степень. С 1857 по 1864 г. Вундт читает лекции и работает лаборантом у Германа фон Гельмгольца. В 1858–1862 г. он частями публикует книгу «К теории чувственного восприятия», а в 1863 г. — «Лекции о душе человека и животных» об умственных способностях различных живых существ — от жуков до бобров. В этой книге Вундт утверждает, что животные, демонстрирующие даже минимальные сенсорные способности, должны обладать умением делать оценки и сознательные выводы.

В 1864 г. В. Вундт получил должность адъюнкт-профессора в Гейдельберге. Можно сказать, что с этого начинается наиболее известный этап его научной деятельности. В 1867 г. он начинает читать в Гейдельбергском университете первый и единственный в мире на то время курс лекций по физиологической психологии. В 1873–1874 гг. выходит главный труд Вундта «Основы физиологической психологии» (две части).

В 1880 г. Вундт подготовил второе издание этой книги, а 1887 г. — третье издание. Вундт был не только психологом. В 1880–1891 гг. он пишет работы по этике, логике, философии. Вундт был одним из самых продуктивных исследователей за всю историю науки. Подсчитано, что с 1853 по 1920 г. Вундт написал более 54 тысяч страниц, то есть он писал по 2,2 страницы ежедневно. Особенно активно издательской деятельностью Вундт занимался в конце XIX в. В 1881 г. он основывает журнал «Философские учения» (в 1906 г. Вундт переименовал свой журнал в «Психологические учения»), официальный печатный орган своей лаборатории и новой науки. В начале XX в. В. Вундт охладел к своему детищу — экспериментальной психологии. Он увлекся новым направлением и результаты своей работы опубликовал в 1900–1920 гг. в виде десяти томного труда под названием «Психология народов».

Хорошо известно, что с именем Вундта, ставшего в 1875 г. профессором философии в Лейпцигском университете (где, как мы помним, работали создатели психофизики Вебер и Фехнер), связывают открытие в 1879 г. там же первой психологической лаборатории. Правда, некоторые историки оспаривают эту дату, утверждая, что в 1879 г. был открыт целый лабораторный комплекс, но уже в 1875 г. Вундт проводил свои первые психологические опыты в комнате, выделенной для этого университетом. Вундтовская лаборатория работала еще почти четверть века после смерти своего создателя. 4 декабря 1943 г. она была разрушена в результате бомбардировки Лейпцига британской и американской авиацией. В. Вундт — один из величайших ученых за всю историю психологии. Мы мало знаем о нем как о человеке. Возможно, что-то новое позволит узнать изучение обнаруженных в 1970 г. дневников его жены Софи.

Современные психологи считают, что основным вклад В. Вундта заключался в том, что именно он явился создателем естественнонаучного направления в психологии. Можно было бы оспорить это мнение, но нельзя, по-видимому, оспорить то, что именно с исследований Вундта берет начало признание исследователями новой научной профессии: психолог. К Вундту в лейпцигскую лабораторию приезжали исследователи практически из всех стран, где культивировалось это направление науки: Германии, Англии, Франции, России, США. И с тех пор ученые, занимающиеся изучением внутреннего мира человека, стали называть себя психологами. Вундт имплантировал в сознание научной общественности представление о существовании этой профессии.

Задача психологии, говорит Вундт, как и всех других наук, состоит в том, чтобы: а) выделить путем анализа исходные элементы; б) установить характер связи между ними и в) найти законы этой связи. Для того чтобы психология стала настоящей наукой, ее необходимо сделать похожей на естествознание, — так считал В. Вундт, как и многие его коллеги. Для этого необходимо найти то главное, что делает естествознание настоящей наукой. Таким главным элементом науки является ее метод. Каков же метод естествознания? Это эксперимент. Следовательно, и психологи должны использовать этот прием, психология должна стать экспериментальной наукой.

В. Вундт — основатель экспериментального направления в психологии. Заметим, что это была непростая задача. В общественном мнении бытовало убеждение, будто душа человека — это неподвластное «скальпелю» естествознания явление. Еще в 1877 г. университет Кембриджа наложил вето на запрос о преподавании экспериментальной психологии, потому что

это «оскорбление религии — класть душу человека на чашу весов». Так что Вундт фактически пошел наперекор устоявшимся стереотипам. Он попытался создать такую психологию, которая соответствовала бы правилам, сформулированным в позитивизме О. Конта.

В. Вундт начал свои исследования с помощью самых простых приборов, таких как метроном и тахистоскоп, разнообразные линзы (как потом саркастически заметил У. Джемс, это была психология «метронома и призм»). Главное, что сделал Вундт, — это идея, в соответствии с которой есть не просто элементы сознания, связанные между собой соответствующими ассоциациями. В отличие от прочих ассоцианистов — А. Бэна, отца и сына Миллей — Вундт утверждает, что есть разные типы первичных, простейших элементов, из которых состоит наше сознание: *ощущения* и *простые чувства*. Эти два вида присущи двум основным параметрам жизни человека: параметру объективности и параметру субъективности. Действительно, из объективного мира мы получаем объективные элементы, ощущения, а наш внутренний, субъективный мир дает нам некоторую оценочную характеристику этих элементов, поступивших из внешнего мира. Эти оценочные характеристики, которые Вундт называет простыми чувствами, также являются элементами нашего сознания.

На основании исследования ощущений В. Вундт выводит некоторые свойства, которые присущи сознанию человека: ритмичность, ограниченность объема и структурированность. Надо сказать, ограниченность различных «функций» сознания исследовали многие психологи, изучавшие объем памяти, внимания, восприятия. В XX в. было даже установлено число 7 ± 2 , которое ограничивает объем этих функций. И у Вундта получилось похожее число: 4–6 ощущений составляют

объем сознания. Впрочем, это не должно нас удивлять, поскольку все перечисленные «функции» на самом деле представляют собой отображение в сознании психологов одного и того же целостного объекта — внутреннего мира человека. Психологи изучают внутренний мир, называя его разными терминами и используя сходные методы.

В. Вундт выявил еще одно свойство сознания — его *ритмичность*. Испытуемые Вундта слушали звуки, издаваемые метрономом, и сообщали о своих впечатлениях. Мы и сами дома можем сделать то же самое с помощью простого будильника. Такие часы издают звук, который мы называем «тик-так». На самом деле звуки, издаваемые часами, совершенно одинаковы, но наше восприятие представляет нам звучание в форме пар, а в некоторых случаях — четверок ударов: «тик-так-тик-так». На этом основании Вундт и сделал вывод о ритмичности сознания человека. Это — особое свойство, оставляющее впечатление чего-то волшебного. Ведь обычно мы считаем, что ритмичность присуща самой музыке, «располагающейся» где-то вне нас. Поэтому трудно привыкнуть к тому, что эта самая ритмичность производится самим нашим сознанием.

Что касается другой формы простейших элементов сознания — чувств человека, то их совокупность В. Вундт рассматривает как пространство, имеющее три параметра: удовольствие — неудовольствие, возбуждение — успокоение, напряжение — разрешение. По этим трем параметрам, утверждает Вундт, каждому простому чувству мы можем задать характеристику в трехмерном пространстве. Простое чувство может в той или иной степени вызывать у нас удовольствие, возбуждение и напряженность.

Простые чувства соединяются друг с другом. При этом это соединение таково, что мы не можем выделить

при помощи сознания действительно отдельные элементарные чувства. В процессе соединения отдельные чувства начинают составлять целостное образование. Чувства сопровождают объективные элементы нашего внутреннего мира, то есть ощущения, поступающие извне. Таким образом, наш внутренний мир представляет собой систему ощущений, сопровождаемых чувствами, но не существующих отдельно, а по мере прохождения отдельных периодов своего развития все больше и больше объединяющихся. Простые чувства позволяют оценивать предметы и события внешнего мира. В конце концов, по мере объединения чувств, у нас появляется общая оценка воспринимаемого.

В. Вундт приходит к выводу о закономерном стремлении эмоциональных состояний к единству: нет в сознании двух одновременных представлений, являющихся результатом объединения ощущений и сопровождающих их чувств, которые не объединялись бы в одно чувство. Иными словами, все, что поступает в наш внутренний мир, стремится объединиться в единое целое. Главная задача психологии — найти элементы, которые стремятся к объединению.

Задача психологии, считает Вундт, — попасть во внутренний мир человека, найти элементарные первичные частицы сознания и путем их изучения попытаться понять, как устроен наш внутренний мир, раскрыть все его богатство. Этот подход, который называют элементаризмом, характерен для многих наук. Социологи спорят: с чего начинать исследование? С человека или с общества? В биологии идут аналогичные дискуссии: с клетки или целостного организма должно начинаться изучение живого?

С именем В. Вундта тесно связано особое направление не только в психологии, но и в науке в целом, — *структурализм*. Этот общенаучный принцип

существовал в естествознании еще до возникновения психологии сознания. Основной идеей этого направления была мысль, высказанная еще древнегреческим философом Демокритом: задача науки — поиск мельчайших элементов, атомов, из которых состоит все во Вселенной, в том числе и душа человека. Атом неделим, поэтому, найдя и изучив эту мельчайшую частицу, мы получим самое главное и последнее знание о мире. Более двух тысячелетий наука искала атомы, и к концу XIX в. усилиями физиков наконец нашли их. Науку можно было считать завершенной. Эта идея была так сильна, что в конце XIX в. некоторые ученые решили, что наука окончательно построила картину мира и больше ей заниматься нечем. Когда молодой Рентген пришел просить у своего научного руководителя задание, тот ответил ему: молодой человек, наука завершена, осталось только уточнить несколько коэффициентов, займитесь чем-нибудь более перспективным.

Психологи приняли эту логику и решили найти свои атомы — атомы души. Принципиальный подход структурализма звучал следующим образом: если мы возьмем простейшие элементы и соединим их в соответствии с теми законами, которым подчиняются связи между такими атомами души, то мы получим целое, которое не требует дальнейших объяснений, — целое, ставшее понятным. Логика этого тезиса постоянно находит свое подтверждение в нашей повседневной жизни. Действительно, если мы ломаем какой-нибудь предмет, а потом соберем его разрозненные части, то снова получим тот же самый предмет. Следовательно, если мы обнаружили атомы, из которых состоит предмет исследования в физике, и законы связи этих атомов, то тем самым мы узнали о предмете все, что возможно. Значит, стали рассуждать психологи, если мы найдем атомы нашего внутреннего мира и законы, в

соответствии с которыми эти атомы соединяются друг с другом, мы получим полное знание о душе.

Представление В. Вундта о строении сознания можно проиллюстрировать следующей метафорой. Изобразим сознание в виде двух концентрических окружностей. В центре сознания, направленного на ту или иную часть мира, находится зона *апперцепции*. Так, вслед за немецким философом Г. Лейбницем, который одним из первых в науке стал обсуждать проблему бессознательного как совокупности монад, Вундт использует этот термин, так же как и понятие «*перцепция*» для обозначения зоны периферического восприятия. Если мы вытянем перед собой руку и внимательно посмотрим на ладонь, то она будет выглядеть как четко очерченный предмет. Но, кроме ладони, мы увидим и большое количество словно расфокусированных предметов, составляющих фон воспринимаемой ладони. Таким образом, под апперцепцией Вундт понимает фокус внимания, а под перцепцией — восприятие как таковое. Как зона апперцепции, так и зона перцепции включает в себя ограниченное количество элементов. Эти данные были получены Вундтом при помощи опытов с метрономом и тахистоскопом. Сознание человека, говорит В. Вундт, содержит в себе ограниченное количество элементов. Их 4–6 в зоне апперцепции и 50–60 — в зоне перцепции. Все элементы соединены друг с другом ассоциативными связями.

Второй вопрос, на который должна была ответить научная психология: каким должен быть метод новой психологической науки? В связи с этим В. Вундт обращается к философии Дж. Локка, который утверждал, что существуют два механизма познания мира. Первый механизм направлен на внешний мир: я познаю то, что находится вокруг меня. Второй механизм, говорит Дж. Локк, появляется у взрослого человека. Это

механизм сознания, направленного на само себя. Такая направленность сознания на самое себя, говорит Локк, и является механизмом самопознания. Этот механизм Локк называет рефлексией.

Благодаря философской идее Дж. Локка у В. Вундта появляется возможность предложить психологическому сообществу особый психологический метод, который он называет «интроспекция» («самонаблюдение»). Кажется, мы занимаемся интроспекцией каждый день, осмысляя свои поступки. Однако Вундт заявляет, что не это он имеет в виду, когда говорит о своем методе. Дело в том, что люди часто используют психологию в быту. Но делают это произвольно, то есть не так, как это делают профессиональные психологи. Разумеется, мы можем каждый день заниматься размышлениями о себе, самонаблюдением. Однако отличие научного метода от подобных житейских подходов состоит в том, что инструмент, при помощи которого мы занимаемся самопознанием, должен быть специально спроектирован и создан. Метод — это инструмент науки, при помощи которого мы исследуем свой предмет. Кстати говоря, метод не может быть любым. Конечно, если постараться, гвоздь в стену можно забить и компьютером. Но для такой процедуры придумали специальный инструмент — молоток. Инструменты должны соответствовать предмету, на который они направлены. И нашему внутреннему миру должен соответствовать свой особый метод. Этот метод должен быть специально сконструирован, на него должно быть потрачено время, нервные и физические силы исследователя. Эта логика и приводит Вундта и его коллег к идее психологического метода, к которому испытуемые должны быть специально подготовлены. Как сказал потом основатель бихевиоризма Дж. Уотсон, отличие метода интроспекции от настоящего естествен-

нонаучного метода в том, что в экспериментах интроспекционистов все должен делать испытуемый, а экспериментатор лишь регистрирует полученные данные. Испытуемые здесь должны были, забыв про свой естественный язык, стараться описать предъявляемый им предмет, руководствуясь правилами, которые создал для них психолог-экспериментатор. В «настоящем» же эксперименте, наоборот, все делает экспериментатор, а испытуемый только реагирует на воздействия, которые запланированы психологом.

Как утверждал Дж. Локк, не каждый человек обладает способностью к рефлексии. Соответственно, не каждый человек может владеть методом интроспекции. Разумеется, не каждый человек может без специальной подготовки заниматься такими описаниями. Значит, испытуемые должны пройти специальное обучение. Поэтому В. Вундт создает специальные курсы обучения интроспекции. К участию в таких экспериментах привлекались либо опытные психологи-профессионалы, либо лица, прошедшие специальную многомесячную подготовку. Вундт и этим тоже занимался в своем университете в Лейпциге. Только психологи, в течение нескольких месяцев проходившие обучение на таких курсах, могли становиться испытуемыми в его экспериментах. В этих экспериментах испытуемые должны были находить мельчайшие элементы своего внутреннего мира (сознания), которые соответствовали бы воспринимаемому предмету. Испытуемые должны были называть отдельные признаки воспринимаемого предмета (например, черное, продолговатое), ни в коем случае не называя сам предмет, поскольку это означало бы включение в процесс опыта испытуемого. Это «*ошибка стимула*», как назвал подобные реакции американский последователь Вундта Э. Титченер.

Будучи представителем психологии конца XIX в., В. Вундт не мог игнорировать существовавшие в его время психологические представления. В этих теориях часто использовался термин «воля». Модной была теория, носившая название «*волютаризм*», в соответствии с которой превалирующим во внутреннем мире человека является волевое начало. Именно так рассуждал и Вундт: сознание начинается с волевого импульса. Воля направляет фокус нашего внимания в некоторую точку. Благодаря такому волевому импульсу мы получаем в нашем сознании зону апперцепции. Но, концентрируя свое внимание на том или ином предмете, мы, тем не менее, воспринимаем и другие предметы. Их восприятие — не такое отчетливое, оно расплывчато, расфокусировано, но все равно мы видим что-то другое, кроме предмета, находящегося в зоне апперцепции. Это — зона перцепции, то есть непроизвольного восприятия.

Задача, которую ставили перед собой психологи, состояла не только в поиске элементов сознания, но и в поиске законов, которые связывают между собой эти элементы. Таким образом, если нарисовать две концентрические окружности, из которых центральная будет обозначать зону апперцепции, а периферическая — зону перцепции, то мы можем заполнить эти окружности точками, которые будут обозначать элементы сознания. В зоне апперцепции их должно быть четыре-шесть, как установил В. Вундт, а в зоне перцепции — несколько десятков. Теперь мы можем соединить эти точки друг с другом. Тем самым мы получим структуру сознания.

Эти связи, говорит В. Вундт, создают интегральные образования, состоящие из простых чувств и ощущений. Элементы связываются друг с другом более прочными связями и формируют более сложные образова-

ния. Такие подструктуры могут складываться в еще более сложные структурные образования. От простого мы идем к сложному и в итоге начинаем понимать это сложное. Но как происходит такое понимание? Например, мы можем описать пять или шесть элементов апперцепции и сказать, что тем самым апперцепция объяснена. Но ведь существуют еще десятки элементов перцепции. Существуют мириады элементов бессознательного (о которых вскоре заговорил З. Фрейд). Описать бесчисленное множество связей, существующих между всеми этими элементами, невозможно. Что же делать?

Сам В. Вундт не сумел дать ответ на все вопросы, которые вызывал у психологов его подход. В самом конце XIX в. он решил изменить сферу своих интересов и занялся разработкой так называемой психологии народов, идею которой еще в 1852 г. высказали психологи Х. Штейнталь и М. Лазарус. Суть этой теории состояла в том, что законы психики человека следует искать не в отдельных элементах сознания, а в «духе народа», где проявляется истинная сущность внутреннего мира человека. Сам же дух выражается в культурных артефактах: мифах, фольклоре, традициях и т. п. Этим и занялся Вундт, выпускавший раз в два года, начиная с 1900 г., книги под тем же названием «Психология народов». Последний, десятый том вышел в 1920 г., то есть в год смерти Вундта.

2.1.2. Э. Титченер

Значительную роль в организации интроспекционистских исследований сыграл американский психолог **Эдуард Брадфорд Титченер (1867–1927)**, в 1890 г. впервые побывавший на лекции В. Вундта и в 1892 г. получивший ученую степень в Лейпциге. По-

сле этого Титченер возвращается в США и в 1893 г. начинает работать в Корнельском университете, где до 1900 г. занимается оборудованием своей лаборатории, проведением исследований и написанием статей, число которых перевалило за шестьдесят. В частности, в 1898 г. вышла книга Титченера «Начальный курс психологии», в «Философском обозрении» опубликована его статья «Постулаты структурной психологии», в которой он противопоставил слову «структурный» слово «функциональный». В 1901–1905 гг. выходит книга Титченера «Экспериментальная психология», а в 1909 г. — книга «Учебник психологии».

В ходе интроспекционистского эксперимента испытуемый должен был искать простейшие, мельчайшие элементы, из которых состоит образ предъявленного ему предмета. Испытуемый должен был называть простейшие ощущения и чувства, а не совершать, как говорил Э. Титченер, *«ошибку стимула»*. Иными словами, испытуемый не должен был использовать обычные для предъявляемых предметов наименования: яблоко нельзя было называть яблоком, цветок — цветком и т. п. Испытуемый должен уйти за пределы языка, за наши мыслительные форматы и найти те самые элементы, которые и являются целью нашего поиска. Если я вам показываю яблоко, говорил Титченер, то вы не имеете права сказать «это яблоко». Это будет не интроспекция, а ошибка стимула. Это будет навязывание вам, вашему мышлению той самой языковой формы, к которой вы привыкли и которая овладела вами в процессе вашего становления, взросления, воспитания, развития, обучения. Это не просто яблоко, это, говорит Титченер, нечто округлое, имеющее некоторую окраску, определенный вкус и т. д. Испытуемые должны были искать оттенки вкуса, цвета, формы. Нужно было взять яблоко в руку и передать ощущения тяжести, округлости и др.

В 1896 г. была издана книга Титченера «Очерки психологии», в которой он представил список элементарных ощущений, выявленных им в процессе исследований. Этот список включал в себя более 44 000 наименований, из которых 32 820 относились к зрительным и 11 600 — к звуковым. Однако во второй половине своей научной деятельности Титченер, как и В. Вундт, разочаровался в экспериментальной психологии. В 1918 г. он исключил из своих лекций тему о психических элементах, а в начале 20-х подверг сомнению даже сам термин «структурная психология» и предпочитал называть свою систему экзистенциальной психологией. Уже через несколько лет никто из учеников Титченера не следовал программе структурализма.

2.1.3. У. Джемс

Свой ответ на вопросы, поставленные научной психологией В. Вундта, попытался дать американский философ **Уильям Джемс (1842–1910)**. Научному сообществу он известен как создатель философского учения «прагматизм», хотя еще в 70-е гг. XIX в. основные идеи прагматизма были высказаны другом Джемса математиком и философом Чарльзом Пирсом.

У. Джемс многое сделал и для психологической науки, писал книги и учебники по психологии, некоторые из них до сих пор пользуются большой популярностью. Джемс не скрывал своего интереса к телепатии, ясновидению, спиритизму; известны даже его попытки общаться с душами умерших и другие мистические опыты. Он окончил Гарвардский университет, получив медицинское и художественное образование. В 1863 г. Джемс, в качестве ассистента зоолога Луи Агасси, присоединился к экспедиции, чьей целью было собрать коллекцию животных, обитающих в бассейне Ама-

зонки в Бразилии. В 1869 г. Джемс получает степень доктора медицины. В 1872 г. он принял предложение преподавать физиологию в Гарварде. В 1875 г. Джемс организовал в Гарвардском университете первую американскую психологическую лабораторию. В 1875/76 учебном году Джемс представил свой первый курс лекций по психологии, названный «Об отношениях между физиологией и психологией». В 1878 г. Джемс подписал договор с издателем Генри Холтом на публикацию книги «Принципы психологии» (закончена в 1890 г.), содержание которой было построено на идеях вундтовской экспериментальной психологии. В 1885 г. Джемс стал профессором философии. В 1894–1895 гг. Джемс — президент Американской психологической ассоциации.

У. Джемс высказывает идеи, прямо противоположные точке зрения В. Вундта. По мнению Джемса, наше сознание бесконечно, а это означает, что предмет психологии — не сумма элементов, а континуум. Сознание — это не вещь, о которой можно рассуждать как о наборе элементов, а поток. Подобную мысль высказал еще древнегреческий философ Гераклит: бытие есть поток, находящийся в постоянном движении, поэтому нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В XX в. возникло большое течение в литературе и искусстве в целом, которое получило наименование «*поток сознания*»: многие писатели и поэты (М. Пруст, Дж. Джойс и др.) рассматривали внутреннюю жизнь человека как непрерывное движение.

Если мы прислушаемся к своему внутреннему миру, утверждает У. Джемс, то обязательно заметим, что, сколько бы мы ни расчленяли наше сознание на его составные элементы, мы все время обнаруживаем что-то еще, что мы не можем назвать элементом, будь это ощущение или простое чувство. Есть еще целост-

ный процесс переживания, сопровождающий элементы сознания. В XX в. эту особенность сознания стали называть неформализуемостью нашего внутреннего мира. Известный советский психолог А. В. Брушлинский ввел термин «недизъюнктивность мышления». Одним словом, наше сознание не делится «без остатка». Джемс говорит о непрерывном сопровождении потока сознания неизъяснимым, невербализуемым переживанием, которое он называет «*обертонами сознания*», то есть чем-то располагающимся над структурой сознания, что позволяет говорить об индивидуальности, невербализуемости и неформализуемости внутреннего мира человека. Тот, кто занимался музыкой, хорошо знает, что такое обертон. Если мы услышим музыкальное произведение в исполнении двух хороших музыкантов, то при наличии некоторого опыта мы обнаружим разницу в исполнении и даже сможем узнать исполнителей. Но ведь ноты, музыкальный инструмент — одни и те же. Однако есть что-то неуловимое, что позволяет отличить одно исполнение от другого, есть какой-то индивидуальный почерк исполнителя. Эту особенность музыканты называли «обертон», то есть нечто охватывающее стандартные элементы музыкального произведения уникальным индивидуальным отличием. Обертон — это то, что создает целостность исследуемого организма, целостность сознания, утверждает Джемс.

Таким образом, в начале XX в. в психологии образовались две группы исследователей, проповедовавшие два разных подхода к предмету психологического анализа. Одни исследователи считают, что можно найти элементы, сложить их и таким образом получить понятное целое, которое можно объяснить, что позволит прийти к адекватному знанию о целом. Другие утверждают: так невозможно понять, что такое целое.

Сначала мы должны исследовать само сознание с его качествами и особенностями, и только на базе полученных таким образом знаний мы сможем познать его отдельные элементы-атомы. В соответствии с логикой такого целостного подхода У. Джемс описывает свойства сознания:

— любое сознание присуще личности. Оно не может не быть личностным;

— сознание не бывает неподвижным, оно постоянно изменяется;

— сознание — континуально, то есть нет границ между отдельными состояниями сознания;

— сознание все время находится в состоянии выбора.

Но не только своей теорией сознания известен У. Джемс. В 1884 г. вышла его статья, в которой была изложена его теория эмоций. Здесь Джемс излагает концепцию, в соответствии с которой эмоциональные состояния являются не причиной, а следствием поведенческих реакций. В 1885 г. датский физиолог **Карл Георг Ланге (1834–1900)** независимо от Джемса высказал сходное видение эмоциональных состояний. С тех пор этот подход получил наименование *«теория эмоций Джемса — Ланге»*.

У. Джемс — автор оригинальной теории личности. Он относил к личности «все, что человек считает своим», вычленял четыре формы «Я» (Self): материальное «Я» (мое тело, одежда, имущество), социальное «Я» (все, что относится к притязаниям на престиж, дружбу, положительную оценку со стороны других), духовное «Я» (процессы сознания, психические способности) и, наконец, чистое «Я», или чувство личной идентичности, основой которого служат органические ощущения.

Не ограничивая себя узкими рамками определенной темы, в 1899 г. У. Джемс издал книгу «Беседы с

учителями о психологии», посвященную вопросам применения методов психологии в процессе обучения. В 1902 г. появилась его работа «Многообразие религиозного опыта». В 1905 г. на V Международном психологическом конгрессе в Риме Джемс выступил с докладом «Существует ли сознание?», в 1907 г. издал книгу «Прагматизм», в которой изложил свою новую философскую систему.

2.2. Г. Эббингауз

Немецкий психолог **Герман Эббингауз (1850–1909)** первым начал изучать память и обучаемость с помощью экспериментального метода. В 1873 г. Эббингауз получил степень доктора философии, в 1880 г. — должность в Берлинском университете, где и продолжил свои изыскания, проводя дополнительные эксперименты и перепроверяя результаты, полученные ранее. В 1885 г. вышла книга Эббингауза «О памяти», в которой он изложил результаты своих исследований при помощи метода бессмысленных слогов. В 1886 г. он был назначен ассистентом профессора. В 1890 г. Эббингауз (совместно с А. Кенигом) создает «Журнал психологии и физиологии органов чувств». В 1894 г. Эббингауз принял предложение работать в университете Бреслава, а в 1905 г. ушел из этого университета и стал профессором университета города Галле. В 1908 г. вышла книга Эббингауза «Очерки по психологии».

Г. Эббингауз стал одним из последних ассоцианистов и одним из первых задумался о роли смысла в духовной сфере человека. Впрочем, он подошел к этой проблеме с противоположной стороны. Мы помним, говорит Эббингауз, благодаря смыслу, который содержат наши высказывания. Поэтому если мы хотим оставаться истинными ассоцианистами и исследовать «чи-

стую» память, мы должны убрать смыслы, чтобы они не мешали нашим исследованиям. Именно это и пытаются делать Эббингауз. Он создает бессмысленные слоги, состоящие из двух согласных звуков и гласного звука между ними. Всего он создал 2300 таких слогов. Эти слоги он сам заучивает в разных сочетаниях.

Главный эмпирический факт, который открыл Г. Эббингауз, — кривая забывания, отображающая экспоненциальную зависимость между временем, прошедшим с момента запоминания, и количеством припомненных слогов. Именно в таком виде происходит исчезновение информации из нашей памяти с течением времени.

Когда Г. Эббингауз стал рассказывать о своих результатах, его критики сразу же заявили, что сама методика, которую он использовал, страдает неустранимыми недостатками, поскольку абсолютно бессмысленных слогов просто-напросто не бывает. Любое такое сочетание обязательно вызывает те или иные ассоциации, всплывающие из нашего опыта, а это говорит об осмысленности таких слогов.

Пожалуй, именно в это время иссякает поток механических подходов к исследованию внутреннего мира человека. Психологи, не отказываясь от понятия «ассоциация», переходят к попыткам изучения действительных ассоциаций, которые не могут не являться носителями тех или иных смысловых образований. Намечается переход к человеку как осмысленному существу.

Впрочем, исследования Эббингауза продолжил немецкий психолог **Георг Элиас Мюллер (1850–1934)**, сформулировавший *интерференционную теорию забывания*. Одна из его американских учениц, Элеонор Гэмбл, в своей монографии (1909) описала *реконструкцию* как метод измерения памяти. Кстати, Мюллер за-

нимался экспериментированием в своей лаборатории, которая работала в Геттингене в 1881–1921 гг., привлекала многих студентов со всей Европы и из Соединенных Штатов и соперничала с лейпцигской лабораторией Вундта.

2.3. Вюрцбургская школа безобразного мышления

Основателем вюрцбургской психологической школы стал уроженец Латвии (входившей в состав России) профессор **Освальд Кюльпе (1862–1915)**. В 1881 г. Кюльпе поступил в Лейпцигский университет. С 1886 г. он работал в лаборатории В. Вундта. Свои взгляды Кюльпе изложил в книге «Очерк психологии» (1893). В 1894 г. Кюльпе становится профессором университета города Вюрцбурга, а в 1896 г. создает там психологическую лабораторию.

Вся научная деятельность этого мягкого, доброжелательного, общительного человека с широкими гуманитарными интересами была посвящена исследованию тех вопросов, которые отклоняла психология Вундта. Кюльпе обратил внимание на то, что испытуемые, принимающие участие в интроспекционистских экспериментах, не всегда могут назвать свои переживания. Припомним, что в психологии что-то похожее описал У. Джемс, назвавший этот психологический феномен обертоном сознания. В экспериментах Вундта и его коллег испытуемые называли зрительные, слуховые и прочие характеристики воспринимаемых предметов. Они могли назвать черное, блестящее или угловатое. Но было нечто, что испытуемые переживали, но дать своему чувству название не могли: что-то, напоминающее обертоны сознания У. Джемса. Это «невыразимое» Кюльпе назвал безобразным мышлением. Безобраз-

ное — потому что образ мы можем как-то назвать, описать словами. Безобразное мышление напоминает облако, присутствующий в нашей душе туман, сквозь который мы и пытаемся рассмотреть элементы сознания.

В Вюрцбурге вокруг Кюльпе собралась группа исследователей, положивших начало изучению мышления, которое не сопровождается рационализацией. Было выяснено, что безобразность имеет некоторую структуру, хранящую в себе явление, названное вюрцбуржцами «детерминирующая тенденция». Среди учеников и коллег О. Кюльпе в Вюрцбурге стоит назвать **Нарцисса Аха (1871–1946)**, чья методика исследования формирования понятий была в дальнейшем использована советскими психологами Л. С. Выготским и Л. С. Сахаровым. Именно Ах вместе со своими коллегами выдвинул понятие «детерминирующая тенденция», которым назвал особое психическое состояние, возникающее перед началом решения той или иной задачи и направляющее ход работы мышления. Такая тенденция устремляет человека к определенной цели, которая фактически и детерминирует ход решения задачи. В 1905 г. Ах издал книгу «О волевой деятельности и мышлении».

Отто Зельц (1881–1944) в своих экспериментальных исследованиях репродуктивного и продуктивного мышления раскрыл детерминацию мыслительных процессов структурой решаемой задачи, представленной в виде особого «проблемного комплекса» с элементом незавершенности, преодоление которой и составляет результат решения. Результаты своих исследований Зельц изложил в книгах «О законе упорядоченного движения мысли» (1913), «К психологии продуктивного мышления и ошибки» (1922), «Закон продуктивной и репродуктивной духовной деятельности» (1924).

Еще один ученик О. Кюльпе, **Карл Бюлер (1879–1963)**, работал в Вюрцбурге в 1907–1909 гг. Он известен как автор теории речевого акта. Как и его учителя-вюрцбуржцы, Бюлер ставил сложные задачи перед испытуемыми, которые должны были как можно более тщательно описать, что происходит в их сознании в процессе решения. В итоге Бюлер приходит к выводу о том, что речь человека состоит из отдельных речевых актов. Такие акты представляют собой двусторонний процесс порождения текста, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. Бюлер также приобрел популярность в среде детских психологов своей концепцией трех основных стадий психического развития («инстинкт», «дрессура», «интеллект»).

К. Бюлер одним из первых обратил внимание на чрезмерное разнообразие психологических школ. По мнению Бюлера, это свидетельствовало о кризисном состоянии, в котором оказалась психологическая наука. Свои сомнения он высказал в книге «Кризис психологии» (1927).

2.4. Французская социологическая школа

Основателем еще одного направления в психологии, так называемой французской социологической школы, представители которой работали в конце XIX — начале XX в., стал французский социолог **Эмиль Дюркгейм (1858–1917)**, автор книги «Правила социологического метода» (1894). Сам Дюркгейм и его единомышленники считали, что становление человека обусловлено прежде всего социальными факторами. Ядром их исследований выступали «социальные факты» — понятие, введенное Дюркгеймом для описания явлений, которые существуют сами по себе, не зависят

от действий индивидов, однако оказывают на них принудительное воздействие. Как и В. Вундт, Дюркгейм считал, что сознание человека состоит из совокупности отдельных элементов, но главными типами таких частиц он называл коллективные представления, формирующиеся под влиянием социума, и индивидуальные представления, формирующиеся под воздействием коллективных. Воздействие социальных факторов на сознание — безусловно: послушав радио, прочитав газету, побывав на лекции того или иного преподавателя, человек безусловно подчиняется той информации, которая поступает из этих социальных источников²⁷. Человеком руководит какое-то влияние извне, а он сам не может принять самостоятельное решение. В итоге эта концепция легко превращалась в своеобразный социальный бихевиоризм, возникший позже. Впрочем, бихевиористы говорили о воздействии на тело, а представители французской социологической школы — о влиянии на сознание людей. Свою психологическую теорию Дюркгейм изложил в книге «Индивидуальные и коллективные представления» (1898).

Ученик Э. Дюркгейма **Люсьен Леви-Брюль (1857–1939)** после знакомства с трудом Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» заинтересовался антропологией и решил исследовать вопрос о соотношении коллективного и индивидуального опыта в первобытном мышлении. До Леви-Брюля был принят постулат сходства законов мышления для народов всех времен. Леви-Брюль считал, что разным типам общества и разным эпохам присущи разные типы мышления. Он является автором теории дологического мышления, отличного от

²⁷ Наверное, если бы Э. Дюркгейм жил во второй половине XX в., он добавил бы в список наиболее сильно влияющих на человека социальных факторов телевидение, а сегодня — Интернет.

современного нам логического. Дологическое мышление нечувствительно к опытному знанию, оно мистично. В любом явлении первобытный человек видит действие сверхъестественных сил: болезнь, неурожай, плохая погода — это следствие колдовства. Применительно к такому мышлению Леви-Брюль вывел *закон партиципации* (сопричастности): причиной всего может быть все что угодно, главное, чтобы два события «встретились» в сознании человека. В соответствии с этим законом человек первобытного общества не подчиняется законам формальной логики. В его мышлении главную роль играет закон, в соответствии с которым для первобытного человека предмет может быть самим собой и одновременно чем-то иным. Иными словами, они, эти события, должны быть «сопричастны», но вовсе не должны быть связаны какими-то логическими законами, характерными для мышления современного человека. Леви-Брюль не дает четкого определения закону партиципации, но в своих книгах он собрал множество примеров, иллюстрирующих этот закон. Примером действия такого закона может служить тотемизм, когда человек верит, что он одновременно является и животным. Другой пример — биллокация, то есть одновременное нахождение какого-либо предмета или человека в двух местах. Один из наиболее ярких примеров связан с историей охотника на дюгоней. Этот охотник был вождем племени. Однажды он промахнулся и вернулся с охоты ни с чем. По законам племени такой вождь должен был передать свои властные полномочия другому человеку — вождь должен быть лучшим во всем. Однако через несколько дней до племени донеслась новость: вчера в соседней деревне умерла женщина. Племя в связи с этим событием «поняло», что вождь, совершивший промах несколько дней назад, не виноват: «причиной» промаха

стала случившаяся вчера смерть женщины в соседней деревне²⁸. В дальнейшем некоторые психологи (например, Ж. Пиаже) приходят к выводу, что подобная нечувствительность к противоречиям, характерная для первобытного мышления, присуща ребенку. Действительно, если на глазах ребенка налить воду в узкую пробирку, а затем перелить ее в (широкую) колбу, то ребенок скажет, что воды в колбе стало меньше, чем только что было в пробирке. Ребенок, как истинный картезианец, не верит своим глазам.

Л. Леви-Брюль считает, что правила, характерные для первобытного мышления, не исчезают. Они переходят в мышление современного человека, впрочем, оставаясь в нем в скрытом виде. Сегодня, возможно, мы можем назвать форму сохранения таких первобытных форм бессознательным или переживанием, не находящим своего вербального проявления. Возможно, это — те самые архетипы, о которых в своих сочинениях говорил К. Юнг²⁹. Такие первобытные формы не поддаются рационализации, но «память» о них хранится в мифах, традициях, пословицах, которые мы повторяем сегодня³⁰. Если сегодня мы говорим: «Со мной

²⁸ У современных людей эта и многие другие подобные истории вызывают не только непонимание, но и откровенное неприятие. Подобная логика вызывает ощущение чего-то не просто чужеродного, но даже враждебного. Остается только напомнить, что планету Земля населяет более семи миллиардов людей, каждый из которых уникален и неповторим. И если мы внимательнее всмотримся и вслушаемся в других людей, то, скорее всего, столкнемся с еще более интересными явлениями.

²⁹ Можно сказать, что в современном мышлении его первобытные формы сохраняются в «снятом» виде, если воспользоваться термином Г. Гегеля.

³⁰ Что означает поговорка «От любви до ненависти один шаг»? В этой фразе мы передаем понимание этих двух форм переживания так, словно они составляют единое целое в глубинах нашего внутреннего мира, но в современном мышлении это абсолютно противоречащие друг другу переживания.

происходит что-то непонятное», возможно, это — результат деятельности наших первобытных архаичных психологических состояний.

Еще один представитель французской социологической школы, **Шарль Блондель (1876–1939)**, разрабатывал проблему социальной психологии эмоций, о чем написал книгу «Болезненное сознание» (1914).

2.5. Кризис в психологии

В начале XX в. в общественном сознании происходят радикальные изменения. Новые открытия приводят к возникновению квантовой физики. Дифференциация в обществе приводит к тому, что с легкой руки итальянского социолога **Вильфредо Парето (1848–1923)** в общественный лексикон вошел термин «элита». В соответствии с его теорией народ в целом не может управлять государством и эту функцию берет на себя элита общества. Более радикальную теорию предлагает немецкий историк **Освальд Шпенглер (1880–1936)**. В своей книге «Закат Европы» (1918–1922) он уподобляет культуру живому организму и предлагает взгляд на мировую историю как на ряд независимых друг от друга культур, проживающих, подобно живым организмам, периоды зарождения, становления и умирания. В соответствии с теорией Шпенглера, европейская цивилизация вошла в период своего умирания.

В психологии тоже происходят своеобразные изменения, в результате чего психологи стали говорить о кризисе в психологической науке. Одним из главных признаков кризиса называли большое количество разнообразных предметов исследования (и связанных с этими предметами психологических школ), которые стали возникать в психологии. Так, например, считал

известный российский психолог **Николай Николаевич Ланге (1858–1921)**.

В советской психологии работал исследователь (Л. С. Выготский), который считал, что главное в возникновении кризиса не в количестве школ. По мнению Выготского, эти школы не имеют адекватной методологической основы, которая необходима для получения новых знаний. Чтобы преодолеть кризис, нужна новая методология, которой должен стать марксизм. Тем самым Выготский положил начало построению так называемой культурно-исторической психологии. Действительно, любой профессиональный психолог может назвать методологическую базу, которая находится в основании его исследований. По Выготскому, психология рассыпается на множество школ и направлений, потому что рассыпался методологический взгляд на предмет и метод психологии. Ту же идею высказал и другой советский психолог, С. Л. Рубинштейн: кризис в психологии имеет методологическую природу. Правда, Рубинштейн углубляет эту мысль. Надо, говорит он, разобраться в основаниях нашей науки, понять, на каких аксиомах она построена. Почему мы так уверены, что психика человека построена именно так, как мы об этом говорим? Более того, Рубинштейн утверждает, что кризис в психологии — только часть общенаучного кризиса. Действительно, все, о чем рассуждали Выготский и Рубинштейн, происходило в начале XX в. Но и сегодня все науки в той или иной мере рассуждают о кризисе. Впрочем, из-за этого никто из ученых не испытывает особых страданий и не посылает голову пеплом, даже математики, где кризис, связанный с истинностью математической аксиоматики, принял действительно серьезный размах. Пожалуй, в наибольшей степени из-за кризиса переживают представители психологической науки, где кризис продолжается и сегодня.

Надо сказать, что период кризиса одновременно характеризуется появлением многих новых теоретико-экспериментальных отраслей психологии. Одной из них стала *социальная психология*. Так, в 1898 г. в Англии снаряжается Кембриджская антропологическая экспедиция для изучения с помощью новых экспериментально-психологических методов характера «диких» народов. В составе экспедиции был американский исследователь **Вильям Мак-Дугалл (1871–1938)**. На основании этих и следующих своих работ Мак-Дугалл стал одним из основателей социально-психологического направления, ввел понятие «социальная психология» (в книге «Введение в социальную психологию», 1908).

Французский психолог и социолог **Гюстав Лебон (1841–1931)** также может считаться родоначальником социальной психологии, в частности психологии масс. Он полагал, что в силу волевой неразвитости и низкого интеллектуального уровня больших масс людей ими правят бессознательные инстинкты, особенно тогда, когда человек оказывается в толпе. Здесь происходит снижение уровня интеллекта, падает ответственность, самостоятельность, критичность, исчезает личность как таковая. В 1898 г. вышла книга Лебона «Психология народов и масс».

Французский социолог **Габриэль Тард (1843–1904)** в книгах «Законы подражания» (1893) и «Социальная логика» (1895) важнейшими функциями социальной жизни называет инициативу (нововведение) и подражание (мода и традиция). Социально-психологические мотивы начинают появляться в искусстве первой половины XX в. В частности, итальянский писатель и драматург **Луиджи Пиранделло (1867–1936)** в своих произведениях выражает мысль, что в образной сфере человека все зависит от восприятия других

людей. В 20-е гг. социальная психология становится ведущим направлением в психологической науке США, Англии, Германии, Франции и Японии. Большое число последователей привлекла и социально-психологическая система, которую ее создатель А. Адлер называл индивидуальной психологией.

Пионер *детской психологии* в Великобритании, один из основателей Британского психологического общества (1901) **Джеймс Селли (1842–1923)** в своих книгах «Очерки по психологии детства» (1895) и «Педагогическая психология» (1915) исследовал, какие ассоциации и в каком порядке появляются в процессе психического развития детей (например, сначала — по сходству, потом — по смежности, потом — по контрасту), и выделил основные этапы в познавательном, эмоциональном и волевом развитии детей, которые необходимо учитывать при их обучении. Кстати, в это время составление периодизаций развития психики стало одним из любимых занятий психологов. Например, известный создатель первого теста интеллекта А. Бине считал, что дети проходят три стадии в развитии понятий: стадию перечислений, стадию описания и стадию интерпретации.

Усилиями немецкого педагога и психолога **Эрнста Меймана (1862–1915)** формировалась *педагогическая психология*. В 1907 г. вышел трехтомник Меймана «Лекции по экспериментальной педагогике». Швейцарский психолог **Эдуард Клапаред (1873–1940)** заложил основы *возрастной психологии* как особого раздела психологической науки. Немецкий биолог и психолог **Тьерри Вильям Прейер (1841–1897)** считается родоначальником *психологии развития*. Известность он получил после издания в 1882 г. книги «Душа ребенка», в которой изложил свои наблюдения за сыном от момента рождения до 3 лет. Книга освещала стадии

развития органов чувств, моторики, воли, мышления и речи у ребенка.

В психиатрии прославил свое имя немецкий врач **Эмиль Вильгельм Магнус Георг Крепелин (1856–1926)**. Он известен как основоположник современной *нозологической концепции* в психиатрии и *классификации психических заболеваний*. Крепелин создал учение о *dementia praecox* — историческом прообразе шизофрении, маниакально-депрессивном психозе и параноиде. Он внес существенный вклад в исследования врожденного слабоумия и истерии, был пионером транскультуральной психиатрии и психофармакологии.

Во второй половине XIX в. под влиянием бурного развития экспериментальной психологии стала развиваться криминальная психология. Заметную роль в этом сыграли труды итальянского психиатра Ч. Ломброзо, создателя биопсихологического направления в изучении личности преступника. Э. Клапаред, читавший курс лекций по судебной психологии в Женевском университете, во второй половине XIX в. ввел понятие «*юридическая психология*». Одним из основателей юридической психологии в России стал правовед **Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931)**, создавший психологическую теорию права и психологическую теорию происхождения государства. В 1874 г. в Казани публикуется первая монография по судебной психологии — «Очерки судебной психологии». Ее автор — психиатр **Александр Устинович Фрезе (1826–1884)**. В 1893 г. американский психолог Дж. Кеттелл проводит в Колумбийском университете первые психологические эксперименты по исследованию свидетельских показаний.

Известный немецкий психолог В. Штерн положил начало так называемой *дифференциальной психологии*. Его замысел состоял в том, чтобы исследовать в пси-

хологических лабораториях каждого человека и таким образом создавать теоретические построения на базе этих индивидуальных психологических исследований. Важную роль в истории психологии сыграла разработанная Штерном *теория конвергенции*, в соответствии с которой на человека действуют два главных фактора: окружающая среда и наследственность. В дальнейшем эта теория была подвергнута критике, поскольку ее автор считал, что эти два фактора не зависят друг от друга. Противоположную позицию отстаивали сторонники культурно-исторической теории: в целостном человеке природное и социальное — только абстракции, выделяемые в ходе научного исследования. А значит, искать факторы, воздействующие на человека, надо не вне психики, а в ней самой.

2.6. Практическая психология

В конце XIX — начале XX в. возникают не только теоретико-экспериментальные психологические школы. В это же время появляются и практические направления, активно развивающиеся и, несмотря на интенсивную критику с разных сторон, существующие и сегодня.

Английский исследователь **Фрэнсис Гальтон (1822–1911)** стал автором разнообразных методов, которые позволяют говорить о возникновении практической психологии. Его отец был процветающим банкиром, принадлежавшим к богатому и известному роду, давшему многих известных государственных деятелей, священнослужителей и военачальников. В 1838 г. по настоянию отца Гальтон начал изучать медицину в Бирмингемской городской больнице.

Разработки Ф. Гальтона положили начало тестированию. Он разрабатывал разнообразные приборы,

которые позволяли измерять чувствительность воспринимающих органов человека. Например, до сих пор известен используемый дрессировщиками так называемый гальтоновский свисток, издающий звук высокой тональности, неразличимый ухом человека, но воспринимаемый слухом многих животных. При помощи своих приборов Гальтон измерял у всех желающих качество различных органов чувств. Поскольку Гальтон стал брать за свою работу деньги, сегодня — то ли в шутку, то ли всерьез — его называют первым практическим психологом. Он поставил перед собой задачу составить медицинскую картину нации и успел протестировать около ста тысяч человек.

Ф. Гальтон выдвинул представление, содержательно близкое представлениям об усредненном англичанине. Оно получило наименование «*гальтоновская фотография*». Гальтон пытался создать обобщенный образ семьи. Для этого, говорил он, мы должны наложить одну на другую фотографии членов семьи и убрать все элементы, отличающие одну фотографию от других. Тогда останутся только части лиц, общие для данного семейства. Это и будет гальтоновская фотография семьи. Надо сказать, что многие ученые подхватили эту идею и сделали из нее своеобразные теоретические выводы: так, рассуждали они, происходит любое обобщение в мышлении человека — мы отсекаем все частное и оставляем общее.

Одно из направлений, которому Ф. Гальтон посвятил большую часть своей научной жизни, — евгеника, то есть наука об изменении генетических особенностей человека. В 1869 г. вышла книга Гальтона «Наследственный гений», в которой применялся статистический анализ биографических фактов и соображения в пользу приложимости закона Котле к распределению способностей. Этот закон получил свое имя в

честь бельгийского математика, одного из создателей современной статистики **Адольфа Котле (1796–1874)**, который установил, как распределяются различные отклонения от средней величины: чем отклонение больше, тем оно встречается реже, причем этому можно дать точное математическое выражение (в 1835 г. вышла книга Котле «Социальная физика»). Тем самым Ф. Гальтон положил начало использованию математико-статистических методов при обработке полученных эмпирических данных.

Гальтон был кузеном Ч. Дарвина и пытался применить дарвиновское учение в целях совершенствования практической психологической работы. Он пытался доказать, что достижения людей генетически связаны с достижениями их родителей. В силу определенных взглядов, существовавших в обществе того времени, Гальтон исследовал только мужскую половину английского общества. Гальтона интересовало, занимаются ли сыновья той же деятельностью, что и их отцы. Гальтон пытался показать, что рождение в семьях гениальных детей происходит значительно чаще, чем это можно было бы объяснить исключительно влиянием окружающих условий. Статистические расчеты Гальтона, действительно, показали, что сыновья, как правило, в своей профессии идут по стопам своих отцов, и это не может быть случайностью. В 1874 г. была издана монография Ф. Гальтона «Английские люди науки: их природа и воспитание», в 1883 г. — книга «Исследования о человеческих способностях и их развитии», в 1889 г. — книга «Естественная наследственность», в которых были изложены результаты его исследований.

В 1884 г. Ф. Гальтон основал антропометрическую лабораторию, которая сначала действовала на Лондонской международной медицинской выставке, а затем была переведена в лондонский Южно-Кенсингтон-

ский музей. В 1893 г. на Всемирной выставке, которая проводилась в Чикаго, предусматривалась демонстрация антропометрической лаборатории, аналогичной той, что была создана в Англии Гальтоном. В 1901 г. он начал издавать журнал «Биометрика», а в 1904 г. основал лабораторию евгеники при Лондонском университетском колледже и организовал общество содействия распространению идей расового совершенствования. Конечно, Гальтон не был расистом в современном значении этого термина. Он просто был сыном своего времени и своего народа, он был европейцем, считавшим жителей Великобритании народом, достигшим вершин цивилизации за счет своих природных задатков и благодаря этому превосходящим другие народы.

Обычно начало практической психологии связывают с разработкой так называемых тестов. В 1904 г. по инициативе Министерства народного образования Франции была создана комиссия по изучению умственных способностей детей, которые испытывали трудности со школьным обучением. Комиссия обратилась к психологам с просьбой создать метод, позволяющий дифференцировать детей по степени их интеллектуального развития. Это задание выполнили психологи **Альфред Бине (1857–1911)** и **Теодор Симон (1873–1961)**, создав в 1905 г. первый психологический тест, направленный на измерение уровня интеллекта у детей. Этот тест стали называть тестом Бине — Симона. В 1908 г. Бине и Симон создали второй вариант теста, дополнив и видоизменив задания, которые предлагались испытуемым, а в 1911 г. — третий вариант. В 1912 г. Г. Годдард, студент американского психолога С. Холла, который работал в частной школе для умственно отсталых детей в Вайнленде, перевел на английский язык тест Бине и ввел в обращение термин *moron*, что в переводе с греческого означает

«медленный». Благодаря этому тест Бине — Симона стал использоваться для выявления людей с психическими нарушениями среди прибывающих в Соединенные Штаты мигрантов из других стран. В 1916 г. Л. Терман, бывший ученик С. Холла, модифицировал тест Бине — Симона, который с тех пор стал стандартным. Он назвал его шкалой Стэнфорд — Бине, по названию Стэнфордского университета, где этот тест был впервые представлен, и ввел в широкое обращение понятие *коэффициента умственного развития (IQ)*. (Коэффициент интеллекта IQ, определяемый как процентное отношение умственного возраста к хронологическому, был разработан немецким психологом В. Штерном.) Шкала Стэнфорд — Бине претерпела несколько редакций и широко используется до сего времени. Уже в 1923 г. в США было продано более пятисот тысяч экземпляров шкалы Стэнфорд — Бине.

2.6.1. Педология

Новое направление работы с детьми в самом начале XX в. оформилось в виде так называемой *педологии*. Так называли науку о целостном изучении ребенка. Педологами становились представители самых разных профессий. Поскольку педология утверждала, что ребенок должен исследоваться с самых разных сторон, в педологию пришли не только психологи и педагоги, но и врачи, физиологи, химики, географы, историки и многие-многие другие, — ведь ребенок обладает физиологическими структурами, может заболеть, где-то и когда-то живет и т. д. В художественной литературе образ педолога несколько шаржированно изобразил советский писатель В. Каверин в своем романе «Два капитана». Учитель-педолог говорит ученикам на уроке: «Дети, на уроке географии вы учили ареал обита-

ния коровы, на уроке русского языка — как пишется слово “корова”, на уроке математики решали задачи про корову, а сегодня мы рассмотрим корову как биологический организм».

Большой вклад в развитие советской педологии внесли психологи. Лидером *биогенетического направления* в педологии был **Павел Петрович Блонский (1884–1941)**, утверждавший, что в своем онтогенезе ребенок воспроизводит основные этапы биологической и исторической эволюции человечества. Чтобы объяснить, как строится и развивается деятельность ребенка, следует взглянуть на нее с точки зрения высшей ее формы, каковой является профессионально-трудовая деятельность (в том числе и умственная). В 1920 г. вышла книга Блонского «Реформа науки», в 1921 г. — «Очерки научной психологии», в 1928 г. — «Основы общей педологии». Лидером *социогенетического направления* в педологии стал **Арон Борисович Залкинд (1888–1936)**. Он не отрицал большой роли биологических факторов, однако источник развития видел в окружающей ребенка социальной среде. Нервную систему человека Залкинд рассматривал как продукт его социального развития. В 20-е гг. педология в СССР активно развивалась. В декабре 1928 — январе 1929 г. состоялся Первый педологический съезд в СССР. Однако вскоре для педологов наступили не лучшие времена.

Педологи выбрали тест в качестве основного метода своего направления. Впрочем, использовали они этот метод не совсем адекватно. Многие педологи использовали тест не как инструмент измерения и диагностирования, а как средство, позволяющее предсказывать будущее ребенка. Не всегда это будущее было благоприятным. В связи с этим рассказывают, что в середине 30-х гг. педологи прислали свой отзыв папе

ученика одной из московских школ. Отзыв был неблагоприятный. И все бы ничего, если бы папой не оказался И. В. Сталин, а учеником — его сын Василий. Главе СССР не понравились выводы педологов, и он поручил своим помощникам выяснить, кто такие педологи и почему они так плохо думают о его сыне. Кое-кто из психологов считает, что именно этот случай привел к выходу в 1936 г. постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Фактически это постановление закрыло педологию в СССР. Педологи начали перекалифицироваться в специалистов других направлений, а педологические организации стали закрываться. Впрочем, многих это не спасло, и педологи стали подвергаться репрессиям. Напрямую это постановление коснулось и психологии, поскольку многие педологи пришли в эту науку именно из психологии. Таким образом, закрытой (не юридически, а фактически) оказалась и советская психология.

Это событие, подвергшее опасности не только профессиональную карьеру, но и жизни тысяч советских ученых, имело под собой и реальные основания. Методы решения научных проблем педологами, конечно, заслуживали научной критики, которая позволила бы очистить целостный подход к внутреннему миру ребенка от сиюминутных интересов как психологов, так и политиков. В конце 80-х — 90-е гг. XX в. педологические идеи в России начали возрождаться. Некоторое время издавался специализированный научный журнал «Педология».

2.6.2. Психотехника

Еще одно практическое направление, возникшее в начале XX в., — *психотехника*. Термином «психотех-

ника» сегодня обозначают два разных подхода к изучению человека в процессе трудовой деятельности. Первое значение расшифровывается как исследование и оптимизация психики работающего человека, второе — как техника работы с психикой человека. Первым направлением занимались (и занимаются) психологи, работающие на производстве. В основании второго направления лежат методологические представления советского психолога Л. С. Выготского.

Психотехника в первом значении этого термина возникла в Германии. Термин «психотехника» в 1903 г. ввел немецкий психолог **Вильям Штерн (1871–1938)**, получивший образование в Берлинском университете, где он учился у Г. Эббингауза. В 1897 г. Штерна приглашают в университет в Бреслау. В 1906 г. он основывает в Берлине Институт прикладной психологии и одновременно начинает издание «Журнала прикладной психологии», в котором, вслед за Г. Мюнстербергом, развивает концепцию психотехники. В 1916 г. Штерн принимает предложение стать преемником детского психолога Э. Меймана на посту заведующего психологической лабораторией в Гамбургском университете и редактора «Журнала по педагогической психологии». В 1919 г. открылся Гамбургский психологический институт. Штерн стал одним из инициаторов его организации. В 1933 г., после прихода фашистов к власти в Германии, Штерн эмигрирует в Голландию.

Другим основателем психотехники считается немецкий психолог **Гуго Мюнстерберг (1863–1916)**, в 1882 г. уехавший из родного Данцига в Лейпциг, где собирался изучать медицину. В 1885 г. Мюнстерберг защитил диссертацию под руководством В. Вундта. В 1887 г. ему присвоили степень доктора медицины в Гейдельбергском университете. В 1892 г. У. Джемс пригласил Мюнстерберга занять высокооплачиваемый

пост директора психологической лаборатории Гарвардского университета, и Мюнстерберг уехал в США, где активно содействовал развитию психотехнического направления. В 1902 г. появилась первая книга Мюнстерберга на английском языке «Американский характер». В 1898 г. он был избран президентом Американской психологической ассоциации, а в 1908 г. — и Американской философской ассоциации.

Г. Мюнстерберг занимался многими проблемами прикладной психологии. В 1908 г. он активно участвовал в дискуссиях по поводу введения запрета на продажу алкогольных напитков, выступая против сухого закона. В 1908 г. вышла книга Мюнстерберга «Со свидетельского места», посвященная проблемам показаний свидетелей (эта книга была переиздана в 1976 г.). В 1909 г. вышла его книга «Психотерапия». Психические болезни, считал Мюнстерберг, возникают из-за неспособности человека приспособить свое поведение к окружающей обстановке, а не в результате скрытых конфликтов в подсознании, как утверждал Зигмунд Фрейд. В 1909 г. Мюнстерберг опубликовал статью «Психология и рынок». Но наиболее активно он занимался вопросами психотехники. В 1913 г. была издана его книга «Психология промышленной производительности», в 1915 г. — «Психология и эффективность производства». Всего же перу Мюнстерберга принадлежат сотни статей, опубликованных в популярных журналах, и почти две дюжины книг. Мюнстерберг доказывал, что наилучший способ повысить производительность труда — подбирать работникам должности, которые соответствуют их индивидуально-психологическим особенностям, в частности характерологическим и интеллектуальным.

Психотехника проникает и в Россию, где наибольшего расцвета, как и в Германии и США, достигает в

20-е гг. XX в. Психологи пришли на производство, чтобы оказать людям психологическую помощь в их работе. Возникает вопрос: в чем состоит цель такой помощи? Конечно, многие психотехники приходили на производство, чтобы помочь людям работать с большим удовольствием. Но, к сожалению, хозяева (и руководители) предприятий и организаций редко считаются с подобной направленностью специалистов-психологов. И вовсе не потому, что руководители злы и негуманны. Наоборот, в большинстве это замечательные люди. Но на работе от работников требуют много — создавать больше продукции, которая выпускается тем или иным предприятием. Иными словами, основная задача любого предприятия — повышение производительности труда. Так обстоят дела сегодня. Так же было и в начале прошлого века, когда первые психотехники пришли на фабрики и заводы. В итоге основной задачей психотехников стало изучение трудовых движений рабочих, выделение простейших таких движений и составление наиболее эффективных трудовых действий. Чтобы сделать это, психотехники поставили перед собой цель составить профессиограммы, то есть скрупулезные (буквально поминутные) описания действий, которые совершают в течение трудового дня представители разных профессий. В США такая работа проводилась на автомобильных заводах Генри Форда, внедрившего в 1908 г. новую революционную конвейерную технологию. Конвейер предъявлял особые требования к слаженности действий рабочих, что заставило психотехников работать с удвоенной энергией.

Особую известность своими работами приобрели создатели науки об организации труда американский инженер **Фредерик Уинслоу Тейлор (1856–1915)** и супруги **Фрэнк Гилбрет (1868–1924)** и **Лилян Гилбрет**

(1878–1972), первой среди женщин в 1915 г. защитившая диссертацию в области индустриальной психологии. Тейлоризм в качестве основной задачи пропагандировал переход промышленности от ремесленничества к массовому производству, для чего необходимо выявлять и разрабатывать «лучшие способы» выполнения любой задачи. Супруги Гилбрет активно занимались выделением элементарных единиц трудовых действий, из которых можно было бы конструировать любые другие трудовые действия. Они выделили 17 таких единиц и дали им название «терблиг», перевернув для этого свою фамилию. Разумеется, подобные поиски американских психотехников требовали все больших и больших усилий со стороны работников. В итоге психотехника превратилась в практическое направление, ставящее своей целью интенсификацию труда.

Эта система нашла в Советском Союзе благоприятную почву. Не в последнюю очередь развитие психотехники в СССР связано с тем, что Россия была в то время разрушена мировой войной, революцией и страшной гражданской войной. На всех крупных (и не только) производствах были открыты психотехнические лаборатории. Психотехнические секторы и отделы были открыты в нескольких научно-исследовательских институтах. В 1921 г. по инициативе ставшего психотехником революционера и поэта **Алексея Капитоновича Гастева (1882–1939)** был создан Центральный институт труда (ЦИТ), в котором психотехническая проблематика занимала одно из главных мест. Это направление активно поддерживал работавший с 1926 по 1930 г. заместителем председателя Совета народных комиссаров Г. К. Орджоникидзе, умерший в 1937 г.

Психотехника, как и педология, не смогла доказать свою состоятельность. Некоторые успехи в области оптимизации механических движений не могли

компенсировать полную несостоятельность в сфере творчества, а тем самым оказывалась под подозрением сама претензия психотехники на статус психологического направления. Наверное, и это стало причиной того, что после постановления 1936 г. вместе с педологией перестала существовать и психотехника. И опять все было сделано по-сталински: многие психотехники были репрессированы, а один из основателей советской психотехники **Исаак Нафтульевич Шпильрейн (1891–1937)** расстрелян. А. К. Гастев, возглавлявший ЦИТ, был арестован в 1938-м и расстрелян в 1939 г. Чуть дольше психотехника продержалась в Германии. Но и там с ней было покончено в 40-е гг.

Другое понимание психотехники в сознании психологов XX в. практически сливалось с первым. Но на самом деле отличия были, и очень важные. Автором второго понимания термина «психотехника» был Л. С. Выготский. Он считал, что психология должна опираться на философию, разработанную К. Марксом. Поэтому сторонники культурно-исторической психологии, как и представители возникшей позже теории деятельности, одной из важнейших категорий считали понятие «труд». Но в марксистской философии это понятие отличается от того, что называют трудом в обыденной жизни. Мы обычно думаем, что труд — это процесс изготовления чего-нибудь при помощи каких-нибудь инструментов. Например, рабочий на заводе создает те или иные детали, а затем идет домой и отдыхает. При этом важно, что эти детали, по мнению многих людей, являются объектом труда, а сам рабочий — субъект. Труд в понимании большинства людей — это способ зарабатывания денег. Такое понимание труда характерно для большинства населения нашей планеты. По-другому понимают труд философия марксизма и культурно-историческая психология. Здесь человек

рассматривается как существо, взаимодействующее с миром при помощи орудий. Из этого понимания вырастает тезис, в соответствии с которым только в промышленности человек может быть исследован во всей своей полноте. Действительно, человек — существо, всегда использующее орудия, инструменты. Таким инструментом может быть шариковая ручка и ноутбук, молоток и космический корабль. И дома мы тоже взаимодействуем с миром, используя орудия: сковороду, кофемолку, телевизор и т. п. И мы все время что-то производим. Даже если нам кажется, что мы ничего не производим, это заблуждение. Мы всегда находимся в процессе размышлений, производя новые идеи, или, как говорят некоторые психологи, новые смыслы. Поэтому мы все время находимся в процессе трудового взаимодействия с окружающим нас миром. Значит, человек может быть изучен только в процессе труда. Но где так понимаемый труд проявляется в наибольшей степени? Разумеется, на производстве, или, как мы говорим сегодня, на работе. Вовсе не эксперимент является той средой, где человек проявляется во всей своей полноте. Такой средой может быть только жизнь, концентрированной формой которой выступает труд. Поэтому психолог, если он хочет познать человека, должен идти к нему на работу.

Но изучение человека в процессе труда не должно сводиться к составлению психогамм и выявлению терблигов. Труд не есть только взаимодействие субъекта и объекта. Труд — процесс, в котором человек превращает окружающую действительность в состояния своего внутреннего мира, то есть интериоризирует предметы. Поэтому изучающий человека психолог должен «проникать» во внутренний мир человека и пытаться совместно с ним модифицировать его внутренний мир. Как же это делать? Культурно-историческая психоло-

гия не дает подробный ответ на этот вопрос, но некоторые варианты такого ответа у Выготского все же были. В своем выступлении на психотехнической конференции в 1930 г. Выготский называет психотехникой свои исследования высших психических функций и в качестве примера таких исследований приводит эксперименты по формированию понятий у детей. Получается, что под психотехникой Выготского мы должны понимать всю культурно-историческую теорию.

2.7. Фрейдизм

2.7.1. Классический психоанализ

Как мы видим, в силу разнообразных причин, связанных с внутренней противоречивостью методологического подхода В. Вундта и его коллег по школе психологии сознания, в психологии конца XIX — начала XX в. возникает целое созвездие психологических школ, пытающихся найти новые пути развития психологической науки. Если выйти на улицу и попросить прохожих назвать первые пришедшие на ум имена представителей этих школ, одно из первых мест будет занимать З. Фрейд. Это связано с тем, что именно Фрейд создал наиболее известную сегодня практическую технологию оказания помощи людям, испытывающим затруднения в психической сфере.

Австрийский врач **Зигмунд Фрейд (1856–1939)** родился в Моравии, в городе Фрайберге (ныне это город Прибор в Чехии). Фрейд назвал свое учение психоанализом по имени метода, разработанного им для диагностики и лечения неврозов. В 1860 г. семья Фрейдов перебирается в Вену, и с тех пор судьба создателя психоанализа связана с этим городом. В 1873 г. Фрейд окончил школу с отличием и поступил на медицинский факультет Венского университета. В 1879 г. Фрейд по-

лучил докторскую степень по медицине и приступил к практической деятельности, а с 1881 г. начал практику в качестве клинического невролога. Известно, что в это время он начал употреблять наркотические вещества и в 1884 г. даже опубликовал специальную работу, посвященную преимуществам применения кокаина. От этой привычки Фрейд не отказался до конца жизни. Впрочем, это не помешало ему в 1885 г. добиться престижного положения лектора в Венском университете.

В том же 1885 г. З. Фрейд удалось получить небольшой грант, позволивший ему провести несколько месяцев в Париже на стажировке у известного французского психиатра **Жана Мартина Шарко (1823–1893)**. В то время Шарко руководил парижской клиникой для душевнобольных женщин Сальпетьер. В этой клинике Фрейд стал осваивать новый метод лечения психических заболеваний — гипноз. Этот метод проник в психиатрическую практику вместе с новым отношением к психическим болезням. Еще в первой половине XIX в. считалось, что причиной таких заболеваний являются исключительно соматические причины. В частности, эту мысль высказал первый практикующий психиатр в Соединенных Штатах, основатель психиатрии в США **Бенджамин Раш (1745–1813)**. Поэтому лечение проводилось воздействием на тело пациентов. Но за несколько десятилетий до того, как Фрейд приехал в Париж, в Европе узнали о странном явлении, которое вначале получило наименование «магнетизм», а затем стало называться гипнозом. Честь открытия этого явления приписывают шотландскому врачу **Джеймсу Брэйду (1795–1860)**. Однако еще в конце XVIII в. европейскую известность приобрел немецкий врач и целитель **Франц Антон Месмер (1734–1815)**, создатель учения о «животном магнетизме». Это было странное, нематериальное воздействие сознания магнетизера на

сознание другого человека. Под воздействием таинственных «флюидов» с человеком происходили удивительные превращения, в том числе наблюдались исцеления от психических недугов. Французский врач **Филипп Пинель (1745–1826)**, которого называют отцом современной психиатрии, предложил метод «морального лечения». Для начала он уговорил власти снять цепи с душевнобольных, что было в те времена общепризнанным методом «лечения» душевных болезней. Под влиянием этих фактов психиатры, среди которых выделяется ученик Шарко **Пьер Мария Феликс Жане (1859–1947)**, возглавивший в 1889 г. психологическую лабораторию в Сальпетьере, стали склоняться к мнению, что психическая болезнь вызвана душевными, внетелесными причинами, а гипноз превращался в основной метод психиатров. Лидерами этого направления были врачи из клиники Сальпетьер, на выучку к которым и отправился Фрейд.

3. Фрейду новый метод не понравился. Во-первых, далеко не все врачи могли научиться гипнозу, а во-вторых, не все пациенты поддавались гипнотическим воздействиям. Фрейд стал искать другой метод лечения. Однажды к нему на прием пришла женщина, страдавшая истерическими припадками. Работая с ней, Фрейд обнаружил, что ее состояние улучшается после того, как она рассказывала врачу о травмировавших ее психику событиях, случившихся с ней в детстве. На этом основании Фрейд пришел к выводу, что травмы детства сохраняются и накапливаются в нашей психике, приводя ее к расстройствам. Отсюда следовало, что наша психика не ограничивается уровнем сознания, в ней существует еще один пласт, который Фрейд назвал бессознательной психикой. Кроме того, полученные факты показывали, что для снятия невротической симптоматики необходимо создать условия для того,

чтобы эти детские воспоминания могли из бессознательного оказаться в сознании. Этот прием был назван *отреагированием*. Тем самым, путем отреагирования, по мнению Фрейда, пациент оказывался в состоянии катарсиса, то есть очищения от глубинных конфликтов и облегчения страданий. Надо сказать, что термин «катарсис» был очень популярен в конце XIX в., поскольку предшественники Фрейда использовали его для обозначения того же эффекта, но достигнутого при помощи гипноза. Только в 1890 г. на немецком языке вышло более 140 различных публикаций по проблеме катарсиса.

З. Фрейд работает над созданием нового метода вместе со своим старшим коллегой **Йозефом Брейером (1842–1925)**, предложившим использовать термин «психоанализ» и впервые применившим в 1880–1882 гг. психоанализ для лечения истерии. В 1895 г. Брейер и Фрейд издают книгу «Исследования истерии», в которой была поставлена задача естественнонаучного обоснования психологии и которую, пожалуй, можно считать датой возникновения того, что сегодня называют фрейдизмом. Однако вскоре отношения двух психиатров разладились, и в звании создателя психоанализа в историю вошел только один из них. В том же 1895 г. Фрейд пишет оставшийся незавершенным и неопубликованным «Проект научной психологии». В 1897 г. Фрейд начал проводить систематические самонаблюдения, которые фиксировал в дневниках до конца жизни. З. Фрейд стал автором многочисленных книг, в которых изложил свою теорию и описал практику психоанализа. В 1900 г. вышла книга Фрейда «Толкование сновидений», в 1901 г. — «Психопатология обыденной жизни», в 1905 г. — «Три очерка по теории сексуальности».

В 1909–1910 гг. З. Фрейда приглашают читать лекции в Америке. С этого времени начинается пре-

вращение психоанализа в одну из наиболее популярных психологических концепций в США. После этого Фрейд продолжает публиковать свои научные труды. В 1915 г. вышла книга Фрейда «Лекции по введению в психоанализ». В 1920 г. З. Фрейд, увлекшийся проблемой смерти, свел воедино свои взгляды по этой теме, придал им законченный вид, ввел в общую концепцию психоанализа и сформулировал обширную биопсихологическую теорию человеческой личности. В 1938 г. вышла книга Фрейда «Очерк психоанализа».

С приходом к власти нацистов З. Фрейд подвергся оскорблениям и унижению. В мае 1933 г. книги Фрейда подверглись публичному сожжению на одной из берлинских площадей. 15 марта 1938 г. к Фрейду домой нагрянула банда нацистов. Сама жизнь Фрейда оказалась под угрозой, и он принял решение эмигрировать в Англию. Гитлеровцы потребовали большой выкуп за выезд прославленного ученого из Германии. У Фрейда таких денег не было, но его высокопоставленные друзья упростили правителей Германии выпустить создателя психоанализа «в долг». Позже этот «долг» был отдан обеспеченными друзьями Фрейда.

Вскоре после переезда в Англию у Фрейда обнаружили признаки его болезни: еще в 1923 г. у него обнаружили рак полости рта. 21 сентября 1939 г. Фрейд напомнил своему доктору А. Шуру о его обещании не позволить ему мучиться понапрасну. Сначала этому воспротивилась дочь Фрейда Анна, но вскоре согласилась, и 23 сентября доктор Шур дал Фрейду дозу морфия, которой было достаточно, чтобы прекратить мучения создателя теории и практики психоанализа.

На основании указанных выше предварительных рассуждений З. Фрейд создает свою теорию структуры внутреннего мира человека. По Фрейду, эта структура включает в себя три главные зоны, в которых и проис-

ходит протекание психических процессов: «Я» («эго»), бессознательное («ид») и «сверх-Я» («суперэго»). Функции этих сфер не одинаковы. Во-первых, Фрейд меняет представление о сознании, бытовавшее в психологии после работ В. Вундта и его последователей. Для представителей психологии сознания предмет психологии — это поле, заполненное структурными элементами, расположенными как в фокусе, так и на периферии этого поля. Вундт не задается вопросом, как эти элементы оказываются в сознании и почему исчезают из него, но именно этот вопрос оказывается главным для Фрейда. Во фрейдизме сознание рассматривается как поле борьбы разнообразных психологических составляющих, и тем самым оно принципиально отличается от содержательной интерпретации сознания в школе Вундта. Но если это так, то фрейдисты должны были создать новую терминологию, обозначающую обновленное содержание. Так и происходит. В школе Фрейда вместо термина «сознание» применяется понятие «Я» или «эго», — термин, который с тех пор активно применяется в психологии.

Итак, «эго» — поле борьбы психологических составляющих. Как же они туда попадают? Разумеется, часть — из внешнего мира при помощи механизмов чувственного восприятия. Но не это главное в психике человека. Основное — непрерывные попытки проникновения психологических составляющих, содержащихся в другой сфере психики: в бессознательном, или «оно», или «ид», как эту сферу называет З. Фрейд. И здесь мы сталкиваемся с одним из самых спорных, а поэтому одним из самых критикуемых моментов фрейдизма.

З. Фрейд — исследователь, считающий, что человек обладает какими-то скрытыми внутренними источниками активности. Эти источники таятся за пределами сознания, то есть в бессознательной психике. Но это

еще не все. Главное, что привлекает внимание критиков, — безоговорочный биологизм Фрейда: источниками указанной активности он считает сексуальные комплексы, которые, по его мнению, от рождения присущи человеку. Это сексуальное влечение мальчика к матери (эдипов комплекс), а девочки — к отцу (комплекс Электры). Именно здесь начинается жесткое и безоговорочное неприятие фрейдизма со стороны его читателей. Первый аргумент против Фрейда носит бытовой характер: его теория противоречит нравственным нормам человека. Впрочем, в 1930 г. ученик Фрейда Шандор Ференци на основе сообщений своих собственных пациентов пришел к заключению, что эдипов комплекс основывается в большей степени на реальных событиях, а не на фантазиях.

Появляется и научная линия критики фрейдизма. В соответствии с этой критикой в сфере бессознательного действительно пребывают те или иные комплексы, но они не имеют отношения к сексуальности человека. Это стремление к власти, как у Адлера, или архетипы, как у К. Юнга. Например, один из коллег З. Фрейда, А. Адлер, формулирует свои замечания следующим образом. В психоаналитической практике Фрейда, говорит Адлер, в качестве пациентов участвовали несколько десятков дам из высшего общества Вены. Такая выборка явно нерепрезентативна, чтобы на ее основе делать столь радикальные выводы. Даже если в отношении пациентов Фрейда можно говорить об этих биологических механизмах, то в отношении пациентов самого Адлера такие аргументы не верны. Его пациенты — ветераны Первой мировой войны — явно не испытывают тех влечений, о которых говорит Фрейд. В их бессознательном живут другие комплексы.

З. Фрейд категорически не был согласен со своими критиками. Надо сказать, что создатель психо-

анализа был сложным человеком. Он нетерпимо относился к коллегам, которые не соглашались с его теориями, отталкивал их от себя и оставался в неприязненных отношениях с ними до конца жизни. Причем эта нетерпимость была направлена на тех, кто, как А. Адлер, ставший по предложению самого Фрейда первым президентом Венского психоаналитического общества, или К. Юнг, сначала полностью приняли его концепцию, но затем стали высказывать иную точку зрения. В то же время Фрейд был дружен со швейцарским психотерапевтом Л. Бинсвангером, который изначально высказывал сомнения в теории психоанализа. Часто историки психологии сравнивают Фрейда с Платоном: оба были импульсивны и конфликтны и в своих представлениях о человеке исходили из мнения о внутренней противоречивости и импульсивности человека.

Сам же З. Фрейд утверждает следующее. Бессознательные импульсы, создающие энергетику внутреннего мира человека, пытаются найти выход и естественно начинают прорываться в эго. А мы ведь помним, что собой представляют эти импульсы. Наше сознание сопротивляется, оно не хочет поддаваться биологическим началам. Помощь ему оказывают элементы третьей сферы психики. Это суперэго («сверх-Я»). Здесь хранятся нормы морали и нравственности, составляющие основу существования общества. Эти элементы психики вторгаются в эго и вытесняют из него сексуальные составляющие. Но там, куда вытесняются элементы сексуальной энергии, копится напряжение. Представим себе котел, в котором постоянно происходит кипение. Это значит, что давление в этом котле постоянно увеличивается, и если энергия не найдет выход, котел взорвется. Значит, рассуждает Фрейд, и «оно» должно иметь «отводные каналы», которые позволят энер-

гии бессознательного выйти наружу. Такие «каналы», по мнению создателя психоанализа, существуют, и по ним энергия переводится в иные формы — в формы предметов, которые создаются человеком. Этот процесс преобразования энергии бессознательного Фрейд назвал *сублимацией*.

Таким образом, эго у З. Фрейда — не то же самое, что сознание у В. Вундта. У Вундта сознание напоминает *cogito* Р. Декарта. Это субстанция, оторванная от пространства и времени. Бессознательное у Вундта — то, чем занимаются физиологи. Это физиологические процессы, которые не входят в сферу внимания психологии. Фактически понятия «психика» и «сознание» здесь синонимичны. Эго в теории Фрейда — это такое сознание, в поле которого происходит ожесточенная борьба элементов, вторгающихся сюда из других сфер нашего внутреннего мира. Таким образом, бессознательное переводится в фокус психологического исследования, становится предметом, частью такого предмета психологии. Соответственно, предмет психологии у Фрейда — не только эго, а многопространственная структура, состоящая из эго, ид и суперэго. Собственно, как мы помним, были и другие исследователи, которые до Фрейда говорили о бессознательном, например И. Гербарта. Но у Гербарта сознание похоже на вундтовское поле, в котором происходит передвижение элементов внутреннего мира. Это движение механистично. Элементы будто физически взаимодействуют друг с другом, заставляя соседей перемещаться через пороговую границу в подпороговый мир и обратно. У Фрейда же сознание — поле борьбы, происходящей по иным, нежели в механике, законам. Фрейда интересует не движение образов и представлений, а движущие силы таких перемещений. Он находит источники этого движения в сфере «оно».

Мы рождаемся в виде животных — вот логика З. Фрейда. В нашем бессознательном бурлят животные инстинкты. Разумеется, ребенок не осознает их. Но это не означает, что его можно считать настоящим человеком. Для этого необходимо, чтобы социальные слои нашего внутреннего мира постоянно контролировали нашу сексуальность. Борьба социального и животного все время идет в нас. Мы не понимаем происходящего, но переживаем эту борьбу довольно тяжело. Она, эта борьба, приносит нам много страданий.

Нельзя сказать, что З. Фрейд был первооткрывателем бессознательного (в начале XIX в. бессознательными процессами занимался И. Гербарт, а в 70-е гг. появилось по крайней мере полдюжины работ, содержащих в названии слово «бессознательное») или первым озвучил тему сексуальности ребенка, — еще в 1845 г. немецкий врач Адольф Патце доказывал, что половое влечение проявляется у ребенка не позднее чем к трехлетнему возрасту, а в 1867 г. это подтвердил известный британский психиатр Генри Модели. Главная заслуга Фрейда состоит в том, что эти идеи он объединил в одно целое в своей теории, которая, в свою очередь, стала органичной основой психотехники. К этому надо добавить, что в 80–90-е гг. XIX в. совершился форменный прорыв подавленной сексуальности в викторианском обществе и сопутствующий ему «взрыв эротического воображения». В 1897 г. немецкий врач Альберт Молль выпустил книгу, посвященную проблемам детской сексуальности и влечению детей к собственным родителям противоположного пола. Открытость общества к проблемам сексуальности поднялась до такого уровня, что в 1897 г. Фрейд счел необходимым сообщить, что лично он полностью отказался от секса.

Теория З. Фрейда в XX в. подвергалась серьезной и во многом заслуженной критике. Сегодня мы вряд ли

найдем людей, которые были бы абсолютно согласны с теоретическими положениями Фрейда. Другое дело — практика фрейдизма, психоанализ. В своей технологии практической помощи людям главным методом Фрейд сделал метод свободных ассоциаций. По мнению Фрейда, на уровне бессознательного существует такая же ассоциативная сеть, которую психологи традиционно считали структурой сознания. Но чтобы облегчить состояние пациента, психоаналитик должен вывести элементы бессознательного на уровень сознания. А для этого мы должны попросить пациента проговаривать слова в том порядке, в котором они всплывают в его сознании. Ведь в сознании элементы внутреннего мира могут оказаться, только попав туда из бессознательного. Но из бессознательного они попадают в сознание благодаря ассоциативным связям между этими элементами: благодаря этой связи один элемент тянет за собой из бессознательного следующий элемент, и через какое-то время психоаналитик получает структуру бессознательного пациента. Например, если пациент проговаривает слово «кошка», а затем — слово «паровоз», то с точки зрения психоанализа психологические элементы, отображаемые в виде этих слов, связаны друг с другом, и задача психоаналитика — установить, почему кошка у этого пациента связана с паровозом.

Звено за звеном, тысячи звеньев просматривает психоаналитик и пытается установить смысл этих ассоциаций, начинает понимать, что является самым важным в жизни пациента. Но если пациент остановился, значит здесь, в цепи ассоциаций, существует разрыв. Значит, во внутреннем мире человека существует болезненное «место», в котором порвана, повреждена ассоциация элементов. Именно поэтому пациент и не может продолжать свои высказывания.

Личность З. Фрейда и его учение до сих пор вызывают многочисленные споры. С одной стороны, 30 ноября 1981 г. американский журнал «Ньюсуик» отмечал, что идеи Фрейда настолько глубоко проникли в наше сознание, что «уже трудно представить себе двадцатый век без него». В 1990 г. одна из центральных площадей чешского города Прибора, в котором родился основатель психоанализа, была переименована из площади Сталина в площадь Фрейда. В 80–90-е гг. XX в. вопрос о реальности вытесненных детских воспоминаний о сексуальных домогательствах неоднократно всплывал в различных сенсационных сообщениях, а в 1990 г. один человек был признан виновным в убийстве на основании свидетельств подобных вытесненных воспоминаний своей дочери о событиях двадцатилетней давности. В то же время существуют факты, вызывающие сомнения в теории Фрейда. Одна подозрительная история связана с «древним мифом», который Фрейд рассказывает в своих работах. В соответствии с этим мифом, в первобытном стаде перволюди убили своего отца. Однако ученые до сих пор пытаются отыскать манускрипт, в котором этот миф был описан, и не могут найти. В 1984 г. психоаналитик по имени Джеффри Массон, бывший одно время директором архива Фрейда, обвинил Фрейда во лжи. Впрочем, 19 февраля 1984 г. в интервью газете «Вашингтон Пост» последователи Фрейда Пол Роузен и Питер Гэй назвали заявления Массона мистификацией и клеветой, «грубым искажением истории психоанализа». Одним словом, существующие сегодня мнения столь антагонистичны, что Британское психоаналитическое общество даже рекомендовало пересмотреть традиционные переводы работ Фрейда, поскольку они лишь укореняли искаженное представление о его идеях.

2.7.2. Неофрейдизм

Критики З. Фрейда соглашались, что он правильно описал общую структуру внутреннего мира человека: «Я», «сверх-Я», «оно». Но они оспаривают тезис о биологически-сексуальных составляющих «оно» и называют другие составляющие бессознательного. Вместе с этими исследователями в психологию входит новое направление, получившее название «неофрейдизм».

2.7.2.1. Индивидуальная психология А. Адлера

Детские годы **Альфреда Адлера (1870–1937)** прошли под знаком постоянных болезней, зависти по отношению к старшему брату и полного неприятия со стороны матери. В 1895 г. Адлер окончил медицинский факультет Венского университета, получил свою первую научную степень и начал работу как врач-офтальмолог. В 1902 г. он становится одним из первых четырех членов кружка, образовавшегося вокруг создателя нового психологического направления З. Фрейда. Адлера обычно называют первым провозвестником социально-психологической формы психоанализа. В 1910 г. Адлер по предложению Фрейда становится первым президентом Венского психоаналитического общества (хотя сам Фрейд однажды отозвался об Адлере как о зануде). Но уже в 1911 г. происходит разрыв Фрейда с Адлером. Адлер излагает свои взгляды, отличающиеся от взглядов Фрейда, отказавшись затем от поста президента Венского психоаналитического общества. Адлер назвал Фрейда мошенником, а психоанализ — «мерзостью и непристойностью». Фрейд тоже не остался в долгу и охарактеризовал Адлера как «ненормального», «человека, свихнувшегося на почве собственных амбиций».

Практическая работа А. Адлера не ограничивалась индивидуальным психоанализом. В 1930 г. Адлер орга-

низовал при школах Вены тридцать консультативных центров для помощи родителям в воспитании детей, где родители и дети могли получить нужный им совет и помощь.

В 1926 г. А. Адлер совершил несколько визитов в Соединенные Штаты. В 1932 г. он окончательно переезжает в США, где в 1934 г. получает приглашение занять должность профессора медицинской психологии в медицинском колледже Лонг-Айленда в Нью-Йорке. А. Адлер внезапно умер в Абердине во время напряженного лекционного турне от сердечного приступа. Говорят, его сердце не выдержало репрессий, которым подверглась одна из его дочерей, жившая и работавшая в Москве.

По мнению А. Адлера, человек рождается с двумя главными направленностями: *стремлением к социальности* и *стремлением к власти*. Ребенок стремится удовлетворить свои желания посредством других людей. Он говорит «хочу», ожидая, что его желание удовлетворит взрослый человек. Но взрослые, прежде всего родители, очень часто препятствуют этому. Например, ребенок хочет конфету, а мать говорит: «Сейчас нельзя есть сладкое». Ребенок хочет играть, а ему говорят: «Пора спать». Тем самым подавляется стремление ребенка к власти. Два главных врожденных комплекса человека вступают в противоречие друг с другом. В результате, говорит Адлер, у ребенка формируется *комплекс неполноценности*. Он существует у каждого человека. Таким образом, Адлер высказывается против мнения З. Фрейда о существовании врожденных сексуальных комплексов. По Адлеру, комплексы действительно существуют, но они не имеют никакого отношения к сексуальной сфере человека.

Комплекс неполноценности не позволяет нам комфортно существовать в мире, и многие люди преодо-

левают его, находя обходные пути, позволяющие эти комплексы компенсировать. Комплекс неполноценности приводит к невозможности достижения целей, которые ставит перед собой человек. Конечно, некоторые люди остаются с этими комплексами навсегда, но большинство находят средства их преодоления. Средства, при помощи которых люди преодолевают комплекс неполноценности, Адлер называет *компенсаторными путями*. Представим себе двух мальчиков, у которых от рождения существует травма ноги. Они не могут заниматься спортом, не могут танцевать. Но один из этих мальчиков страдает, считает себя несчастным и не пытается что-то изменить в своей жизни. Другой старается овладеть навыками, не связанными с физиологическими недостатками. Например, становится хорошим шахматистом или победителем олимпиады по биологии, то есть становится специалистом в тех сферах, к которым его приводят компенсаторные пути.

Взгляды А. Адлера с интересом были восприняты создателями советской культурно-исторической психологии. Его концепция была органично интегрирована Л. С. Выготским в теории опосредования и, особенно, в патопсихологическом направлении культурно-исторической теории. Причем опосредующие инструменты не только существуют вне человека, но и составляют важную часть его внутреннего мира. Кому-то проще запоминать решение задачи и применять общее правило в каждом частном случае, а кому-то проще решать каждый раз задачу заново. Важную роль учение о компенсаторных путях играло и в подходе А. Н. Леонтьева. Так, в годы Великой Отечественной войны Леонтьев использовал учение о компенсации при восстановлении двигательных функций раненых бойцов Красной армии. Известен случай, когда боец после ранения руки не мог ее поднимать. Тогда Леонтьев размещал крючок для шап-

ки все выше и выше. Боец волей-неволей должен был тянуться за головным убором, и его рука постепенно восстанавливала свою функцию.

Другой принцип, который, по мнению А. Адлера, играет важную роль в жизни человека, — *фиктивная финальность*. Мы все время стремимся к той или иной цели. Но оказавшись в той точке, к которой мы стремились, обнаруживаем, что реальность, в которой мы оказались, отличается от того идеала, который мы считали своей целью.

Учение о фиктивной финальности дополняет другую идею А. Адлера — о запрограммированности нашей устремленности. Эту идею Адлер иллюстрирует при помощи примера с семенем сосны. Из этого семени, говорит он, может вырасти только сосна, как из семени лягушки — только лягушка, а из семени человека — только человек. Значит, в каждом семени уже имеется вся информация о нашем будущем. Поэтому логично было бы полагать, что весь наш жизненный путь задан чем-то вроде программы, алгоритма, присущего человеку от рождения.

Впрочем, сосны бывают разными. Одна вырастет на скале, продуваемой всеми ветрами. Она растет, искривляясь под воздействием ветра. А сосна, семя которой пробивается в тайге, бывает ровной, прямой. Так же происходит и с человеком. Каждый из нас отличается от других людей, поскольку наш жизненный путь совершается в особых условиях, присущих только конкретному человеку. Таким образом, мы, будучи подчиненными программе, ставим перед собой недостижимые цели, к которым стремимся, используя всевозможные обходные (компенсаторные) пути.

На основании перечисленных принципов А. Адлер приходит к идее об *индивидуальном стиле жизни*: жизнь любого человека уникальна и неповторима.

2.7.2.2. Аналитическая психология К. Юнга

Швейцарский психолог **Карл Густав Юнг (1875–1961)** создал учение о коллективном бессознательном и архетипах, которое приобрело значительную известность в 70–80-е гг. XX в.

К. Юнг получил научную степень по медицине в 1900 г. и тогда же впервые познакомился с идеями Фрейда, прочитав работу «Толкование сновидений». В 1904 г. Юнг возглавил экспериментальную лабораторию в психиатрической клинике Цюриха, а через год стал главным врачом клиники³¹. В это время в центре научных интересов Юнга оказалась эмоциональная сфера человека. В 1910 г. он разработал метод парных ассоциаций для установления скрытых влечений и «аффективных комплексов» испытуемого. В 1905 г. Юнг был приглашен в качестве лектора по курсу психиатрии в Цюрихский университет, но спустя некоторое время отказался от приглашения. В 1906 г. между Юнгом и Фрейдом началась переписка, а в 1907 г. Юнг приехал к Фрейду в Вену. Во время этой первой встречи они с большим воодушевлением проговорили в течение 13 часов. С этого времени в течение нескольких лет продолжается их тесное творческое сотрудничество. Фрейд одно время считал Юнга своим приемным сыном и наследником психоаналитического движения. В 1909 г. Гренвилл Стэнли Холл пригласил Фрейда вместе с Юнгом выступить на праздновании двадцатилетия университета Кларка в штате Массачусетс.

В 1911 г. по настоянию Фрейда и при явном противодействии со стороны венского психоаналитического сообщества Юнг становится первым президен-

³¹ В психиатрической клинике К. Юнга проходил обучение Герман Роршах (1844–1922), в 1921 г. впервые описавший методику чернильных пятен (тест Роршаха).

том Международной психоаналитической ассоциации. Однако уже в 1912 г. отношения двух психоаналитиков стали напряженными. Юнг категорически не соглашался с Фрейдом относительно превалирования сексуальности в жизни человека. Были и другие противоречия. Например, Фрейд считал, что пациент должен получать поддержку со стороны психоаналитика в течение всей своей жизни, а Юнг утверждал, что зависимость пациента от врача должна уменьшаться со временем, переходя в последнюю фазу терапии, которую он называл трансформацией. Сложные отношения с учителем в 1913 г. вызвали у Юнга серьезные эмоциональные проблемы. В 1914 г. произошел разрыв двух психоаналитиков, Юнг сложил с себя полномочия президента Международной психоаналитической ассоциации и вышел из сообщества психоаналитиков. Он принимает решение полностью отойти от внешней профессиональной деятельности и оставляет только частную психоаналитическую практику. Впрочем, в 1932 г. Юнг принял приглашение занять должность профессора в Федеральном политехническом университете г. Цюриха. В 1942 г. он оставил эту должность по причине серьезно ухудшившегося здоровья.

Научные интересы К. Юнга были поистине безграничны: от НЛО, которые он считал воплощенными угрозами страха, до предложения вообще отказаться от психологических исследований, дабы не высвободить энергию внутреннего мира, которая может оказаться более мощной, чем энергия атомного ядра. Но, конечно, в центре его исследований всегда была проблема бессознательного.

По мнению Юнга, сознание и бессознательное представляют собой континуум переходов от света во тьму. Бессознательное — сфера, где свет отсутствует. Оно состоит из двух уровней (индивидуального и

коллективного бессознательного), из которых коллективное бессознательное сопоставимо с абсолютным мраком. Сфера коллективного бессознательного наполнена *архетипами*, то есть представлениями, которые каким-то непостижимым образом передаются нам из тьмы веков — от наших далеких предков. Юнг предлагает эмпирические данные, на основании которых он пришел к выводу о существовании архетипов. Например, он описывает девочку, которой приснилось колесо — символ власти древних индийцев, — переданное богом Брахмой Будде. Эта девочка не могла нигде узнать о существовании такого мифа. В другом случае старый американец, который также не мог обладать соответствующими знаниями, рассказывает древневосточный миф. В третьем случае пациент психиатрической больницы, высказывания которого все принимают за бред, также цитирует древние тексты. Эти люди, говорит Юнг, по роду своей деятельности, по условиям своей жизни никак не могли обладать такими знаниями. Как же они стали обладателями этой информации? Только в архетипической форме, отвечает Юнг, хотя и не дает ответ на вопрос, каковы механизмы возникновения архетипов в нашем бессознательном. Сегодня мы, пожалуй, можем предпринять попытки объяснить эти факты при помощи генетических интерпретаций.

Важное место в современной психологии занимает типология внутренних миров, предложенная К. Юнгом. Наиболее популярной сегодня является классификация, в соответствии с которой все люди делятся на два типа: экстраверты и интроверты. По мнению Юнга, в сложном внутреннем мире каждого из нас превалирует определенная направленность: на внешний мир у экстравертов и на внутренний мир у интровертов. Такая направленность является итогом взаимодействия сознания и бессознательного. Интровертированное и

экстравертированное сознание всегда компенсируется со стороны нашего бессознательного, имеющего противоположную направленность.

2.7.2.3. Гуманистический психоанализ Э. Фромма

Немецкий психоаналитик **Эрих Зелигман Фромм (1900–1980)** — еще один классик неотрейдизма. Будучи сторонником философии марксизма, он пытался основать в психологии такое направление, как фрейдомарксизм. Найдя в марксизме гуманистические положения, он попытался перенести их в психологию. Поэтому многие считают его предшественником гуманистической психологии или автором гуманистического психоанализа.

По мнению Э. Фромма, главным фактором, регулирующим состояния психологической системы человека, является суперэго. Поскольку один из основных тезисов марксизма состоит в рассмотрении человека как социального существа, то есть в общественной сущности человека, мы должны рассматривать в психоанализе прежде всего социальные составляющие человека. Мы должны понять, как социальные движущие силы управляют, руководят человеком, мотивируют его. Более того, задача психологов — не просто найти в человеке болевые точки, но и помочь человеку сформировать гуманистическую составляющую его внутреннего мира.

Являясь критиком классической теории З. Фрейда, Э. Фромм в одной из своих книг писал, что психоаналитик и его пациент напоминают людей, совершающих сделку. Клиент считает, что должен получить товар за свои деньги, а психоаналитик думает, что должен продать свое умение за деньги, которые получает от пациента. Такая сделка не соответствует духу психотерапевтического процесса, который должен осущест-

вляться без какой бы то ни было мысли о деньгах. Товарно-денежные отношения должны отойти на задний план, а на первое место должно выйти стремление психоаналитика помочь пациенту и стремление пациента найти свое достойное место в этом мире.

По мнению Э. Фромма, движущими силами развития личности являются две врожденные бессознательные потребности, находящиеся в состоянии антагонизма: потребность в укоренении и потребность в индивидуализации. Отсюда два типа людей: продуктивные и непродуктивные личности. Современные люди в подавляющем большинстве — непродуктивные личности, подчиненные корыстному мотиву накопления. Психологи должны стремиться к превращению людей в продуктивные существа. Продуктивная личность — это такой человек, который направлен на создание чего-то нового не для себя, а для других людей. Именно продуктивные личности будут составлять большинство в будущем. Это люди, которые что-то делают не только для себя. Сегодня, говорит Фромм, продуктивных личностей мало, поскольку мы живем в капиталистическом обществе, которое сформировало людей непродуктивного типа, пытающихся отнять предметы у других людей и присвоить их.

2.7.2.4. К. Хорни

Иногда говорят, что люди приходят в профессиональную психологию, чтобы избавиться от своих собственных психологических проблем. Такие случаи, действительно, бывают, и одним из ярких примеров может служить американская представительница психоанализа **Карен Хорни (1885–1952)**, родившаяся в Германии. Ее отец был чрезмерно строг, и Карен в ранней юности сформулировала свои главные жизненные принципы: свобода и независимость. Как

признавалась сама Хорни, она с детства испытывала неприятные тревожные переживания. В 1899 г. она испытала одну за другой ряд мучительных жизненных неудач, вызванных ее неистовым стремлением добиться любви и признания, которых так не хватало дома. Поэтому свою психоаналитическую концепцию она строит на постулате о наличии у людей постоянной базальной, древнеархаической, изначальной тревожности. Главной движущей силой внутреннего мира человека, по мнению К. Хорни, является взаимодействие базальной тревожности и стремления к безопасности. Работа психоаналитика должна быть направлена на снятие страха, который вызывается таким взаимодействием.

В шестнадцать лет К. Хорни сбежала из дома — она бежала от своего страха, от своей тревоги, от неуверенности в себе — и начала помогать людям. Хорни стала вести довольно беспечный образ жизни, зачастую выходящий за границы нравственности. Впрочем, занималась она этим, так сказать, из идейных соображений. Будучи одной из основательниц феминистского движения, она всегда утверждала, что женщина должна быть свободной и вести себя так, как ей захочется. В дальнейшем Хорни работает над различением традиционной женской позиции, когда женщина ищет счастья в замужестве и материнстве, и позиции женщины современной, которая реализует себя прежде всего через карьеру. В 1922 г. Хорни опубликовала первую статью по проблемам женской психологии.

В 1913 г. К. Хорни получила докторскую степень по медицине. Затем (1914–1918) она прошла ортодоксальный курс психоаналитической подготовки в Берлинском институте психоанализа и в 1918-м поступила на работу в Берлинский психоаналитический институт. В 1932 г. она уходит из Берлинского

психоаналитического института и приезжает в США в качестве содиректора Чикагского института психоанализа. В 1933 г. в США переезжает Э. Фромм, где он вначале становится лектором Чикагского психоаналитического института, в котором работала и Хорни. У Хорни и Фромма сложились теплые личные отношения, в итоге завершившиеся глубокими переживаниями.

2.7.2.5. Г. Салливан

Гарри Спок Салливан (1892–1949) — представитель психоанализа, который, как и Э. Фромм, обращается к социальной составляющей человека. Во время Первой мировой войны Салливан служит военным медиком, а с 1923 г. он — профессор в университетской Мерилендской медицинской школе.

Во второй четверти XX в. переход к интерпретации человека как социального существа был очень заметен. Это время заметного продвижения марксизма во многие сферы науки. По мнению Салливана, личность есть модель социальных отношений. Это мнение совпадает с известным марксистским положением: человек есть совокупность всех общественных отношений. Поэтому, утверждает Салливан, мы должны заниматься психоанализом, исходя из того, что первичным для человека является его общение с другими людьми, которые присутствуют в его внутреннем мире. При этом существуют люди, которые особенно важны для нас. Салливан называет таких людей «значимые другие». Следовательно, мы должны искать причины психологических проблем не только и не столько в детских переживаниях человека, сколько в его сегодняшней жизни. Психоаналитик, таким образом, должен заниматься анализом отношений своего клиента с окружающими его людьми.

2.7.2.6. В. Райх

Еще одно не только громкое, но отчасти и маргинализированное, вызывающее сомнения у представителей классической науки имя в психоанализе — **Вильгельм Райх (1897–1957)**. Немецкого психоаналитика Райха можно назвать основателем современной телесно ориентированной психотерапии — одного из наиболее известных направлений современной психотерапевтической практики. Свои взгляды он изложил в конце 1920-х гг. в книге «Анализ характера».

С точки зрения В. Райха, главное, от чего должен освободиться человек в ходе психоанализа, — мышечные зажимы. Под термином «мышцы» Райх понимает не только сами мышечные образования человека (хотя и их тоже). Главное для Райха — снять не физиологические, а внутренние психологические зажимы. Степень и сила зажимов составляют «панцирь характера» человека. Чрезмерно зажатый человек неуверен в себе, испытывает психологический дискомфорт. Поскольку такие внутренние зажимы проявляются во внешних мышечных зажимах, психотерапевт должен стремиться к расслаблению мышечной системы человека. В современной телесно ориентированной психотерапии разработаны многочисленные технологии, способствующие снятию мышечных зажимов. Некоторые из этих приемов вызывают удивление у непосвященных наблюдателей. Например, терапия криком (так называемая крикотерапия). В этом случае участники психотерапевтического сеанса должны выкрикаться, чтобы снять свою зажатость.

Важный момент в жизни В. Райха связан с психологией фашизма. Райх едва ли не первым обратился к этой тематике, которую после войны продолжил известный психотерапевт В. Франкл. Уже в 1933 г. вышла книга Райха, посвященная массовой психологии

фашизма. Деструктивные и агрессивные состояния нашего бессознательного, которые составляют основу фашизма, формируются извне, из социальной среды, утверждает Райх.

Важный термин, который использовал в своей работе В. Райх, — «оргон». Это энергия, которая поступает в человека из космоса и благодаря которой формируются наши духовные силы. Он даже создал в США Институт оргона. Официальные власти с подозрением отнеслись к такой эзотеричности Райха. Его институт был закрыт, а сам он подвергся судебным преследованиям.

2.7.2.7. Эго-психология Анны Фрейд

Дочь З. Фрейда **Анна Фрейд (1895–1982)** создала особое направление в психоанализе, которое назвала *эго-психологией*. Это направление переносит наше внимание на центральную часть психологической структуры, постулированной Фрейдом. Главное, что привнесли представители этого направления в психоанализ, — работа с детьми. До работ А. Фрейд считалось, что психоанализ не может применяться к детям. Ломают эту традицию Анна Фрейд, ее коллега **Мелани Кляйн (1882–1960)**, а также **Эрик Эриксон (1902–1994)**, автор известной периодизации развития человека, прошедший ортодоксальную психоаналитическую подготовку под руководством А. Фрейд³². В результате длительных дискуссий между сторонниками Кляйн и Фрейд произошел раскол в Британском психоаналитическом обществе, и образовались три группы психоаналитиков — кляйнинская, фрейдовская и независимая.

³² В 1927 г. Эриксон начал преподавать в небольшой школе в Вене, специально созданной для детей пациентов и друзей З. Фрейда.

В 1917 г. движимая глубокой эмоциональной привязанностью к отцу, а также под влиянием беспокойства по поводу того, что Фрейд называл ее «сексуальностью», Анна прошла несколько сеансов психоанализа под руководством отца. В 1924 г. А. Фрейд сделала свой первый доклад на заседании Венского психоаналитического общества под названием «Порка, фантазии и грезы», а в 1927 г. опубликовала свою первую книгу «Введение в технику детского анализа». В 1936 г. вышла работа А. Фрейд «Это и механизмы защиты», а в 1965–1981 гг. вышло десятитомное собрание ее сочинений. В 40–70-е гг. XX в. эго-психология в том ее виде, в каком она была развита А. Фрейд и ее последователями, стала преимущественной формой психоанализа в Америке.

* * *

В первой половине XX в. практика психоанализа не получила широкого распространения. Только в Австрии (Австро-Венгрии) и Германии работали отдельные последователи З. Фрейда. Была предпринята слабая попытка использовать психоаналитические технологии в России (активно работала в этом направлении ученица З. Фрейда С. Шпильрейн), где был открыт Институт детского психоанализа. При институте создали детский дом, где с воспитанниками работали психоаналитики. В это же время в СССР развивается фрейдомарксизм, одним из лидеров которого стал А. Р. Лурия. Однако очень скоро проникновение психоанализа в СССР было пресечено. Советским руководителям очень не понравилась «сексуальная направленность» фрейдизма, и все психоаналитические организации были закрыты. Лишь к середине века психоанализ стал популярен в США и некоторых европейских центрах.

Неожиданно после Второй мировой войны психоанализ становится популярен во Франции. Главным представителем французских психоаналитиков стал филолог **Жан Лакан (1901–1981)**. Лакан рассматривает феномен прерывности сознания, известный каждому человеку, воспринимающему свое сознание после сна как непрерывный процесс. Аналогичным образом ведет себя ребенок, как будто не воспринимающий сон как свершившийся факт. Если возле засыпающего ребенка была его мать, то обычно, проснувшись, ребенок начинает искать именно маму, а если был другой человек, то именно этого человека. Люди обычно мало обращают внимание на это интересное явление. Лакан обращает внимание на этот феномен и предлагает найти связующее звено между двумя состояниями бодрствования. Надо найти то общее, что объединяет два состояния сознания и бессознательное, располагающееся между ними. Лакан формулирует задачу, которую пытался решить еще Аристотель, утверждавший, что соленое и красное или холодное и твердое человек может отличить благодаря наличию особого «чувствилища». По мнению Лакана, такой общей основой сознания и бессознательного является речь, или, как говорит Лакан, речевое поле. Но Лакан вполне логично замечает, что психоаналитик должен найти единицу такого речевого поля, чтобы стало возможным его исследование. Проводником при этом он называет лингвистику, поскольку именно она, по мнению Лакана, находится на острие современных исследований человека. В качестве такой единицы Лакан предлагает «фонетический акт», причем в физическом смысле этого слова — как произносимый звук. С таким звучанием и должен работать психоаналитик. Таким образом, Лакан пытается сам психоанализ сделать разделом лингвистики. Метод исследования таких единиц — математический анализ фонематической структуры слова.

2.8. Гештальтпсихология

Исторической основой гештальтпсихологии стала попытка философов и психологов конца XIX — начала XX в. создать философско-методологическую теорию, получившую название «феноменология». В соответствии с этим направлением мир дан нам не просто в виде явлений, точно отображающих внешние (объективные) предметы. Кроме таких явлений, в нашем внутреннем мире существует особое феноменальное поле, которое в соответствии со своими собственными законами «подстраивает» явления под индивидуальные особенности каждого конкретного человека. Этими законами феноменального поля и решили заниматься гештальтпсихологи. Феноменальное поле, по мнению гештальтпсихологов, представляет собой врожденную целостную структуру. Такая структура (гештальт) должна стать объектом психологии, а ее предметом — сознание. Но не такое сознание, где мы ищем его элементы, как это пытался делать В. Вундт, а сознание как целостное образование.

Предшественником гештальтпсихологии можно назвать австрийского физика и философа, профессора физики Пражского университета **Эрнста Маха (1838–1916)**, создавшего философскую теорию, называемую «эмпириокритицизм».

Мах обратил внимание исследователей на свойство восприятия — его константность. С какой бы стороны мы ни рассматривали предмет, мы воспринимаем его как тот же самый предмет. Каждый раз, подойдя к предмету, мы воспринимаем его только с одной стороны, но у нас складывается образ предмета как целого. И этот образ постоянен, константен. Подобные эмпирические факты заставили Маха высказать идею врожденной целостности восприятия. Свои идеи Мах изложил в книге «Анализ ощущений» (1885).

Определенное влияние на возникновение гештальтпсихологии оказал немецкий физиолог **Эвальд фон Геринг (1834–1916)**, занимавшийся исследованиями памяти. В 1870 г. он представил теорию, в соответствии с которой память представляет собой общеорганизмическую функцию (всякий раздражитель оставляет физиологический след, который может быть воспроизведен), проявляющуюся в форме наследственности. Исходя из этого общего положения, Геринг даже инстинкт характеризовал как особый вид памяти — память вида. Одновременно Геринг интересовался феноменологией. Благодаря этому он оказал существенное влияние на К. Штумпфа и гештальтпсихологию в целом.

Назовем еще несколько имен, без которых гештальтпсихология не состоялась бы. Учителем гештальтпсихологов был ученик австрийского философа Ф. Brentano **Фридрих Карл Штумпф (1848–1936)**, получивший докторскую степень в Геттингенском университете в 1868 г. Согласно Штумпфу, задачей психологии является научное описание и эмпирическое исследование феноменов, которые не подлежат сведению к более простым элементам в силу присущих им структурных свойств. Собственно, это и стало основной задачей гештальтпсихологии. Впрочем, основные интересы самого Штумпфа были связаны с изучением восприятия музыкальных тонов. Первый том его книги «Психология восприятия музыки» вышел в 1883 г., второй — в 1890 г. В 1894 г. Штумпф начинает работу профессором в Берлинском университете, который в дальнейшем стал одним из основных центров становления гештальтпсихологии.

Австрийский философ и психолог, еще один ученик Ф. Brentano **Христиан Фон Эренфельс (1859–1932)** в своей работе «О гештальт-качествах» (1890)

ввел понятие «*гештальт-качество*» и поставил проблему *целостности восприятия*. В психологии появилась теория комплексных качеств целостного восприятия, которые определяют собой целостность восприятия человека. Одним из примеров целостных качеств (гештальт-качеств) является мелодия, которую мы воспринимаем. Мелодия может быть записана в любой тональности, но мы всегда воспринимаем ее как ту же самую. Она записывается при помощи семи нот, но мы воспринимаем ее как мелодию, а не как набор отдельных звуков.

И все же мы считаем, что начало гештальтпсихологии было положено работами немецкого исследователя **Макса Вертгеймера (1880–1943)**, который родился в Праге, где окончил среднюю школу и в 1898 г. поступил в университет на факультет правоведения. В 1904 г. Вертгеймер защитил докторскую диссертацию в Вюрцбургском университете у О. Кюльпе. В 1910-х гг. он работал в Психологическом институте Франкфуртского университета, где заинтересовался исследованиями восприятия. С 1916 по 1925 г. Вертгеймер жил и работал в Берлине, после чего вернулся во Франкфурт на должность профессора.

В 1912 г. вышла статья М. Вертгеймера «Экспериментальные исследования видимого движения», которая стала основой нового направления в психологии. В этой статье Вертгеймер описывает так называемый фи-феномен (или стробоскопическое движение), полученный в ходе следующего эксперимента. Вертгеймер предлагал испытуемым воспринимать две щели — вертикальную и отклоненную от нее на 20–30 градусов. Через щели пропускался с различными интервалами свет. Если интервал между подсветками был менее 50 мсек, испытуемым казалось, что полосы появлялись одновременно. Если интервал между загораниями

был более 250 мсек, испытуемые воспринимали щели в том порядке, в котором они высвечивались. Если интервал был от 50 до 250 мсек, испытуемые утверждали, что первая подсвеченная щель совершает движение в положение, которое занимала вторая щель. Этот неожиданный эмпирический факт должен был найти свое объяснение. Вертгеймер объясняет такое кажущееся движение следующим образом. В сознании человека существуют врожденные качества, которые и позволяют видеть то, чего, казалось бы, быть не должно. Это качество Вертгеймер называет целостностью сознания, которое в данном случае объединяет отдельные элементы гештальта. При этом целое (в данном случае кажущееся движение полосы света) отлично от суммы его составляющих (двух неподвижных световых полос). Надо отметить, что подобные присущие сознанию качества были описаны еще В. Вундтом: например, ритмичность, которая как бы вбрасывается сознанием во внешнюю реальность. То же самое обнаруживает и М. Вертгеймер: движения нет, но сознание вбрасывает его в мир «объективных» предметов.

Но не только движение является проявлением целостности сознания. Гештальтпсихологи открыли и другие такие феномены. Например, когда мы видим стаю журавлей, мы говорим: это — стая, журавлиный клин. Человек воспринимает стаю журавлей как нечто целое — клин, а не как набор отдельных птиц. Если мы видим три точки, не расположенные на одной прямой, то, скорее всего, назовем их треугольником. Мы делаем такие выводы, потому что наше сознание так устроено, говорят гештальтпсихологи. В 1923 г. вышла программная статья М. Вертгеймера «Исследования, относящиеся к учению о гештальте», в которой автор изложил принципы организации восприятия с точки зрения гештальтпсихолога.

Школа гештальтпсихологов сформировалась вокруг М. Вертгеймера в Берлине, поэтому ее называют Берлинской школой гештальтпсихологии. В ее состав вошли К. Коффка, В. Келер, К. Левин. Еще одно имя в гештальтпсихологии — **Карл Дункер (1903–1940)**, который занимался исследованиями мышления.

Курт Коффка (1886–1941) родился и вырос в Берлине и там же получил образование в местном университете, проявив исключительный интерес к естественным наукам и философии. В 1909 г. Коффка получил докторскую степень. В 1910 г. он начал свое длительное и плодотворное сотрудничество с М. Вертгеймером и В. Келером. Коффка занимался детской психологией, исследуя целостные качества детского сознания. В 1911 г. он получил место в университете Гиссена, в 40 милях от Франкфурта. Главная его идея — ребенок рождается с врожденными недифференцированными целостными гештальтами, которые приобретают свою структурированность по мере становления человека. В развитии восприятия большую роль играет сочетание фигуры и фона, на котором демонстрируется данный предмет. В 1924 г. Коффка уходит из университета Гиссена и начинает работу в Корнельском университете (США), куда он был приглашен для чтения лекций. В 1927 г. Коффка получил место профессора в Смитовском колледже в Нортгемптоне, штат Массачусетс. Результаты своих исследований Коффка изложил в книгах «Основы психического развития» (1921) и «Принципы гештальт-психологии» (1933).

Вольфганг Келер (1887–1967) родился в Эстонии. Он обучался физике у одного из ее преобразователей, создателя теории квантов Макса Планка, но в дальнейшем заинтересовался психологией. Келер занялся филогенетической стороной функционирования гештальтов, «предмышлением» человека. В 1912 г. по предло-

жению Прусской академии наук он предпринял путешествие на Канарские острова, расположенные вблизи северо-западного побережья Африки, где до 1920 г. на острове Тенерифе, который в начале XX в. принадлежал Великобритании, изучал умственные способности шимпанзе на примерах их возможностей решения различных задач. Тот факт, что Келер не уехал в Германию после начала Первой мировой войны (1914–1918), до сих пор вызывает удивление историков. По официальной версии, Келер был задержан властями острова, хотя и был относительно свободен и мог продолжать свои исследования. Но некоторые исследователи вопрошают: почему были отпущены другие члены его исследовательской группы и не был ли сам Келер немецким шпионом, передававшим сведения о передвижении английских кораблей в немецкий генштаб?

Так или иначе, но на о. Тенерифе В. Келер провел серьезное исследование, которое вошло в золотой фонд психологической науки. Он ввел в психологию термин *«инсайт»* — так стали называть внезапное нахождение решения задачи. Инсайт стал пониматься как переструктурирование целостного сознания, то есть как превращение одного гештальта в другой. Такое переструктурирование, как установил Келер, происходит только в том случае, если элементы решаемой задачи находятся в едином зрительном поле обезьяны: обезьяна, которая видит ветку и банан, достанет банан веткой только в том случае, если видит их одновременно. В 1974 г. восьмидесятисемилетний Мануэль Гонзалес-и-Гарсия, работавший в свое время смотрителем в обезьяннике Келера, в интервью рассказал немало историй о шимпанзе, с которыми работал Келер, особенно о Султане, нередко помогавшем ему кормить других животных.

В 1920 г. В. Келер возвращается в Германию. В 1921 г. М. Вертгеймер, К. Коффка и В. Келер при

содействии Курта Гольдштайна и Ганса Грюле основали журнал «Психологические исследования» (Psychological Research), который стал официальным печатным изданием школы гештальтпсихологии. В 1922 г. Келер приходит на смену К. Штумпфу в должности профессора психологии Берлинского университета. Причиной этого престижного назначения стала публикация книги «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии», в которой Келер пытается доказать, что в коллоидной химии действуют всеобщие законы гештальта. Келер утверждает: принцип гештальта — единый для различных порядков явлений — позволит по-новому решить психофизическую проблему, приводя сознание в соответствие физическому миру и в то же время не лишая его самостоятельной ценности. Процессы в коре головного мозга сходны с процессами в силовом поле, и, подобно возникновению силового электромагнитного поля вокруг магнита, в ответ на сенсорные импульсы может возникать поле нервной деятельности — вследствие электромеханических процессов, возникающих в мозге в ответ на воздействия извне.

В 1924 г. выходит второе издание книги Келера «Интеллект человекообразных обезьян». В 1925 г. он был приглашен в Гарвардский университет, где в течение 1925/26 учебного года читал лекции (а также в университете Кларка). В 1929 г. вышла книга Келера «Гештальт-психология». В том же году Келер стал одним из основных докладчиков на международном конгрессе психологов в Йельском университете (еще одним основным докладчиком на этом конгрессе был И. П. Павлов).

Курт Левин (1890–1947) в 1914 г. защитил докторскую диссертацию по психологии у К. Штумпфа в Берлине и, получив приглашение преподавать пси-

хологию в Психологическом институте Берлинского университета, сблизился с К. Коффкой, В. Келером и М. Вертгеймером. В основе взглядов Левина лежит концепция гештальта, но он сумел сформулировать новые идеи и пошел дальше позиций ортодоксального гештальтизма, обратившись к проблемам личности, ее потребностям и влиянию общественных связей на поведение человека. Левин — типичный представитель тех психологов, которые считали, что психология должна создаваться по правилам других наук. В частности, Левин считал, что в качестве образца для подражания психологи должны взять физику. Отсюда — его терминология, в которую он активно вводит физические наименования. Например, понятие «*психологическое поле*». На первом месте у Левина — попытка создать общую физическую науку, которая объясняла бы мир человека.

Гештальтпсихология одним из основных законов считала *принцип изоморфизма*. Лучше всего этот принцип можно проиллюстрировать с помощью следующего примера. Возьмем надувной резиновый шарик. Не надувая, нарисуем на нем ровный квадрат. Потом надуем шарик и посмотрим, что случилось с квадратом. Он изменил свою форму, но получившаяся фигура получилась из предыдущей, то есть все точки нового «квадрата» соответствуют точкам изначальной фигуры. Такое соответствие физики и назвали изоморфизмом. В соответствии с принципом изоморфизма представители гештальтпсихологии утверждали, что в мозге человека существуют физические представительства внешних объектов. Если стереть две части окружности на ее противоположных сторонах, то мы все равно увидим круг, а не две дуги. Это происходит потому, говорят гештальтпсихологии, что мозг содержит в себе что-то физическое, напоминающее

круг, то есть нечто, изоморфное кругу. К. Левин идет дальше. Он «забрасывает» эти изоморфные структуры во внешний мир и пытается представить внешнюю реальность как нечто психологическое, но похожее на физическую структуру.

В отличие от своих коллег-гештальтпсихологов, особый интерес у К. Левина вызывает мотивационно-потребностная сфера человека. Основная идея Левина состоит в следующем: всякий раз, когда у индивидуума возникает какая-то потребность, то есть состояние напряженности, он своими действиями старается снять это напряжение и восстановить внутреннее равновесие. Существование такой изначальной напряженности является для Левина аксиомой. Мы не знаем, откуда она берется, но она есть. Напряженность вызывает дискомфорт, и мы пытаемся избавиться от нее. Как говорил французский физиолог XIX в. К. Бернар, каждая живая система стремится к равновесию. Для человека таким равновесием является внутреннее — психологическое — равновесие, к нему мы стремимся. Для того чтобы снять напряженность, считает Левин, мы начинаем искать квазипотребности, то есть предметы, которые способствуют снятию напряженности. Эта картина напоминает энергетическое поле, над особенностями которого в первой половине XX в. размышляли физики.

Мы находимся в центре поля в центре пересечения многочисленных линий — валентностей. Эти линии соединяют нас с другими предметами и людьми, которые нас притягивают или, наоборот, отталкивают от себя. Психологическое поле — это система, в центре которой находится человек. В этой системе — множество точек «Я». Каждый из нас может считать себя такой точкой, находящейся в центре поля. Поведение человека может целиком определяться силовыми линиями, кото-

рые соединяют нас с другими людьми и предметами. Такое поведение К. Левин называет *полевым*. Но многие люди могут преодолевать эти силовые воздействия и выходить за пределы законов поля, возвышаться над ним. Такое поведение Левин называет *волевым*.

Валентности обладают, по К. Левину, положительными и отрицательными силами. Так, если мы боимся собак, то валентность, которая соединяет нас с пробегающей мимо собакой, будет отрицательной (нас «отталкивает» от собаки). Если же, наоборот, собаки нам нравятся, валентность будет положительной (нас «притягивает» к собаке). Знак валентности может меняться, поскольку зависит от нашего опыта, и поэтому, говорит Левин, квазипотребности имеют кондиционально-динамический характер, то есть предметы, выступающие в роли квазипотребностей, могут менять свой знак и из притягивающих превращаться в отталкивающие и наоборот. Это означает, что психологическое поле находится в постоянном движении, поскольку наше отношение к вещам, составляющим это поле, находится в состоянии постоянного изменения. Так, предмет, выступающий в качестве квазипотребности, то есть имеющий ту или иную валентность, после удовлетворения потребности становится нейтральным.

Одна из попыток экспериментальной проверки теории К. Левина была выполнена в 1927 г. его ученицей Б. В. Зейгарник, ставшей в дальнейшем известной советской исследовательницей патологических состояний психики человека. Но в 1927 г. она была молодой ученицей Левина. Ее исследование позволило получить результат, который вошел в историю психологии под названием «*эффект Зейгарник*».

Как-то раз К. Левин и его ученица пришли в ресторан. Там Левин, наблюдая за официантами, обнаружил следующую особенность. Те из них, чьи клиенты рас-

платились и ушли, не могли ответить на вопрос, какие блюда заказывали эти посетители ресторана. Напротив, те официанты, чьи клиенты еще не заплатили, хорошо помнили все, что было заказано. Левин попросил Зейгарник преобразовать это житейское наблюдение в форму психологического эксперимента. Эта работа была проделана, и Б. В. Зейгарник установила, что незавершенные действия запоминаются вдвое лучше, чем завершенные действия. Важно, что в данном случае имелась в виду не физическая завершенность или незавершенность, а психологическая, которая могла не иметь никаких поведенческих проявлений. То есть испытуемый мог считать задачу слишком легкой, чтобы совершать какие-то физические движения. Он мог действовать по принципу «и так все понятно». И наоборот, когда испытуемый случайно подбирал правильный ответ, но фактически не знал решения соответствующей задачи, действие считалось незавершенным.

В 1929 г. Левин изложил свою теорию поля в США на международном конгрессе психологов в Йельском университете и в 1932 г. получил приглашение прочитать курс лекций в Стэндфордском университете.

В 1933 г. после прихода к власти нацистов многие инакомыслящие ученые были подвергнуты гонениям. Однажды после того, как на своей лекции В. Келер осмелился открыто критиковать фашистское правительство, в его аудиторию ворвалась банда нацистов. М. Вертгеймер в составе первой группы ученых бежит из нацистской Германии в США. В 1935 г. уходит из Берлинского университета и Келер.

В США К. Левин попытался перенести принципы целостности, разработанные в гештальтпсихологии, в сферу взаимоотношений людей. Благодаря этому работы Левина дали мощный толчок развитию социальной психологии. Последнее, что успел сделать К. Левин, —

создать социально-психологическую теорию групповой сплоченности, которую он определил как некое силовое поле, формирующее у участников чувство принадлежности к группе и желание в ней остаться. Среди всех таких групп он выделяет профессиональные группы, которые также можно рассматривать как части психологического поля, обладающие иерархической структурой. Например, в научной лаборатории работают многие сотрудники, отличающиеся своей должностью и профессиональным статусом: лаборанты, научные сотрудники, подсобные рабочие, заведующий лабораторией и т. д. Все эти люди связаны между собой теми самыми силовыми линиями, которые Левин называет валентностями. Особое внимание Левин посвятил особенностям руководства трудовыми организациями. В частности, он выделил три типа такого руководства: демократический, авторитарный и анархический.

В 1935 г. выходит книга К. Левина «Динамическая теория личности», а в 1936 г. — «Принципы топологической психологии». В 1945 г. Левин возглавил исследовательский центр групповой динамики при Массачусетском технологическом институте. В 1956 г. он был удостоен награды «За выдающийся вклад в науку» Американской психологической ассоциации.

2.9. Ж. Пиаже

Одним из главных представителей рационализма в психологии XX в. стал швейцарский исследователь **Жан Пиаже (1896–1980)**, оказавший большое влияние на психологию второй половины XX в. Научные интересы Пиаже еще с юности были сосредоточены на биологии и математике. В 1918 г. он получает докторскую степень за работу о моллюсках. В дальнейшем

автор этой работы попытался использовать некоторые биологические законы при исследовании интеллекта.

Как известно, интеллект — одна из самых таинственных областей нашей психики, которой ученые до сих пор не могут дать удовлетворяющее всех определение³³. Впрочем, многие психологи считают интеллект специфическим качеством человека, которое позволяет ему оптимальным образом приспособливаться к изменениям окружающей среды. В 1919 г. Пиаже приглашают в Париж для работы над шкалами измерения интеллекта. Через два года он возвращается в Женеву, где Э. Клапаред приглашает его на должность директора Института Ж.-Ж. Руссо. Здесь Пиаже, опираясь на положение о связи между мышлением и речью, строит свои исследования развития мышления через изучение развития речи детей, а в 30-е гг. изучает операциональную сторону мышления. В 1949–1951 гг. Пиаже создал свой основной труд «Введение в генетическую эпистемологию». В 1955 г. он возглавил созданный по его инициативе Международный центр по генетической эпистемологии в составе Женевского университета. В 1969 г. Пиаже оказался первым европейским психологом, получившим от Американской психологической ассоциации награду «За выдающийся вклад в развитие науки».

В XX в. Ж. Пиаже стал лидером психологов, которые считали, что свое внимание психология должна направить прежде всего на изучение интеллекта человека, поскольку именно интеллект является высшим достижением эволюции (учитывая эту позицию Пиаже, многие психологи называют его предшественни-

³³ Среди психологов существует такая шутка: в соответствии с самым правильным определением, интеллект — это то, что измеряется при помощи тестов, измеряющих интеллект.

ком когнитивной психологии). По мнению Ж. Пиаже, основными составляющими интеллекта являются логические структуры. Действительно, что собой представляет разум человека? В первую очередь разум занимается рационализацией, то есть воплощением наших переживаний в виде логических формул. Вершиной такого воплощения является математика.

В центре внимания Ж. Пиаже — идея гомеостаза (равновесия), к которому постоянно стремится интеллект. Теорию гомеостаза сформулировал в середине XIX в. французский физиолог К. Бернар. В соответствии с этой теорией наша нервная система постоянно стремится в состояние равновесия, из которого ее «выбивают» внешние воздействия. Этот принцип использовался в дальнейшем в самых разных науках, и одним из наиболее ярких его сторонников был Пиаже³⁴. В соответствии с его теорией основными механизмами, лежащими в основе работы интеллекта, являются ассимиляция и аккомодация. *Ассимиляция* — процесс включения нового объекта (вернее, информации о нем) в существующую структуру интеллекта. Иными словами, ассимиляция — своеобразный аналог биологического расчленения ассимилируемого организма, превращение его в вещество, которое может быть усвоено другим организмом. Поскольку, по Пиаже, интеллект неразрывно связан с двигательной системой человека, то тем самым ассимиляция подразумевает соответствующее изменение двигательных схем, благодаря которым человек осуществляет свое поведение. Такой процесс изменения структуры интеллекта Пиаже называет аккомодацией. *Аккомодация* — процесс, обрат-

³⁴ В то же время в современной психологии, особенно в экзистенциальной и гуманистической, принцип гомеостаза часто подвергается критике.

ный ассимиляции. В результате процессов ассимиляции и аккомодации происходит *адаптация* интеллекта, то есть изменение схем интеллекта, соответствующее требованиям, предъявляемым новыми задачами.

На основании своих экспериментальных исследований Ж. Пиаже приходит к выводу о существовании нескольких стадий развития интеллекта ребенка.

Первая стадия — сенсомоторная координация (от рождения до примерно 2 лет). На этой стадии ребенок учится координировать свою сенсорную и двигательную активность. Такая координация необходима, например, для того, чтобы ребенок мог дотянуться рукой до какого-нибудь предмета или сложить пирамидку (снять кольца со стержня, а потом собрать их обратно в нужной последовательности).

Вторая стадия — от 2 до 5 лет. На этой стадии формируется механизм интериоризации действия³⁵.

Третья стадия — стадия конкретных операций (с 7 до 11–12 лет). Эти операции выполняются в уме, но с опорой на конкретный чувственно воспринимаемый материал.

Четвертая — последняя стадия (11–12 — 14 лет). На этой стадии возникают логически обоснованные гипотезы, то есть формируется логика, которой теперь уверенно пользуется ребенок.

Теория Ж. Пиаже не избежала критики. Одним из таких критиков был американский психолог **Лоуренс Кольберг (1927–1987)**. Его теория характерна для

³⁵ В отечественной психологии бытует мнение, что термин «интериоризация» введен в психологию Л. С. Выготским. На самом деле это понятие существовало в психологии и до Выготского. Пиаже употреблял этот термин независимо от Выготского, ничего не зная о его работах, ориентируясь на работы своих французских предшественников. Термин использовали еще П. Жане, А. Валлон и другие французские психологи, понимавшие под интериоризацией переход действия в мысль.

второй половины XX в., когда возникает экзистенциально-гуманистическая психология с ее обостренным вниманием к глубинным переживаниям человека. Кольберг подчеркивает, что Пиаже практически не замечает эти переживания, оставляет их за пределами своих теоретических построений. Пиаже рассматривает только рациональные, формально-логические аспекты мышления, Кольберг выделяет несколько стадий морального развития ребенка. Первая стадия — доморальная. Здесь ребенок выполняет предписания морали, поскольку получает наказание за их невыполнение. На последней стадии человек выводит принципы морали самостоятельно из своих собственных мировоззренческих установок.

2.10. «Перемещение» психологии из Европы в США

В конце XIX в. большинство психологических текстов издавалось на немецком языке. Именно Германия считалась центром мировой психологии. В 1880 г. в США не было ни одной психологической лаборатории и не выходило ни одного специального журнала по психологии. В 1885 г. в США работают три психологические лаборатории, а в 1900 г. — уже 42. В 1910 г. более 50 % всех опубликованных в мире статей по психологии были написаны на немецком языке, и только 30 % — на английском. Но в это же время в Германии только четыре человека из ученого мира называли себя психологами, а не философами, а в университетах США уже читают лекции по истории психологии. В 1913 г. в британском выпуске справочника «Кто есть кто в науке» отмечается, что США лидируют по числу всемирно известных психологов, которых здесь насчитывалось 84 — больше, чем в Германии, Англии

и Франции, вместе взятых. В 1925 г. в Германии было лишь 25 психологов, и только в 14 из 23 университетов появились факультеты психологии. В 1933 г. 52 % изданных статей были на английском языке и всего 14 % — на немецком. Эти цифры убедительно показывают: в первой половине XX в. возникает новый центр психологии — США.

Можно полагать, что условием такого развития американской психологии, как и всей науки, стало бурное развитие образования в США в конце XIX — начале XX в. Надо сказать, американцы всегда понимали необходимость хорошего образования. Так, первый на территории США университет был открыт уже в 1636 г. (Гарвардский университет в городе Бостон), то есть вскоре после того, как первые европейцы стали заселять Северную Америку. В 1870–1915 гг. в США стремительными темпами — с 7 до 20 миллионов человек — рос прием в государственные бесплатные школы. За этот период затраты на общественное образование выросли в десять раз — с 63 до 605 миллионов долларов. В 1918 г. в США число зарегистрированных бесплатных средних школ выросло по сравнению с 1890 г. на 700 % — в стране строилось по одной школе в день!

В конце XIX в. в США были основаны два важных для истории психологии научных центра — университет Джонса Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд (1876), и университет Кларка в Ворчестере, штат Массачусетс (1887). В 80-е гг. XIX в. появляются работы американских физиологов, в которых доказывалось, что даже коленный рефлекс нельзя рассматривать как неизменный и изолированный феномен. В это же время Ф. Тейлор разработал систему интенсификации труда для рациональной организации производства (тейлоризм). В 1895–1896 гг. в США созданы два национальных комитета, призванных объединить усилия

тестологов и придать общее направление тестологическим работам.

В 1892 г. была основана Американская психологическая ассоциация. В нее вошли 26 психологов университета Кларка. В 1900 г. Американская психологическая ассоциация насчитывает 127 членов, в 1917 г. — 336 членов, в 1930 г. — более 1100 человек, в 1995 г. — более чем 100 тысяч человек³⁶.

Основателем американской научной психологии считается ученик У. Джемса известный детский психолог **Гренвилл Стэнли Холл (1844–1924)**. В молодости Холл плохо представлял себе, чему посвятить свою жизнь. В 1863 г. он поступил в Уильямсский колледж. Окончить колледж Холл не сумел и отправился в Европу, но и оттуда вернулся домой без диплома в 1871 г.

В 1874 г. С. Холл прочитал «Основы физиологической психологии» Вундта. Это и предопределило его дальнейшую жизнь. В 1878 г. Холл представил диссертацию о тактильном восприятии пространства, написанную под руководством У. Джемса, и первым в Соединенных Штатах получил докторскую степень в области психологии. После этого он провел некоторое время в Лейпциге — в лаборатории В. Вундта. Кстати, Холл вместе с Вундтом стал первым экспериментатором в этой лаборатории.

³⁶ К концу 60-х гг. Американская психологическая ассоциация включала в себя десятки подразделений по разным отраслям психологии. Так, в 1966 г. в рамках Ассоциации возник отдел истории психологии (подразделение 26), в 1971 г. — отделение гуманистической психологии. В дальнейшем в Американской психологической ассоциации произошел раскол между психологами, занимавшимися прикладными и фундаментальными работами, и в 1988 г. группа членов Ассоциации, работающих в области академических исследований, инициировала создание собственной организации — Американского психологического общества.

В 1882 г. С. Холл был избран первым президентом только что основанной Американской психологической ассоциации. В том же году он выступает с докладом на собрании Национальной педагогической ассоциации о необходимости сделать изучение психологии ребенка главным приоритетом в профессии учителя. Впрочем, в то время мало кто понимал, что такое психология и что она может дать в сфере практики. Поэтому, даже значительно позже, в 1894 г., Холл утверждал, что единственно главной и непосредственной сферой применения психологии является ее применение в педагогике³⁷. В 1884 г. Холл становится профессором университета Кларка. В 1887 г. он основал «Американский журнал психологии», а в 1888 г. стал первым президентом университета Кларка. В 1904 г. вышла книга Холла — внушительное (около полутора тысяч страниц) двухтомное произведение «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте».

С. Холл пытался ввести американскую психологию в широкий научный контекст. В 1909 г. он пригласил З. Фрейда и К. Юнга участвовать в ряде конференций, приуроченных к 20-й годовщине со дня основания университета Кларка. В 1904 г. Холл поддержал основание Школы религиозной психологии и «Журнала религиозной психологии». В 1917 г. появилась его книга «Иисус Христос в свете психологии». В 1915 г. Холл основал «Журнал прикладной психологии». В 1920 г. Холл ушел с поста президента университета Кларка и написал автобиографию «Воспоминания психолога», которая была издана в 1923 г. Одновременно он обра-

³⁷ В 1912 г. психолог К. А. Ракмик проанализировал ситуацию, в которой оказались его коллеги, и пришел к выводу, что в американской образовательной системе психологию недооценивали — несмотря на всю ее популярность у студентов.

тился к проблемам геронтопсихологии, и в 1922 г. появилась работа Холла «Старение».

С. Холл был основателем экспериментальной психологии в США. В 1883 г. он открывает в университете Хопкинса психологическую лабораторию, которая считается первой в США. В этой лаборатории в 1908 г. Роберт Йеркс и Джон Додсон, начавшие свои исследования в 1900 г., открыли так называемый *закон оптимума мотивации*: при повышении мотивации до определенного уровня растет и качество деятельности, но дальнейшее повышение мотивации, после достижения плато, приводит к снижению продуктивности.

Существенную роль в становлении американской психологии сыграли женщины-психологи. Последовательнице Г. Эббингауза **Мэри Уитон Калкинс (1863–1930)** принадлежит идея использовать для изучения процессов памяти метод парных ассоциаций. В 1905 г. Калкинс стала первой женщиной-президентом Американской психологической ассоциации. Новаторскую работу в сфере, которую сегодня называют гендерной психологией, совершила **Хелен Бредфорд Томпсон Вули (1874–1947)**. Докторская диссертация Вули, выполненная ею в Чикагском университете в 1900 г., представляла собой первую в истории психологии попытку экспериментально исследовать известный дарвиновский тезис о биологически обусловленном превосходстве мужчин. В то время данная идея была столь очевидной, что, казалось, не нуждалась ни в каком дополнительном научном исследовании. Результаты исследований показали отсутствие различий между полами по эмоциональным характеристикам и лишь незначительные различия по интеллектуальным способностям. В то же время исследования показали некоторое превосходство женщин по таким характеристикам, как память и сенсорные возможности. Интерпретируя

полученные результаты, Вули совершила беспрецедентный шаг: она отнесла существующие различия за счет социальных факторов и различий в характере воспитания детей, а также за счет разных ожиданий общества по отношению к мальчикам и к девочкам. Биологические же различия, с ее точки зрения, играют по сравнению с этими факторами незначительную роль. В 1908 г. Хелен Томпсон с мужем, врачом Полем Вули, переезжает в г. Цинциннати, где занимает пост директора бюро профессиональной подготовки при системе общественного образования. В 1921 г. она была избрана на пост президента Национальной ассоциации по надзору за профессиональной подготовкой. Но в том же году семейство Вули переезжает в Детройт, где Хелен Вули (Томпсон) устраивается на работу в институт Мерилл-Пальмер. В 1924 г. Хелен Вули становится директором вновь созданного Института благосостояния ребенка при Колумбийском университете.

Первой женщиной-афроамериканкой, сумевшей добиться получения докторской степени, стала **Инеэ Беверли Проссер (1897–1934)**. Ее работы были посвящены сравнительному изучению развития чернокожих детей в школах, где существует расовая сегрегация. Большой вклад в ликвидацию расовой дискриминации в США внесли **Мами Фипс Кларк (1917–1983)** и ее муж **Кеннет Б. Кларк (1914–2005)**, первый чернокожий президент Американской психологической ассоциации. В начале XX в. идея расовых различий имела значительное распространение в США, и в 1921 г. она получила дополнительную поддержку, когда были обнародованы результаты тестов уровня интеллекта новобранцев, проводившихся во время мировой войны.

Кристина Лэдд-Фрэнклин (1847–1930) — специалист в области цветового зрения. Опираясь на теорию цветового восприятия Э. Геринга, она полагала, что в

филогенезе происходит последовательный переход от скотопического (ночного) зрения к фактическому. Таким образом, черно-белое зрение является наиболее примитивной формой зрения. В ходе дальнейшего эволюционного развития происходит дифференциация черно-белого зрения: сначала вычлняются синий цвет — желтый цвет, а позже из желтого происходит вычленение красного и зеленого цветов.

Значительное развитие в США получила экспериментальная психология. Большую работу по обобщению всего того, что было сделано в мировой экспериментальной психологии, проделал **Роберт Сессионс Вудвортс (1869–1962)**. В 1899 г. Вудвортс получил докторскую степень в Колумбийском университете, где учился под руководством Дж. Кеттелла. После стажировки в Великобритании у известного физиолога Ч. Шеррингтона Вудвортс в 1903 г. вернулся в Колумбийский университет, где и проработал до завершения академической карьеры в 1945 г. Известность Вудвортсу принесли его книги «Динамическая психология» (1918), «Психология» (1921, до 1947 г. была переиздана пять раз), «Экспериментальная психология» (1938). В 1956 г. Вудвортс первым получил золотую медаль Американского психологического фонда — «за уникальный вклад в становление судьбы научной психологии» и как «интегратор и организатор психологических знаний».

Европейская психология была плохо знакома американцам. В 1926 г. один из аспирантов Висконсинского университета сообщал, что лишь немногие из студентов знали, кто такие Вундт и Титченер. Хотя 9 сентября 1909 г. З. Фрейд прочитал первую лекцию перед американской аудиторией в университете Кларка, психоанализ проникает в американскую психологию только в 20-е гг., когда некоторые фрейдовские идеи

пробили себе дорогу в американские учебники по психологии. В 1904 г. в учебнике Дж. Энджелла «Психология» бессознательному уделено не более двух страниц. В 1903–1917 гг. канадский психолог Г. Эддингтон Брюс опубликовал 63 журнальные статьи и 7 брошюр, посвященных проблемам бессознательного. Многие американские психологи были яркими представителями «позитивной» науки, как, например, К. Лэдд-Фрэнклин, которая отстаивала чистоту естествознания и даже писала, что психоанализ — это продукт «недоразвитого... германского ума». Впрочем, учтем, что это мнение было высказано в 1916 г., когда Америка собиралась вступить в войну с Германией, что и осуществила в 1917 г. В 1921 г. в книге Р. Вудвортса «Психология» вопрос о бессознательном рассматривается, скорее, как некоторое недоразумение. В 1924 г. в редакционной статье «Журнала аномальной психологии» высказывалось явное раздражение этим «нескончаемым потоком работ европейских психологов о бессознательном».

Не лучше обстояло дело и с другими европейскими школами. В 1922 г. американские психологи получили первую информацию о гештальтизме, а в 1925–1926 гг. вышла серия статей о гештальтпсихологии американского психолога Гарри Хелсона, опубликованная в «Американском психологическом журнале». В 20-е гг. с немецкого на английский были переведены книги Коффки и Келера, рецензии на них появились в нескольких американских журналах по психологии.

С самых первых шагов возникновения американской психологии ее представители активно занимались прикладными проблемами. В 1910 г. в государственных университетах Запада и Среднего Запада США преподает только треть всех американских психологов, а 50 % занимаются прикладными проблемами. В 1921 г. среди психологов, упомянутых в справочнике

Кеттелла «Ученые Америки», больше 75 % были заняты в прикладных отраслях.

Классиком американской прикладной психологии стал ученик В. Вундта **Уолтер Дилл Скотт (1869–1955)**, занимавшийся подбором кадров для фирм. В 1888 г. он поступил в Нормэлский университет штата Иллинойс, а в 1890 г. даже выиграл стипендию на обучение в Северо-западном университете города Эванстон. Однако его судьба переменилась 21 июля 1898 г., когда Скотт и его невеста отправились в Германию, где будущий психолог познакомился с В. Вундтом.

В 1902 г. к У. Скотту по рекомендации одного из его бывших преподавателей обратился некий владелец рекламного бюро с просьбой помочь применить психологические методы, чтобы сделать рекламу более эффективной. Через год Скотт опубликовал первую книгу по психологии рекламы («Теория и практика рекламы»). В 1905 г. он стал профессором Северо-западного университета, а с 1909 г. он — профессор рекламы в коммерческой школе при Северо-западном университете. С 1916 г. Скотт занимает должность профессора прикладной психологии и директора бюро торговых исследований в Техническом университете Карнеги в Питтсбурге. В 1919 г. он основал собственную компанию («Компания Скотта»), которая оказывала консалтинговые услуги по работе с персоналом и повышению эффективности более чем сорока крупнейшим корпорациям страны. В 1920 г. Скотт стал президентом Северо-западного университета.

Одним из пионеров прикладной психологии в США стал **Гарри Леви Холлингворт (1880–1956)**. Компания «Кока-Кола», столкнувшаяся с иском со стороны правительства США о нарушении закона о чистоте пищевых продуктов и медикаментов, обратилась к Холлингворту с просьбой провести исследова-

ния по психологическому воздействию кофеина на людей. Женившийся в 1908 г. Холлингворт принял решение провести исследования в связи с семейными материальными проблемами: отказом предоставить работу его жене **Лете Стеттер Холлингворт (1886–1939)** (из-за того, что та стала замужней женщиной), к тому же у них не было денег для ее дальнейшего образования. В суде Холлингворт представил результаты своих исследований, в которых он не обнаружил вредных воздействий напитка на двигательную или психическую деятельность. Доказательства Холлингворта были хорошо приняты, и дело против «Кока-Колы» было в итоге прекращено (необходимо отметить, что прекращение дела было не только результатом его показаний). Выступления и доказательства Холлингворта в суде, благоприятные отзывы об этом средств массовой информации, следивших за шумным процессом, повлияли на то, что он получил невероятное количество предложений для дальнейшей практической работы. Лета получила возможность учиться и в 1906 г. окончила университет штата Небраска с отличием. В 1913–1916 гг. она провела серию исследований, направленных на выяснение уровня физических, сенсомоторных и интеллектуальных способностей у различных групп испытуемых, среди которых были подростки, студенты и студентки колледжей, женщины во время менструального периода (в то время считали, что интеллектуальные и эмоциональные характеристики женщин неизбежно меняются в ходе этих естественных процессов). В 1916 г. Лета Холлингворт получила докторскую степень по психологии в педагогическом колледже при Колумбийском университете, где занималась под руководством Э. Торндайка.

Джеймс Кеттелл (1860–1944) поставил изучение психических процессов человека на практическую экс-

периментальную основу. В 1880 г. Кеттелл получил степень бакалавра в колледже Лафайета, который возглавлял его отец. В 1882 г., благодаря своим работам по философии, Кеттелл получил стипендию и смог заняться исследовательской работой в университете Джонса Хопкинса. В 1883 г. он приезжает в Германию, к В. Вундту, где работает лабораторным помощником немецкого психолога. В 1886 г. Кеттелл получил докторскую степень, возвратился в Соединенные Штаты и стал читать лекции по психологии в колледже Брин Маур и Пенсильванском университете. В 1888 г. Кеттелл с помощью отца стал профессором психологии Пенсильванского университета, где занялся изучением объема внимания и навыков чтения. В частности, проведя эксперименты с чтением букв и слов на вращающемся барабане, Кеттелл зафиксировал феномен антиципации — «забегания» восприятия вперед.

Дж. Кеттелл активно продвигал тестологию. В 1890 г. вышла его статья, в которой появилось определение тестов умственных способностей, а в 1891 г. он применяет тесты в устроенной им при Колумбийском университете лаборатории. Впрочем, через десять лет Кеттелл пришел к выводу, что тесты не могут служить показателем успеваемости в колледже, а следовательно, и умственных способностей студентов. Уже после смерти Кеттелла, в 1950 г., был опубликован шестнадцатифакторный личностный опросник Кеттелла.

Дж. Кеттелл активно занимался издательской деятельностью. В 1894 г. он вместе с М. Болдуином начал выпускать «Психологическое обозрение». В 1900 г. Кеттелл купил ежемесячник «Популярная наука» (с 1915 г. — «Научный ежемесячник»), а в 1906 г. начал издавать ряд справочников, включая «Ученые Америки» и «Лидеры в сфере образования». В 1921 г. Кеттелл основал психологическую корпорацию, первую

издательскую фирму, специализировавшуюся на выпуске тестов, акции которой приобрели члены Американской психологической ассоциации. В начале 20-х гг. XX в. в США ежегодно продавалось 4 миллиона тестов на интеллект — главным образом для использования их в государственных школах³⁸.

Дж. Кеттелл был убежденным пацифистом и за это подвергался преследованиям. В 1910–1917 гг. в администрации Колумбийского университета трижды рассматривался вопрос об увольнении Кеттелла, и в 1917 г. он был уволен из Колумбийского университета за непатриотичность, поскольку выступал против участия США в Первой мировой войне.

Генри Александр Мюррей (1893–1988) занимался разработкой концепции человеческих потребностей: латентных (скрытых), явных (проявляемых в поступках людей) и др. Мюррей сформулировал понятия «*пресс*» и «*тема*», которые позднее были использованы им при работе над Тематическим апперцептивным тестом, хотя надо заметить, что в 1985 г. Мюррей объявил, что ведущая роль в создании Тематического апперцептивного теста принадлежит Кристиане Морган, а сама идея теста была навеяна ему одной из студенток во время занятий. В 1927 г. он присоединился к Гарвардской психологической клинике, специально созданной для исследования проблем личности. В 1941–1945 гг. Мюррей участвовал в специальной программе Управления стратегических исследований (предшественник ЦРУ).

После Второй мировой войны на конференциях Американской психологической ассоциации существенно, по сравнению с довоенным периодом, возрос-

³⁸ В 1969 г. уровень продаж корпорации составил 5 миллионов долларов.

ло число докладов, посвященных прикладным исследованиям. Одним из проявлений этого стало возникновение новых проективных методик. Отметим в этой связи работу **Флоренс А. Гудинаф (1886–1959)**. Она опубликовала шкалу для измерения интеллекта детей на основе анализа их рисунков. Тест получил широкую известность и сохранял популярность долгие годы.

Американский психолог **Арнольд Луций Гезелл (1880–1961)** известен как создатель Йельской клиники нормального детства, в которой изучалось психическое развитие детей раннего возраста — от рождения до 3 лет. Его исследования восполняли серьезный пробел в экспериментальном изучении и диагностике детей этого возраста, так как все тесты, разрабатываемые в школе Бине, Клапареда и др., были направлены главным образом на обследование детей от 3 лет и старше. В клинике Гезелла была разработана специальная аппаратура для объективной диагностики динамики психического развития маленьких детей, в том числе кино- и фотосъемка, «зеркало Гезелла» (полупроницаемое стекло, применяемое для объективного наблюдения за поведением детей). Он также ввел в психологию новые методы исследования — лонгитюдный (метод продольного изучения одних и тех же детей в течение определенного периода времени, чаще всего с рождения до подросткового возраста) и близнецовый (сравнительный анализ психического развития монозиготных близнецов).

Классическими в тестологии стали работы **Анны Анастаси (1908–2001)** по изучению гендерных различий в проявлениях интеллекта, влияния социокультурных факторов (в частности, семейной атмосферы и школьного обучения) на формирование умственных способностей. В 1930 г. Анастаси получила научную степень в Колумбийском университете. В 1947 г. она

пришла на работу на факультет Фродхэма. В 1971 г. Анастаси была избрана президентом Американской психологической ассоциации и удостоена ряда профессиональных наград, в том числе и национальной медали за достижения в науке.

Основатель американской клинической психологии **Лайтнер Уитмер (1867–1956)** родился в Филадельфии, штат Пенсильвания, в семье зажиточного аптекаря, который верил в силу образования. В 1888 г. Уитмер окончил Пенсильванский университет. Летом 1892 г. Уитмер занял новый пост в университете штата Пенсильвания. В том же году он стал одним из основателей Американской психологической ассоциации. В 1894 г. он организовал в Пенсильванском университете курсы для учителей государственных школ и читал там лекции. В 1896 г. Уитмер, сменивший на посту профессора университета Пенсильвании Дж. Кеттелла, открыл первую в мире психологическую клинику. Поводом к этому послужила просьба одной из слушательниц Уитмера проконсультировать ее четырнадцатилетнего ученика, у которого были проблемы с чистописанием, хотя по другим предметам он успевал. В 1907 г. Уитмер основал журнал «Психологическая клиника», а в 1909 г. клиника Уитмера отделилась от университета и стала самостоятельным административным учреждением. В 1914 г. в США действовали почти два десятка психологических клиник, большинство из которых организованы по образу и подобию уитмеровской.

Один из основателей социальной психологии в США — **Джеймс Марк Болдуин (1861–1934)**. В 1901–1905 гг. под его редакцией вышел «Словарь философии и психологии». В своих книгах и статьях Болдуин обращает внимание американского общества на философию марксизма. Так, в книге «Духовное развитие с

социологической и этической точки зрения (исследование по социальной психологии)» (1913) он назвал «Капитал» Маркса в числе работ, под воздействием которых произошел коренной переворот во взглядах на соотношение индивидуального и общественного сознания.

В 20-е гг. в США основное внимание индустриальной психологии сосредоточено на процедурах профотбора — такого подбора кандидатов на работу, при котором человек оказывается «на своем месте». В 1927 г. было проведено одно из известнейших исследований в области профотбора на базе принадлежащего Западной электрической компании завода в г. Хоторне.

2.10.1. Бихевиоризм

В конце XIX в. американские ученые активно занимались сравнительной психологией. Американский биолог немецкого происхождения **Жак Леб (1859–1924)** разработал теорию поведения животных на основе концепции *тропизма*, или вынужденных движений. Леб утверждал, что при объяснении реакций организмов (по крайней мере, простейших) нет нужды обращаться к психике, поскольку они могут быть исчерпывающе объяснены действием физико-химических факторов. В 1890 г. вышла книга Леба «Гелиотропизм животных и его соответствие гелиотропизму растений».

Одновременно **Конви Ллойд-Морган (1852–1936)**, профессор зоологии и геологии в Бристоле, сформулировал *правило экономии*, в соответствии с которым не следует представлять поведение животных с помощью процессов более высокого психического уровня, если его можно объяснить с помощью психических процессов более низкого уровня. Это правило

Ллойд-Морган изложил в 1894 г. в книге «Введение в сравнительную психологию».

В 1910 г. в США образовано несколько лабораторий, занятых исследованиями в области сравнительной психологии. В 1911 г. в США начал издаваться журнал «Поведение животных», позднее получивший название «Сравнительная психология».

В 1909 г. в США, благодаря статьям, написанным Йерксом и русским студентом Сергеем Маргулисом, получили известность работы И. П. Павлова. Все эти исследования стали той основой, на которой родилось одно из наиболее популярных психологических течений — наука о поведении, или *бихевиоризм*.

В 1913 г. в американском журнале «Психологическое обозрение» появилась статья исследователя **Джона Бродеса Уотсона (1878–1958)** «Психология с точки зрения бихевиориста». Психология, утверждал автор статьи, представляет собой чисто объективную экспериментальную отрасль естественных наук.

В ранней юности и в молодости Уотсон, по слухам, был типичным правонарушителем. Но в 1898 г. он поступил в баптистский университет Фурмана в Гринвилле, намереваясь стать священником, как когда-то обещал своей матери. В 1900 г. Уотсон получил степень магистра. В том же году скончалась его мать, освободив его от обета. В 1903 г. Уотсон завершил докторскую диссертацию «Обучение животных: физическое развитие белой крысы» и начал серьезно размышлять об объективном подходе к психологии. В том же году Уотсон получил степень доктора философии, стал самым молодым доктором Чикагского университета и женился на своей студентке, девятнадцатилетней Мэри Икес, которая вышла из влиятельной в политической и общественной жизни семьи.

В 1908 г. Уотсон впервые публично высказал идеи об объективном подходе в психологии в Балтиморе, во

время ежегодной конференции Южного общества психологии и философии. Вслед за этим ему предложили должность профессора в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. В 1912 г. по приглашению Дж. Кеттелла Уотсон выступил с циклом лекций в Колумбийском университете. В 1914 г. вышла книга Уотсона «Поведение: введение в сравнительную психологию», в которой он пытается свести поведение животных к инстинктам.

Научная работа Дж. Уотсона была сопряжена с известными материальными затруднениями. В 1904 г. он пишет Р. Йерксу: «Мне очень трудно сейчас вести работу, у нас совсем нет места для содержания животных и нет средств для проведения опытов, даже если бы место нашлось». В 1916 г. Уотсон стал консультантом по персоналу в крупной страховой компании и предложил прочитать курс лекций по психологии рекламы для студентов, изучающих бизнес в университете Джонса Хопкинса. В 1919 г. свои размышления Уотсон сформулировал в своем классическом труде «Психология с точки зрения бихевиориста».

В 1918 г. Уотсон начал проводить исследования на детях. Классическим вариантом в этих исследованиях стал эксперимент, получивший название «Маленький Альберт», проведенный Уотсоном и Розали Рейнер в 1920 г. Уотсон попытался показать, что эмоциональные реакции могут быть обусловлены не только у животных, как это демонстрировал И. П. Павлов, но и у людей. Участником эксперимента стал девятимесячный ребенок по имени Альберт. Уотсон и Рейнер для начала проверили реакции ребенка, показывая ему белую крысу, кролика, обезьяну, маски и горящие газеты. Мальчик первоначально не демонстрировал страха ни перед одним из объектов, которые ему показали. В следующий раз, когда Альберту была показана крыса,

Уотсон создал громкий шум, ударяя по металлической трубе молотком. Естественно, ребенок испугался шума и стал кричать. После повторных демонстраций белой крысы с громким шумом Альберт стал пугаться крысы, даже если показ не сопровождался ударом молотка по трубе. Этот эксперимент так понравился психологам, что в XX в. его приводили в 130 учебниках психологии и он вошел в число наиболее часто цитируемых.

Аспирантка Уотсона **Мэри Ковер Джонс (1896–1987)** провела другие эксперименты, результаты которых также вошли в историю психологии как факты, подтверждающие основные положения бихевиоризма. Ее наиболее цитируемая работа — исследование по удалению страха перед кроликами посредством обусловливания. Это исследование она провела на трехлетнем мальчике по имени Питер в Институте образовательных исследований Колумбийского университета. Джонс лечила страх Питера перед белыми кроликами при помощи «прямого обусловливания», которое заключалось в том, что приятные стимулы (еда) ассоциировались с кроликами. Мэри начала исследование, поместив кролика в 12 футах от Питера, и постепенно приближала его до тех пор, пока мальчик не дотронулся до животного. Пока кролика постепенно приближали к Питеру, а у мальчика был доступ к его любимой еде (конфетам), его страх постепенно уменьшался, и в результате он смог коснуться кролика и не заплакать. Многие считают это исследование определяющим для возникновения *бихевиоральной психотерапии* и прорывом в лабораторных исследованиях бихевиоризма.

Существенную роль в возникновении бихевиоризма сыграло эволюционное учение Ч. Дарвина. Английский естествоиспытатель ввел в науку принцип развития, в соответствии с которым человек произо-

шел от других, более простых организмов. Значит, мы можем утверждать, что в нас содержится нечто общее с амебой, крысой, обезьяной... Чем более организовано животное, тем больше у нас с ним общего. До Дарвина такие предположения были невозможны. Считалось, что все живые существа (как и все остальное) были по воле Всевышнего одновременно в своем нынешнем виде. Все различия в них зафиксированы и неизменны.

Приняв теорию Ч. Дарвина, Дж. Уотсон утверждает, что у психологов есть предмет (поведение), который может исследоваться объективным методом. Если у человека есть общие черты с животными, значит, мы можем провести эксперимент, например, на крысе, а полученные результаты использовать для лучшего понимания человека. Этот принцип и использует бихевиоризм, предлагая для получения знаний о поведении человека изучать животных. Конечно, это будут далеко не полные знания о человеке, но такие знания все же будут получены.

В качестве одного из предшественников, на труды которых Дж. Уотсон в наибольшей степени опирается в своих разработках, он называет американского ученого **Эдварда Торндайка (1874–1949)**. В 1898 г. Торндайк защитил диссертацию «Интеллект животных. Экспериментальное исследование ассоциативных процессов у животных» и в 1899 г. стал преподавателем психологии в Педагогическом колледже Колумбийского университета.

Работы Торндайка открыли первую главу в летописи бихевиоризма. Он разработал объективную, механистическую теорию научения, в которой основное влияние уделялось внешнему поведению. Будучи молодым преподавателем колледжа, Торндайк в качестве испытуемых привлекал студентов. Администрации учебного заведения это не понравилось, и Торндайку пришлось уйти. Он поселился в доме У. Джемса и начал прово-

дить исследования на животных. Сначала это были цыплята. Торндайк придумал методику, которая получила название «*проблемный ящик*». Это, действительно, была коробка, в которой разместили незамысловатый механизм. Он представлял собой желоб, соединенный с рычагом. Если животное по какой-либо причине нажимало на рычаг, например, цыпленок клевал его, то по желобу скатывался кусочек корма. Исследователь наблюдал количество таких воздействий на рычаг со стороны животного за определенный промежуток времени. В итоге он получил график, который назвал «*кривая научения*» животных. Кривая научения демонстрирует отличие процесса овладения какими-либо знаниями у животных и человека. Человек овладевает знаниями сразу в соответствии с механизмом инсайта. До поры до времени понимание нового у человека не происходит. Но затем внезапно происходит «полное» понимание, которое остается с нами навсегда. А у голубя, крысы или цыпленка количество правильных проб (воздействий на рычаг) увеличивается постепенно. Это удивительно. Казалось бы, если голубь или кошка испытывают чувство голода, они должны нажимать на рычаг как можно чаще. Но этого не происходит. Происходит постепенное увеличение частоты нажатий. Животное, казалось бы, произвело правильный поведенческий акт и получило подкрепление, но затем снова совершает ошибку, и снова демонстрирует правильное поведение, и т. д. В итоге происходит уменьшение количества ошибочных действий. Такой способ взаимодействия с окружающей средой Торндайк назвал «*методом проб и ошибок*»³⁹.

³⁹ Через несколько лет аналогичное поведение, но у насекомых, наблюдал известный афроамериканский исследователь в области сравнительной психологии **Чарльз Генри Тернер (1867–1923)**, который в 1906 г. опубликовал статью «Некоторые предварительные замечания о поведении муравьев».

Э. Торндайк сформулировал несколько законов, которым подчиняется поведение животных.

Закон упражнений. При прочих равных условиях реакция на ситуацию связывается с ней пропорционально частоте повторений связей и их силе. Этот закон переводит нас к рассмотрению статистических закономерностей, которым подчиняется поведение животных. Не существует однозначной связи между стимулом и реакцией. Эта связь, скорее, подчиняется статистическим законам. Чем чаще мы встречаем реагирование организма на тот или иной стимул, тем с большей вероятностью этот организмотреагирует так же в следующий раз в той же ситуации. Конечно, это — не «чистый» уотсоновский бихевиоризм. Это явление можно назвать вероятностным бихевиоризмом Торндайка. Это явление визуально проявляется в кривой научения. Вероятность определенного ответа на фиксированный стимул сначала повышается медленно. Затем происходит резкий всплеск, после чего вероятностная кривая переходит в стадию плато.

Закон готовности. Упражнения повышают готовность организма к проведению нервных импульсов. Сегодня такое состояние организма можно было бы назвать психологической установкой, хотя Торндайк употребляет термин «нервная система».

Закон ассоциативного сдвига. Если на организм одновременно действуют разные раздражители и один из них вызывает реакцию, то другие приобретают способность вызывать ту же самую реакцию. Этот закон практически предвывает понятие «условный рефлекс», которое позже начал использовать И. П. Павлов.

Закон эффекта. Последний, четвертый, закон вызвал множество споров, поскольку включал в себя фактор мотивации (то есть чисто психологический фактор). Закон эффекта говорил о том, что любое дей-

ствие, вызывающее удовольствие в определенной ситуации, ассоциируется с ней и в дальнейшем повышает вероятность повторения данного действия в подобной ситуации, неудовольствие же (или дискомфорт), при действии ассоциируемое с определенной ситуацией, приводит к снижению вероятности совершения этого акта в похожей ситуации. Это подразумевает, что в основе научения лежат также некоторые полярные состояния внутри организма.

В 1898 г. вышла главная книга Э. Торндайка «Интеллект животных. Исследование ассоциативных процессов у животных», в которой он описывает открытые им законы. В 1912 г. Торндайк был избран президентом Американской психологической ассоциации. За полвека работы в Колумбийском университете он написал свыше 500 научных работ, многие из которых пользовались немалым спросом на книжном рынке. На издании своих книг и тестов он сумел сделать себе состояние. Например, в 1924 г. доход Торндайка составил почти 70 тысяч долларов.

В США были и противники бихевиористской идеологии. Так, против теории Э. Торндайка, как и теории И. П. Павлова, выступал **Эдвин Рэй Гатри (1886–1959)**, получивший степень доктора философии в 1912 г. в Пенсильванском университете. Он утверждал, что научение происходит сразу же, с одной попытки, как только происходит реакция на стимул.

Еще один представитель раннего бихевиоризма, **Эдвин Холт (1873–1946)**, получил степень доктора философии у У. Джемса в Гарвардском университете в 1901 г., а академической деятельностью занялся в Принстонском университете. Подобно Уотсону, Холт был убежден в преобладающем значении факторов окружающей среды над силами инстинктов, но не соглашался с уотсоновским отрицанием сознания и пси-

хических явлений и полагал, что можно связать мыслительные процессы с физическими параметрами.

Большое влияние на бихевиоризм оказал *функционализм* У. Джемса, который, признавая правоту теории Ч. Дарвина, продолжает его линию рассуждений. Джемс рассматривает сознание как особую целостную функцию, которая способствовала сохранению человека как биологического вида в ходе эволюции. Большую роль в развитии функционализма сыграли психологи Чикаго, который в 1903 г. стал центром функциональной психологии.

Одним из основателей чикагской психологической школы стал американский педагог, психолог, автор первого американского учебника по психологии Джон Дьюи (**1859–1952**). Дьюи был обычным ребенком и во время обучения в университете города Вермонта ничем особым себя не проявил. В 1884 г. он получил докторскую степень в Балтиморском университете Джонса Хопкинса, а в 1886 г. издал первый в Америке учебник психологии, который пользовался большим успехом (но в 1890 г. его превзошел двухтомный труд У. Джемса «Основы психологии»). В 1894 г. Дьюи и Дж. Энджелла пригласили в только что основанный Чикагский университет. Первую известность Дьюи принесла небольшая статья под названием «Понятие о рефлексорном акте в психологии», вышедшая в 1896 г. в журнале «Психологическое обозрение». В ней автор резко выступает против существующих в это время в науке о душе представлений о том, что основными единицами поведения служат так называемые рефлексорные дуги. Дьюи выразил сомнение, что поведение и сознательный опыт могут быть сведены к частям или элементам, как утверждали В. Вундт и Э. Титченер. В 1904 г. Дьюи переехал в Нью-Йорк, чтобы работать в Колумбийском университете над прикладными вопро-

сами психологии в сфере образования и философии. Главным в практике педагогики и психологии Дьюи считал воспитание нравственности, хотя и понимал нравственность чем-то вроде социального инженерного искусства.

Американский психолог и педагог **Джеймс Ролленд Энджелл (1869–1949)** превратил движение функционализма в настоящую психологическую школу. Предваряя идеи Дж. Уотсона, Энджелл заверял психологов, что термин «сознание» в конце концов исчезнет из психологии, как уже исчез термин «душа». В 1892 г. Энджелл под руководством Джемса получил степень магистра. Свою психологическую концепцию Энджелл изложил в 1906 г. в книге «Область функциональной психологии». В 1906 г. он был избран 15-м президентом Американской психологической ассоциации. В 1908 г. увидел свет учебник Энджелла «Психология», который был переиздан четырежды.

Гарвей Кэрр (1873–1954) учился в университетах штатов Индиана и Колорадо, где его специализацией была математика, но затем он заинтересовался психологией. Кэрр прослушал курс по экспериментальной психологии в Чикагском университете у Дж. Энджелла, а затем работал в лаборатории под руководством Дж. Уотсона. В 1908 г. Кэрр вернулся в Чикаго, где дослужился до чина декана психологического факультета Чикагского университета (1919–1938). В 1925 г. вышла книга Кэрра «Психология», в которой он дал окончательный вариант определения предмета функциональной психологии. Таким предметом является психическая деятельность, функция которой заключается в использовании различных психических процессов (восприятия, памяти, воображения, мышления, чувств, воли) для руководства приспособительным поведением. Надо подчеркнуть, что понятия функции в

начале XX в. было крайне неопределенным и по-разному использовалось психологами. В 1930 г. в одной из своих работ Кэrr показал, что разные определения функции не противоречивы, поскольку относятся к одним и тем же процессам.

Под влиянием функционализма бихевиористы стали считать основной функцией, которую должны изучать психологи, целостное поведение человека. Иными словами, бихевиоризм предлагает изучать человека как целостное существо: нужно изучать не просто сложение отдельных поведенческих элементов, а «поток поведения». Шекспира нельзя представить в виде цепочки простых стимульно-реактивных ячеек. Поэтому правильнее, с точки зрения бихевиористов, говорить об интегрировании этих ячеек по мере становления каждого отдельного человека.

В отличие от представителей психологии сознания, бихевиористы добиваются того, чтобы психологи занимались объективным предметом. Причем таким предметом не может быть психика. Это лишнее слово, которое только путает работу психологов, затрудняет ее. Мы должны, считают бихевиористы, отказаться от этой терминологии. Слова «сознание», «мотив», «мышление» и т. п. мешают исследователю. Мы должны по-новому определить все то, что раньше носило психологические названия, но сделать это надо с позиций новой психологии. Лучше всего, если это сделать при помощи мышечного аппарата человека, посредством которого осуществляется поведение: память, мышление, внимание — все это мышечные реакции на внешние раздражители.

Еще В. Вундт предлагал использовать в психологии объективный метод. Нужно этой идеей воспользоваться, считают бихевиористы. Правда, тоже с осторожностью. Ведь сам Вундт запутался в своем подходе. Ин-

троспекцию никак нельзя называть объективным методом. Тем более нельзя делать предметом психологии сознание, которое не является объективным предметом.

Бихевиористы резко выступили против сведения психологии к физиологии, против физиологических объяснений в психологии. Надо изучать не нервную систему животных, а их поведение как целостный акт — один из основных принципов бихевиоризма. Реакции, о которых говорили бихевиористы, были именно поведенческими, а не физиологическими. Психологи, по мнению бихевиористов, должны искать не физиологические механизмы, а поведенческие схемы.

Основная задача психологии, по мнению бихевиористов, — *управление поведением людей*. Для этого мы должны изучить связь между стимулами и реакциями, чтобы, получив реакцию, точно сказать, какой стимул ее вызвал, а имея стимул, точно предсказать, какую он вызовет реакцию. Дайте нам цепь стимульно-реактивных связей поведения Шекспира, затем мы можем взять любого младенца, применить к нему эту цепочку и получить, таким образом, нового Шекспира. Так можно создать общество, состоящее из одних гениев. Эта идея не могла не вызвать интерес у высшего руководства как США, так и других стран. Это стало фактором, особо благоприятствующим поддержке этого направления со стороны политического руководства разных стран.

В 1921 г. общественность узнала, что Дж. Уотсон разводится с женой и женится на Розали Рейнер, а маленький Альберт — их внебрачный сын. Такого удара по нравственным устоям американского общества коллеги Уотсона не могли перенести. Уотсон был вынужден прекратить научную деятельность и поступил в рекламное агентство Дж. Уолтера Томпсона. Впрочем, годовой оклад Уотсона составил 25 тысяч долларов, что в четыре

раза превышало его академические заработки. Научной деятельностью Уотсон больше не занимался, но в 1925 г. вышла его книга «Бихевиоризм», а в 1928 г. — книга «Психологическое воспитание ребенка».

Судьба оказалась более благосклонной к теории Дж. Уотсона, чем к ее создателю. 5 февраля 1924 г. в психологическом клубе в Вашингтоне встретились, чтобы обсудить свои разногласия, Дж. Уотсон и переехавший в 1920 г. в США известный психолог В. Мак-Дугалл. Тот факт, что в Вашингтоне имелся психологический клуб, не связанный с каким-либо университетом, говорит о многом. На диспуте присутствовало более тысячи человек. Среди них лишь немногие были психологами; в те годы по всей стране насчитывалось всего 464 члена Американской психологической ассоциации. Следовательно, размер аудитории прежде всего говорит о популярности бихевиоризма Уотсона. Тем не менее жюри этого диспута присудило победу Мак-Дугаллу⁴⁰. Впрочем, бихевиоризм становился все популярнее. Э. Титченер тогда же признал, что учение Уотсона обогатило нацию. В 1927 г. вышла книга Бермана с говорящим названием «Религия по имени бихевиоризм».

О жизни Дж. Уотсона в последние десятилетия известно мало. В 1935 г. умерла его жена Розали. В 1936 г. Уотсон перешел в другое агентство, а в 1945 г. он уходит в отставку.

Во второй половине 50-х гг. бихевиоризм становился все более популярным в Америке. Да и общественное мнение поменяло свои критерии. Еще при жизни Дж. Уотсона (1957) Американская психологическая ассоциация проголосовала за то, чтобы внести

⁴⁰ В 1929 г. результаты диспута 1924 г. между Мак-Дугаллом и Уотсоном были изложены в книге «Битва за бихевиоризм».

имя Уотсона в почетный список, оценив его работу как «одну из определяющих в современной психологии... как исходную точку многих плодотворных исследований различных направлений». В 1965 г. под редакцией психологов в США начал выходить «Журнал истории бихевиоральных наук».

Бихевиоризм и сегодня является одной из наиболее распространенных психологических теорий. Более того, до конца XX в. бихевиористы активно противодействовали проникновению в психологию новых идей. Еще в 70-е гг. прошлого века американские психологические журналы не публиковали статьи, в которых содержалась критика бихевиоризма. Так, ведущие американские журналы отказались принимать статьи психолога Джона Гарсии, попытавшегося опубликовать результаты своего исследования, которые подвергали сомнению господствующую S-R (стимул — реакция) теорию научения. Только в 1979 г. в журнале «Американский психолог» появилась статья, озаглавленная «Бихевиоризм и душа: призыв (осторожный) вернуться к интроспекции».

В апреле 1979 г. отмечалось столетие со дня рождения Уотсона, что совпало со столетним юбилеем психологии как науки. Симпозиум в университете Фурмана (где психологическая лаборатория носит имя Уотсона) собрал психологов со всех Соединенных Штатов. Среди выступавших был один из классиков необихевиоризма Б. Ф. Скиннер, доклад которого был озаглавлен «Что значит для меня Дж. Б. Уотсон». В 1984 г. на федеральной дороге, неподалеку от места рождения Уотсона, была сооружена мемориальная доска в его честь.

2.10.2. Необихевиоризм

Если мы попробуем назвать представителей классического бихевиоризма, то вряд ли вспомним кого-то,

кроме Дж. Уотсона: уж очень странную задачу он поставил перед научным сообществом — создать психологию без психики. Другое дело — необихевиористы, которые почувствовали заметный дискомфорт, вызванный подходом Уотсона. Сомнения в истинности некоторых принципов Уотсона возникли уже при анализе результатов первых экспериментов, проведенных **Уильямом Хантером (1886–1954)**, который в 1914 г. начал исследования отсроченной реакции. В этих экспериментах обезьяне давали, например, возможность увидеть, в какой из двух ящичков клали банан. Затем между ней и ящиками ставили ширму, убирающуюся через несколько секунд, после чего обезьяне давали возможность совершить выбор. Животное успешно находило правильный ящик. Это решение доказывало, что животные способны не только к непосредственной, но и к отсроченной реакции на стимул. К концу 20-х гг. классический подход Дж. Уотсона вызывал столько вопросов, что в 1929 г. известный историк И. Боринг заявил: бихевиоризм миновал свой период расцвета. Однако американские психологи не отказывались от поведения как предмета своих исследований. Речь шла лишь об изменении содержания этого понятия. Основную роль в этом сыграл необихевиоризм.

Необихевиористы заявили, что между стимулом и реакцией не могут не существовать какие-то опосредующие их связь элементы. Заметное влияние на формирование необихевиоризма оказал американский зоолог **Герберт Спенсер Дженнингс (1868–1947)**, наиболее решительно выступивший против теории тропизмов Леба и сделавший на основании своих многочисленных экспериментов вывод о невозможности объяснить адаптивные, легко модифицируемые реакции простейших организмов с помощью физико-химических категорий. Между стимулом и поведенческим эффек-

том нет однозначной связи, подчеркивал Дженнингс; в промежутке между ними действуют дополнительные факторы.

Один из наиболее известных представителей этой школы, **Эдвард Чейз Толмен (1886–1959)**, назвал эти элементы «промежуточными переменными». Толмен изучал инженерное дело в Массачусетском технологическом институте. Летом 1912 г. он учится в Германии вместе с К. Коффкой. В 1915 г. Толмен в Гарварде получил звание доктора философии. В 1918 г. он перешел в университет Беркли в Калифорнии.

Э. Толмен возражал против того, чтобы ограничиваться в анализе поведения формулой «стимул — реакция» и игнорировать факторы, которые играют незаменимую роль в промежутке между ними. Для подтверждения своей концепции Толмен приводит опыты, которые были проведены его коллегами. Например, у двух выходов из Y-образного лабиринта помещались две миски. У одного выхода — миска с водой, у другого — с пищей. В лабиринт запускали крысу, которую предварительно напоили и накормили. Некоторое время крыса бегала по лабиринту. Она находила миски с водой и едой, но поскольку была сыта, не начинала пить или есть. Так проводилась первая часть опыта, в которой использовалось несколько животных. Стронник классического варианта бихевиоризма сказал бы, что в этом случае в поведении крысы не произошло никаких изменений: ведь не было никакого стимула (ни вода, ни пища не стали таким стимулом), который вызвал бы ответную реакцию.

После этого крысы, принимавших участие в первой части опыта, делили на две группы. Одним крысам не давали воды, но кормили. Других — не кормили, но давали воду. Оказалось, крысы, которые были голодны, сразу бежали к миске с едой, а крысы, испытывавшие

жажду — к миске с водой. Чтобы эксперимент не вызывал никаких сомнений, Толмен использовал другую группу крыс, которые еще не были в лабиринте. Эту группу он тоже делил пополам и одной части не давал воды, а другой — пищи. Их тоже пускали в лабиринт и сравнивали время, в течение которого эти крысы находили воду или пищу, со временем первой группы. Оказалось, что во втором случае это время было значительно больше. По-видимому, у крыс, которые не хотели ни пить, ни есть, но знакомились с лабиринтом, в процессе такой «прогулки» формировались своеобразные знания о самом лабиринте и о расположенных там мисках с водой и едой. У животных происходит, как говорит Толмен, *«латентное научение»*. Продуктом такого научения являются располагающиеся между стимулом и реакцией *«промежуточные переменные»*, которые могут иметь самые разнообразные формы. В частности, у крыс в рассматриваемом эксперименте эти переменные формировались в виде *«когнитивных карт»*, которые помогали найти дорогу к пище и воде.

2.10.2.1. Б. Скиннер

Еще один представитель необихевиоризма, **Беррес Фредерик Скиннер (1904–1990)**, в 1928 г. поступил в аспирантуру Гарвардского университета по психологии — несмотря на то, что до этого ни разу не прослушал курса психологии. Скиннер разработал программу бихевиорального контроля общества, изобрел автоматизированный детский манеж и стал одним из главных вдохновителей и создателей методик модификации поведения и обучающих машин.

В результате опытов, в которых использовался инструментарий, похожий на тот, что применял Торндайк, то есть проблемный ящик, Б. Скиннер приходит к выводу о необходимости выделения особого вида по-

ведения, которое он называет «*оперантное научение*». Тем самым в некотором смысле Скиннер выступает с критикой теории условных рефлексов И. П. Павлова. Правда, это не была прямая критика. Скиннер говорит, что он и Павлов изучают разные формы поведения. Павлов исследует «*рефлекторное поведение*», то есть поведение, отвечающее на различные воздействия (собаке предъявили мясо — потекла слюна, и если одновременно в мире происходит еще что-нибудь, то вырабатывается условный рефлекс на это «происшествие»). Кроме того, Павлов фиксирует собаку ремнями, создает звуко- и светоизоляцию и т. п. Но исследователь, который хочет изучать поведение, должен исследовать животное, находящееся в свободном состоянии, утверждает Скиннер. Скиннер помещал животное в ящик, и в этом смысле животное в его экспериментах тоже было свободно не полностью. Но, по крайней мере, ограничения были минимальны. То есть фактически, отмечает Скиннер, мы наблюдаем за тем, что происходит с животным в обычной жизни. И в этих условиях оказывается, что животное производит те или иные действия, которые случайным образом подкрепляются или нет со стороны внешнего мира. В экспериментах Павлова сначала животное стимулировалось извне и производило соответствующую поведенческую реакцию. А Скиннер, по его словам, изучает «*оперантное поведение*», то есть реальное поведение, которое сопровождается теми или иными событиями в окружающей среде. Животное, пребывающее в проблемном ящике, в тот или иной момент совершает некоторое действие, вслед за которым происходит нечто полезное для животного (как правило, в ящик поступал кусочек пищи). Организм «связывает» эти два события, и таким образом происходит оперантное обучение. Таким образом, Скиннер противопоставляет это понятие понятию

И. П. Павлова «условно-рефлекторное научение».

Б. Скиннер также известен как автор теории программированного обучения. В соответствии с этим подходом материал, который необходимо выучить, следует разделить на мельчайшие части — теоремы, если мы изучаем математику, или слова, если речь идет об иностранном языке — и заучивать эти части по отдельности. При этом предполагалось, что эти части можно расположить в последовательность в соответствии со сложностью этого материала и содержательной зависимостью этих частей: от самого простого к самому сложному. Нельзя переходить к более сложному разделу, пока мы не заучили более простой. Выполняя эти правила, мы программируем процесс обучения, и у нас пропадает необходимость в учителе.

Тема программированного обучения была очень популярна во второй половине XX в. во многих странах, в том числе и в СССР. В частности, серию работ в этой сфере провели Н. Ф. Талызина и ее коллеги на кафедре педагогической психологии МГУ. Впрочем, внедрение теории Б. Скиннера в педагогическую практику столкнулось с непреодолимыми препятствиями. Главное из них — невозможность передать при помощи этой технологии особенности, нюансы, «обертоны», без понимания которых невозможно овладение материалом и которыми на уровне глубинных структур владеет только живой человек, преподаватель. Свои взгляды Б. Скиннер изложил в сотнях статей и десятках книг, среди которых отечественному читателю наиболее известны «Наука и человеческое поведение» (1953) и «По ту сторону свободы и достоинства» (1971). Большой резонанс вызвала другая работа Скиннера — социальная утопия «Уолден 2» (1963). Так, даже в 1990 г. было продано около двух с половиной миллионов экземпляров этой книги. В ней Скиннер изобразил в

беллетристической форме перспективы создания с помощью техники оперантного обусловливания нового справедливого социального устройства.

В 1958 г. Американская психологическая ассоциация вручила Б. Скиннеру премию «За выдающийся вклад в развитие науки». В 1968 г. он получил национальную медаль, что является высшей наградой, которой правительство Соединенных Штатов удостоивает за вклад в науку. В том же году Американский психологический фонд представил Скиннера к награждению золотой медалью; его фотография появилась на обложке журнала «Тайм». Скиннер много и плодотворно работал, будучи совсем не молодым человеком. В 1983 г. вышла его статья «Как сохранить интеллект в старости», а в 1986 г. — статья «Что неправильно в западном образе жизни?».

В 1989 г. у Б. Скиннера обнаружили лейкемию. После его смерти в 1990 г. редактор журнала «Американский психолог» писал о нем как об «одном из гигантов нашей области науки», который «оставил неизгладимый след в психологии». В том же году Скиннер отмечен занесением на доску почета Американской психологической ассоциации за большой вклад в психологию.

2.10.2.2. К. Халл

Американский психолог и математик **Кларк Халл (1884–1952)** — еще один классик необихевиоризма. В 1908 г. Халл заболел полиомиелитом, который сделал его инвалидом. Большую часть жизни Кларк Халл жестоко страдал от болезней и плохого зрения.

В 1918 г. К. Халл получил степень доктора философии в Висконсинском университете. В 1927 г. он впервые прочитал работы Павлова и заинтересовался проблемами формирования условных рефлексов и

научения. В 1929 г. Халл стал профессором Йельского университета. Халл считал, что в психологии следует выдвинуть несколько общих теорем (подобно геометрии Эвклида или механике Ньютона), подвергнуть их экспериментальной проверке и в случае, если они опытом не подтвердятся, преобразовать их в более адекватные положения. Свои взгляды Халл изложил в книге «Система поведения» (1952).

С именем К. Халла тесно связано понятие «робототехника». Он задался целью на основе теории необихевиоризма математически описать поведение человека. Халл создал целую научную школу, предпринявшую попытки создания технических аппаратов, которые имитировали бы поведение человека. Это была попытка претворить в жизнь мечты Дж. Уотсона о формировании идеального человека, но на основе не генетического, а технического материала.

Сегодня мы часто слышим о создании технических устройств, напоминающих человека. Особенно преуспели в этом японские инженеры. В основе этих работ лежат исследования необихевиористов. Правда, до сих пор роботы умеют копировать не самые сложные функции человека. Пожалуй, машина может принести тарелку с супом своему господину, но быть человеком у нее пока не получается.

2.10.3. Социобихевиоризм

Одно из направлений необихевиоризма, возникшее во второй половине XX в., получило наименование «социобихевиоризм». Его основателями считаются канадский психолог украинского происхождения **Альберт Бандура (1925–1988)**, получивший в 1952 г. степень доктора философии в университете штата Айова, и американский психолог и социолог **Джордж Герберт**

Мид (1863–1931).

В самом названии этого направления просматривается попытка использовать принципы бихевиоризма по отношению к реакциям человека, вызванным воздействиями со стороны его социального окружения. Конечно, не А. Бандура первым заговорил о социальных воздействиях, претерпеваемых человеком. Об этом рассуждали мыслители во все времена. В научной психологии наиболее заметны посвященные теме социальной обусловленности психики человека рассуждения представителей французской социологической школы, продолженные исследованиями Ж. Пиаже. О влиянии социального через сферу суперэго говорили психоаналитики. Исследования Бандуры отличаются именно бихевиористской насыщенностью его подхода. Человек здесь берется как организм, реагирующий на внешние воздействия, но, в отличие от классических бихевиористов и необихевиористов, Бандура ищет специфику реагирования на социальные раздражители и находит ее в механизме подражания: поведение человека формируется благодаря подражанию поведению других людей. В этой теории прослеживается скиннеровский подход: главное в формировании поведения — оперантное научение. Ребенок выполняет те или иные действия, наблюдая за взрослым и ожидая положительного или отрицательного подкрепления, в зависимости от того, соответствует или нет поведение ребенка позиции взрослого. Бандура эмпирически установил, что для подражания ребенок выбирает прежде всего сверстников своего пола.

Работы А. Бандуры пользовались большой популярностью. В 1974 г. он был избран президентом Американской психологической ассоциации; в 1980 г. получил награду «За выдающийся вклад в науку».

2.10.4. Нейролингвистическое программирование

Необихевиоризм в значительной степени повлиял на появление такого практического направления, как *нейролингвистическое программирование (НЛП)*. Представители этого направления считают, что поведение человека можно изменить, применяя особую систему привязок вызываемых реакций к тому или иному программируемому психологом стимулу, который называется «якорь». В дальнейшем встреча человека с таким якорем вызывает у человека автоматически происходящую поведенческую реакцию. Такие якоря могут фиксироваться во внутреннем мире человека даже без его ведома, что вызывает у представителей других психологических школ серьезные сомнения в соблюдении нейролингвистическими программистами этических норм. Существует мнение, что этот прием могут применять в своих целях нечистоплотные люди, что и послужило поводом для использования темы программирования людей во многих кинофильмах конца XX — начала XXI в.

2.10.5. Когнитивная психология

Эксперименты, описанные Э. Толменом, по мнению многих, положили начало новому направлению — когнитивной психологии. С этого времени психологи начинают рассуждать о необходимости изучения содержания так называемого черного ящика, то есть тех самых промежуточных переменных, о которых рассказал Толмен. Причем делалось это, так сказать, в кибернетическом варианте.

Кибернетика сформировалась после Второй мировой войны и оказала большое влияние на науку XX в. Основатель кибернетики — американский математик **Норберт Винер (1894–1964)** — определял ее как науку об общих законах управления в технических систе-

мах и живых организмах. Одним из основных рабочих терминов кибернетики стало понятие «черный ящик». Кибернетики считали, что для того чтобы управлять чем бы то ни было, нам совсем не обязательно знать содержимое «черного ящика», то есть устройство предмета управления. Действительно, разве нам важно устройство телевизора, холодильника или пылесоса? Главное, чтобы стимул вызывал соответствующую реакцию, то есть чтобы эти технические устройства при нажатии нужной кнопки выполняли свои функции. Такую логику кибернетики распространяли и на человека. Задача науки — управлять и тем самым формировать свой предмет, поэтому наша задача — настройка «промежуточных переменных», а не знания о них. Когда-то Толмен рассказывал о наблюдениях за одним экспериментатором, который неоднократно и одинаково толкал краба, а тот каждый раз реагировал по-разному. Так вот, задача кибернетики — так настроить то, что находится между стимулом и реакцией, чтобы на одинаковые стимулы краб реагировал одинаково.

Тот же принцип провозгласила когнитивная психология в своем первоначальном виде: мы должны заниматься не изучением познавательных структур, а управлением человеком. Возможно, нам придется изучать «промежуточные переменные», но только в том случае, если без такого познания мы не сможем управлять человеком. Конечно, как показала жизнь, оказалось невозможным установить желаемые связи без изучения внутреннего мира человека, который необихевиористы пытались подменить «промежуточными переменными».

В годы Второй мировой войны собственно психологическая проблематика, разумеется, отошла на второй план. Если психология и развивалась, то в направлении инженерно-психологических разработок.

Как сбивать самолеты противника, как уничтожать вражескую живую силу и т. п. вопросы, к сожалению, всегда выходят на первый план, когда идет война. Но сразу же после войны, в конце 40-х гг., наступила эра когнитивизма, представители которого постулировали в качестве своей задачи управление человеком. Теоретически их не интересовал внутренний мир человека. Главное было — добиться нужной реакции. Но практически, конечно, устройство этого «черного ящика», то есть познавательной сферы человека, не могло не вызвать интерес истинных исследователей. Поэтому в 50–60-е гг. прошлого века появляется множество эмпирических исследований, в которых фактически исследуется внутренний мир как сложная психологическая система. Естественным образом это привело к расширению предметной области: если начиналось все с так называемых познавательных процессов (память, внимание, мышление, восприятие), то в дальнейшем к исследованию привлекались и другие составляющие психики: потребности, мотивы, эмоции и т. п.

Как и психологи предыдущих эпох, когнитивисты выбрали для себя образец для подражания. На этот раз таким образцом выступила наука о компьютерах: человек стал рассматриваться как сложная техническая система, перерабатывающая информацию. В психологии появляется термин «компьютерная метафора» как символ когнитивизма. Свою задачу когнитивисты видели в построении модели своеобразного компьютероподобного человека. Действительно, если главное в человеке — интеллект и формальная логика, как об этом говорил Ж. Пиаже, то нам необходимо разобраться в законах осуществления логических процессов, логического мышления. Если мы затем изобразим эти процессы в виде компьютерных программ и эти программы, введенные в ЭВМ, смогут решать сложные логи-

ческие задачи, как это умеют делать люди, мы сделаем серьезный шаг на пути познания поведения человека. Так рассуждают когнитивисты.

Представители когнитивной психологии провели очень много интересных экспериментов, результаты которых зачастую выглядят неожиданно и даже неправдоподобно. Например, что может быть проще: запомнить три слова, а через полминуты воспроизвести их, как в эксперименте Ллойда и Маргарет Паттерсонов. Но оказалось, если эти тридцать секунд заполнить какой-нибудь умственной работой, например, производить обратный счет, отнимая от заданного экспериментатором числа по три каждую секунду, то человек не может вспомнить запомненные три слова. На основании подобных экспериментов когнитивные психологи пришли к выводу о существовании двух форм (блоков) памяти: кратковременной, где информация хранится 30–60 секунд, и долговременной, где информация хранится постоянно. Чтобы информация перешла из блока кратковременной памяти в блок долговременной памяти, ее необходимо осознанно повторять.

Когнитивисты Дж. Брунер, Дж. Миллер, У. Найссер, Д. Норман и др. создали множество моделей познавательной сферы человека. Разумеется, эти модели не претендовали на однозначное соответствие тому, что на самом деле представляет собой внутренний мир человека. Но такую задачу когнитивные психологи и не ставили. Главное, чтобы такие блоковые схемы позволяли нам адекватно прогнозировать соответствие между стимулами и реакциями, которые, впрочем, во второй половине XX в. тоже получили другие наименования: ввод и вывод информации. Если человек — это переработчик информации, то мы имеем право описывать его наподобие того, как это делают предста-

вители технических профессий. А в технике принято описывать изучаемые процессы в виде так называемых блок-схем. Так же поступили и когнитивисты. Они рассуждали следующим образом. Человек представляет собой совокупность блоков, через которые последовательно перемещается информация. В каждом из блоков информация подвергается переработке, отобразившей специфику данного блока. Первый блок, в который поступает информация, — ощущение. Из блока ощущений информация перемещается в блок восприятий. Затем очередь блоков памяти (которая, в свою очередь, делится на сенсорную, кратковременную и долговременную), мышления и т. д. Возникают новые вопросы: что такое кратковременная память, или ощущение, — проводятся все новые и новые эксперименты, возникают все новые и новые элементы блок-схемы.

Еще в 40-е гг. **Джордж Амигаж Миллер (1920–2012)** пишет статью, название которой сегодня почти превратилось в идиому: «Магическое число 7 плюс-минус два». С этого момента психологи утверждают, что таков объем кратковременной памяти.

Джером Сеймур Брунер (1915–2016) занимался проблемой категоризации. Главное, что он привнес в психологию, — идея, в соответствии с которой поступающая информация сначала подвергается обработке со стороны категорий, которые представляют собой основные элементы познавательной сферы человека. Память со стороны внутреннего мира сразу, в момент восприятия, начинает обрабатывать «сырые» элементы сенсорной информации, поступающей извне в когнитивную систему.

Ульрик Найссер (1928–2012) продолжает развивать тему, сформулированную Дж. Брунером. Специфика исследований Найссера связана с памятью чело-

века. На место категорий в теории Брунера он помещает «схемы» — более сложные образования, связывающие внутренний и внешний мир человека.

Еще один интересный факт, полученный когнитивными психологами, был исследован в так называемой ситуации вечеринки с коктейлем. Эта ситуация возникает, когда мы находимся в шумной компании. Вокруг нас — разговаривающие люди. Мы не слышим, о чем они говорят, и даже не прислушиваемся. Но если в этой толпе кто-то произносит наше имя, мы сразу реагируем, оборачиваемся: не нас ли позвали? Этот эмпирический факт привлек внимание исследователей **Дональда Эрика Бродбента (1926–1993)** и **Анны Мари Трейсман (род. 1935)**. Они начали использовать методику, придуманную инженером **Эдвардом Колином Черри (1914–1979)**. Он предлагал испытуемым надеть наушники, подавал на разные уши разную информацию, просил испытуемых повторять информацию, подававшуюся на одно ухо, а после завершения прослушивания испытуемые должны были рассказать, что они могут вспомнить из информации, подававшейся на другое ухо.

В результате многочисленных исследований Д. Бродбент, А. Трейсман и их коллеги пришли к выводу, что наиболее легко и быстро человек начинает осознавать ту информацию, которая имеет для него наибольшее значение, то есть информацию, наиболее осмысленную. Хотя, с точки зрения классического бихевиоризма, может показаться, что легче всего должна восприниматься наиболее сильная информация: чем громче или ярче стимул, тем скорее, казалось бы, мы должны обратить на него внимание.

Еще одно имя, которое стоит назвать среди наиболее известных когнитивистов, — **Джордж Келли (1905–1966)**, автор теории *личностных конструкторов*.

В соответствии с этой теорией человек конструирует реальность, создавая систему конструкторов, то есть категорий и других продуктов нашей рациональной деятельности. Система конструкторов пропускает через себя информацию, полученную человеком.

Таким образом, в работах Дж. Брунера, У. Найссера, Дж. Келли когнитивная психология вплотную подошла к идее, в соответствии с которой наш внутренний мир представляет собой систему, которая встречает поступающий извне поток информации и ассимилирует его, если воспользоваться терминологией Ж. Пиаже. Тем самым информация становится содержанием внутреннего мира человека. Причем происходит такая работа не по законам внешнего мира, а по законам самой информационной системы человека.

Постепенно общие подходы когнитивных психологов менялись. Они стали проявлять интерес не только к так называемым вводимой и выводимой информации. Становилось все более понятным, что без привлечения в блок-схемы новых элементов, в отношении которых оказывалось невозможным формализованное описание, мы не сможем проводить дальнейшие исследования. Кроме того, человек никогда не сможет избавиться от познавательного мотива, то есть от того интереса, который связан не только с изучением связей между входом и выходом информационной системы. Истинный психолог никогда не избавится от вопросов, что же все-таки там, внутри этой познавательной системы, как она устроена?

В связи с этим представители когнитивизма приступили к изучению самых разных областей внутреннего мира человека. **Леон Фестингер (1919–1989)** стал автором теории когнитивного диссонанса, в соответствии с которой люди стремятся к внутреннему равновесию между имеющейся у них и вновь поступающей

информацией. **Хайнц Хекхаузен (1926–1988)** рассматривает мотивы как условные, облегчающие понимание вспомогательные конструкты нашего мышления, вставляемые в схему объяснения действительности между наблюдаемыми исходными обстоятельствами и последующими актами поведения. **Джулиан Роттер (1916–2014)** вводит в психологический словарь термин «*локус контроля*», которым обозначает свойство личности приписывать свои успехи или неудачи либо только внутренним, либо только внешним факторам. Впрочем, если задаться целью назвать всех представителей когнитивизма, можно перечислить большинство американских (и не только американских) психологов XX в.

Когнитивную психологию трудно назвать школой. Когда мы произносим этот термин — «научная школа», в нашем сознании всплывает самое большее несколько десятков имен, придерживающихся взглядов своего основателя и работающих в особой лаборатории. Даже когда мы говорим о школе В. Вундта, ученики которого работали во все странах, мы помним, что у этой школы был особый научно-исследовательский центр — лейпцигская лаборатория, и руководитель, сформулировавший методологические принципы этой школы, — сам Вундт. В этом смысле когнитивная психология — вовсе не научная школа. Это поистине целое направление, движение, представители которого выражают мнение самых разных наук. Когнитивная психология не имеет одного лидера. Тем не менее во второй половине XX в. это движение буквально подавило своей активностью все другие психологические школы. В когнитивной психологии всегда работало множество разных специалистов, кроме психологов. Это были физиологи, математики, программисты, специалисты в области компьютерной техники и т. д. Со временем их

становилось все больше и больше. Удельный вес психологов сократился настолько, что логичнее стало называть это направление не когнитивной психологией, а когнитивной наукой, что и произошло в конце XX в. Одновременно одним из важнейших методов современной когнитивной науки стала томография, благодаря которой фиксируются состояния головного мозга, происходящие в результате различных воздействий на человека.

Сегодня издается большое количество периодических изданий, специализирующихся на публикации исследований когнитивных психологов: журналы «Когнитивная психология» (начал выходить в 1970 г.), «Познание», (1971), «Когнитивная терапия и исследования» (1977), «Когнитивная наука» (1977), «Память и познание» (1983) и др.

3. Философско-практическая психология

В психологии всегда существовали два основных направления, представители которых спорили друг с другом. В ходе этих дискуссий создавались новые подходы и психологические школы. Конечно, в спорах редко рождается истина, но всегда происходит оттачивание и уточнение взглядов и мнений участников дискуссии.

Одно из этих направлений — теоретико-экспериментальная психология, вершиной которой стал когнитивизм XX в. Представители этого направления в качестве главной задачи психологии рассматривают выделение элементарных составляющих предмета психологии и законов их объединения. Для этого мы должны проводить эмпирические исследования, результаты которых затем подвергаются теоретическим обобщениям.

Параллельно существовала другая линия исследований, представители которой, как мы это видели у У. Джемса, исходили из того, что «элементы» внутреннего мира — всего лишь абстракция, являющаяся продуктом мыслительной деятельности исследователя. Познать внутренний мир, считают эти психологи, можно, только проникнув в реальную жизнь человека, его практическую деятельность и философски осмыслив результаты такого проникновения. В середине XX в. такое видение человека развивалось в работах представителей экзистенциальной

и гуманистической психологии, возникших после Второй мировой войны. Эти две психологические школы настолько близки, что многие исследователи сегодня говорят о едином экзистенциально-гуманистическом направлении.

3.1. Ф. Brentano

В 1873 г. вышла книга В. Вундта «Физиологическая психология», а в 1874 г. увидела свет книга австрийского философа **Франца Brentano (1838–1917)** «Психология с эмпирической точки зрения», в которой автор полемизирует с Вундтом. В 1854 г. Brentano начинает изучать богословие в университетах Берлина, Мюнхена и Тюбингена. В 1864 г. он получил степень по философии в Тюбингене и был посвящен в духовный сан. Brentano стал католическим священником, но оставил эту деятельность из-за несогласия с догматом о непогрешимости папы. В 1866 г. он начал преподавать философию в университете Вюрцбурга, а в 1874 г. Brentano предложили место профессора философии в Венском университете, где он и работал до 1894 г., пока не ушел на покой.

Ф. Brentano возражал против представления В. Вундтом сознательного опыта в виде суммы его отдельных составляющих и утверждал, что психология должна изучать процесс осознания. Brentano указывает на очевидный эмпирический факт, который редко привлекает внимание психологов. Вундт хочет исследовать сознание как объективное явление. Но объективность означает независимость от внешнего мира. Однако встречал ли кто-нибудь сознание, которое не было бы связано с тем или иным предметом? Не бывает сознания «самого по себе», осознающего ничто, оно всегда осознает нечто, то есть направлено на какой-ни-

будь предмет. Направленность на предмет (*интенциональность*) является изначально присущим сознанию его качеством.

3.2. В. Дильтей

В те же годы, что В. Вундт и Ф. Brentano, создает свою концепцию *понимающей психологии* немецкий ученый **Вильгельм Дильтей (1833–1911)**. В 1894 г. появилась статья Дильтея «Идеи описательной психологии», где он представил основные положения своей теории.

В. Дильтей согласен с Р. Декартом в том, что существуют две независимые друг от друга субстанции. Наука должна заниматься протяженной субстанцией. Главный принцип, который должна использовать наука, — детерминизм, и в этом причинно-следственном подходе и состоит суть науки. Ведь ее главная задача — создание гипотез и их подтверждение. Гипотеза же есть создание причинно-следственной связи: если происходит событие *A*, то вслед за ним должно произойти событие *B*. А причинно-следственная связь всегда есть связь во времени: ведь сначала может произойти только причина, а уже потом — следствие. Значит, наука может работать только с такими предметами, которые располагаются не только в пространстве, но и во времени. А пространство и время — это атрибуты протяженной субстанции. Сознание же, как непротяженная субстанция, не обладает пространственно-временными характеристиками. Следовательно, сознание не может быть предметом науки, по крайней мере, в той ее форме, какой является естествознание.

Означает ли это, что наука о сознании невозможна? Нет, отвечает В. Дильтей. Наука о сознании возможна.

Но это должна быть другая наука. Если естествознание объясняет свой предмет, то есть является объяснительной наукой, то психология может быть только понимающей наукой, которая наблюдает и описывает свой предмет и, соответственно, понимает его.

Близкую В. Дильтею позицию развивал немецкий философ **Вильгельм Виндельбанд (1848–1915)**, который разделял науки на номотетические, то есть имеющие дело с законами, и идеографические, то есть изучающие единичные, неповторимые явления. Сходные идеи развивал его ученик **Генрих Риккерт (1863–1936)**.

Ученик В. Дильтея **Эдуард Шпрангер (1882–1963)**, который, собственно, и ввел термин «понимающая психология» (под влиянием учения о ценностях Риккерта), в своей книге «Формы жизни» (1913) выделил шесть основных человеческих ценностей, на основе которых формируются шесть жизненных форм или культурно-психологических типов, каждому из которых соответствует своеобразная структура мотивации, восприятия реальности, организации аффективно-эмоциональной сферы и т. д.

В период между двумя мировыми войнами это направление не получило значительного распространения в психологии. В это время как в Европе, так и в США особой популярностью пользовалось естественнонаучное направление, в первую очередь бихевиоризм. Однако страшные преступления против человечности, совершенные нацистами, изменили базовые оценки общественного сознания. Оказалось, что человеческое существо способно к таким поступкам, возможность которых не приходила в голову мирным обывателям. В связи с этим психологи задумались о необходимости пересмотреть базовые предпосылки подхода к человеку.

3.3. Гуманистическая психология

Гуманистическая психология возникла в 50-е гг. XX в. Представители этого направления заявили, что в первой половине XX в. в психологии доминировали две силы: психоанализ и бихевиоризм. Но человек не представляет собой биологическое образование, жизнь которого обусловлена сексуальными комплексами, как утверждают последователи З. Фрейда, и не может рассматриваться как лабораторная крыса, что следует из подхода бихевиористов. Нужен новый подход к человеку. Такой подход предлагает *третья сила*, как стали называть себя гуманистические психологи. Главная задача, которую должна решить психология, — найти такой предмет, который действительно отображал бы основные качества внутреннего мира человека. По мнению гуманистических психологов, таким предметом должны стать *глубинные переживания* человека: любовь, счастье, горе, чувство свободы, ненависть, религиозные чувства и т. п. Человек здесь рассматривается как его переживания. Такие переживания не поддаются измерению в современной науке⁴¹. Но такие переживания не поддаются не только измерению, но и описанию. Действительно, хорошо умея отличить счастье от горя, переживая эти чувства, мы затрудняемся определить их: мы знаем, что это такое, но не можем об этом рассказать.

Основателями гуманистической школы стали американские психологи А. Маслоу и К. Роджерс. Активность Маслоу, Роджерса и их единомышленников способствовала быстрому распространению идей гумани-

⁴¹ Хотя, с точки зрения психофизики С. Стивенса, количественный подход к переживаниям человека возможен. Ведь в этом случае мы должны измерять не соотношение силы внешних стимулов и внутренних ощущений, а именно разницу между внутренними ощущениями с точки зрения переживающего субъекта.

стической психологии. В 1961 г. в США был основан «Журнал гуманистической психологии», в 1962 г. появляется Ассоциация гуманистической психологии.

3.3.1. А. Маслоу

Абрахам Маслоу (1908–1970) родился в Нью-Йорке. Он автор идеи о необходимости формирования третьего пути, третьего психологического направления, альтернативного психоанализу и бихевиоризму. В 1934 г. Маслоу получил научную степень доктора философии. В 1951–1969 гг. он работал в университете Брэндис (г. Вальгхэм), где занимал пост председателя психологического отделения. В 1954 г. вышла известная книга Маслоу «Мотивация и личность». В 1967 г. Маслоу был избран президентом Американской психологической ассоциации.

А. Маслоу ввел в психологию термин «*самоактуализация*», который быстро приобрел популярность не только среди психологов, но и далеко за пределами психологии. Интересна история возникновения этого термина. Маслоу высоко оценивал научные достижения и человеческие качества М. Вертгеймера, с которым познакомился во второй половине 30-х гг. Вертгеймер настолько впечатлил Маслоу, что тот придумал для основателя гештальтпсихологии специальный термин — «самоактуализированный человек». Маслоу решил найти признаки самоактуализации. Для этого он использовал биографические данные некоторых знаменитых людей, которых он считал такими же «самоактуализированными»: президентов США, ученых, философов⁴². Изучив эти данные, Маслоу выделил ряд

⁴² Заметим: самоактуализированными у А. Маслоу оказались те люди, которых сам Маслоу считал самоактуализированными.

признаков, характерных для самоактуализированных людей:

- эффективное восприятие реальности и комфортные взаимоотношения с ней;
- принятие себя, других и природы;
- спонтанность, простота и естественность;
- центрированность на проблеме;
- отстраненность, потребность в уединении;
- автономия: независимость от культуры и окружения;
- свежесть восприятия;
- высшие переживания;
- чувство общности с человечеством в целом;
- избирательность и глубина межличностных отношений;
- демократичность;
- разграничение средств и целей, устойчивые морально-нравственные принципы;
- философское чувство юмора;
- креативность;
- сопротивление культурным влияниям.

А. Маслоу так увлекся идеей самоактуализации, что назвал ее высшей потребностью человека. К этой потребности идет каждый человек, но для ее достижения необходимо преодолеть ряд потребностных стадий. Из этой идеи вырастает так называемая *пирамида Маслоу*, являющаяся сегодня популярным концептом обыденного сознания. Смысл этой концепции состоит в том, что пока не пройден каждый из нижних уровней потребностной сферы человека, достижение более высокого уровня невозможно: пока не удовлетворены низшие потребности, не могут быть удовлетворены потребности более высокого ранга. Самым низшим уровнем в этой системе являются физиологические потребности. Затем следует потребность в безопас-

ности, потребность в любви, потребность в уважении и, наконец, потребность в самоактуализации. Маслоу выделил еще две существенные потребности человека: познавательную и эстетическую, но не сумел найти их место в иерархии.

Вначале А. Маслоу настаивал на том, что ни одна из вышерасположенных потребностей не может быть удовлетворена, пока не найдет свое удовлетворение предыдущая потребность. Это вызвало критику его коллег, и в дальнейшем Маслоу стал говорить о возможных исключениях из этого правила.

3.3.2. К. Роджерс

Одним из создателей гуманистической психологии стал американский психолог и психотерапевт **Карл Рэнсом Роджерс (1902–1987)**, развивавший личностно ориентированную (или человекоцентрированную) психологию и психотерапию⁴³. Роджерс родился в предместьях Чикаго, в 1914 г. его семья переехала на ферму. Мальчик всегда испытывал чувство одиночества, а после переезда у него проявилась сильная тяга к природе и осмыслению управляющих ею законов. Он хотел стать фермером и поступил в Висконсинский университет, где изучал земледелие. Однако здесь он обратился к религиозным размышлениям и в 1922 г. даже был избран в состав студенческой делегации для поездки в Китай на Всемирный конгресс Христианской студенческой ассоциации и стал готовиться

⁴³ Сначала К. Роджерс называл свой подход клиент-центрированной психотерапией. Но позже он вышел за пределы психотерапии и начал применять свои теоретические и практические наработки в других сферах психологической практики, например в школе. Разумеется, школьников нельзя было называть клиентами Роджерса. Поэтому он меняет название своего подхода.

к карьере священника. Но затем Роджерс переехал в Нью-Йорк, где окончил педагогический колледж при Колумбийском университете. Там он получил степень магистра в 1928 г. и степень доктора клинической психологии в 1931 г. В 1939 г. вышла первая книга Роджерса «Клиническая работа с проблемными детьми».

С 1940 г. К. Роджерс начал академическую карьеру. В 1945 г. Чикагский университет предоставил ему возможность открыть консультационный центр, в котором Роджерс разрабатывал основы своей «недирективной терапии, центрированной на клиенте». В 1946 г. Роджерс был избран президентом Американской психологической ассоциации, получил награды «За выдающиеся научные достижения» и «За выдающийся профессиональный вклад». В 1957 г. он переходит в Висконсинский университет, где ведет курсы психиатрии и психологии. В 60–70-х гг. Роджерс обращается к педагогической проблематике, перенося свои теоретические наработки, полученные в ходе построения психотерапевтической практики, в образовательный процесс. С 1968 г. и до конца жизни он работал в калифорнийском Центре по изучению человека. В 1987 г. Карл Роджерс скончался во время операции на сломанном бедре. Результаты своей работы Роджерс изложил в многочисленных статьях и монографиях: «Терапия, центрированная на клиенте» (1951), «Становясь личностью» (1961), «Свобода учиться» (1969) и др.

К. Роджерс ввел в психотерапию термин «*клиент*», утверждая, что слово «пациент» абсолютно не соответствует тому запросу, который адресует психотерапевту человек, обращающийся за помощью. Термин «пациент» использовался со времен З. Фрейда и действительно обозначал человека, обращающегося за помощью к врачу. Но к психотерапевту обращается не больной, а здоровый человек, испытывающий пси-

хологический дискомфорт. Впрочем, отношение к человеку, приходящему на прием к психотерапевту, как к пациенту и сегодня сохраняется в сознании многих людей. А это вызывает опасение прослыть больным, более того, человеком с психическим заболеванием, в глазах друзей и знакомых.

По мнению К. Роджерса, человек (и клиент, и психотерапевт) должен быть *конгруэнтным*, то есть соответствовать внутреннему миру человека, с которым вступает во взаимодействие. Чтобы достичь конгруэнтности, необходимо стремиться к согласованности нашего сознания, внутреннего опыта и выражения этого опыта в процессе общения. Если такого соответствия нет, в человеке нарастает напряженность и тревожность, наступает невротизация личности. Исправить такое состояние — задача психотерапевта.

Еще один важный принцип К. Роджерса — умение *жить в настоящем*. Именно настоящее должен научиться оценивать на приеме у психотерапевта его клиент. Психотерапевт должен подвести клиента к мысли о важности этого, конкретного момента его жизни, момента «здесь и сейчас». Поскольку вся наша жизнь складывается из таких моментов, задача человека состоит в том, чтобы научиться ими пользоваться, находить смысл этого момента. Термин «здесь и сейчас» прочно вошел в понятийный аппарат экзистенциально-гуманистической психотерапии и активно используется ее представителями.

Еще один принцип — формирование *чувства ответственности за свои действия* у клиента. В частности, в ходе психотерапии отвечать за то, что произойдет с клиентом, должен он сам, а не психотерапевт. Разумеется, это необходимо не для того, чтобы избавить терапевта от ответственности за свои деяния. Главное — человек, испытывающий психологические

проблемы, должен самостоятельно их решать, а для этого он и должен обладать чувством ответственности, уметь и быть готовым отвечать за свои поступки. Психотерапевт может только помочь клиенту, но не может за него решать проблемы.

Отсюда следует стилистика ведения сеанса психотерапевтом. Он не должен делать утвердительных высказываний. Лучше задавать клиенту вопросы, на которые он будет отвечать, принимая тем самым на себя ответственность за свои дальнейшие действия. Надо отметить, что этот прием похож на метод майевтики, применявшийся древнегреческим философом Сократом в целях постижения истины его собеседниками. Используя этот метод, терапевт облегчает, *фасилитирует*, как говорит К. Роджерс, путь клиента к верному выбору. Фасилитация — создание условий, которые делают более легкой дорогу клиента к психологическому здоровью. Психотерапевт должен создавать своеобразную дорогу, которая направляет клиента в нужную сторону. Может быть, уместно представить эту дорогу в виде своеобразного канала с мягкими стенками и с небольшим уклоном, который определяет траекторию такого движения клиента. Разумеется, создание таких фасилитирующих условий требует от психотерапевта значительных творческих усилий.

К. Роджерс поступает так же, как многие хорошие врачи, утверждающие, что невозможно вылечить человека, если он этого не захочет. Можно, конечно, поместить сломанную ногу в гипс и дожидаться, пока кость срастется. Можно дать человеку, испытывающему головную боль, таблетку и вызвать кратковременное облегчение. Но это не будет истинное исцеление: нога будет болеть, а действие таблетки скоро пройдет. Мы должны, говорят такие врачи, воспринимать человека как целостное образование и лечить не отдельный

орган, а человека, то есть осуществлять системный подход⁴⁴. С точки зрения психолога это значит, что мы должны не просто лечить отдельный орган, а менять отношение человека к своему существованию, к своему здоровью. Такой пациент должен принять ответственность за свое психическое состояние. Клиент должен сказать себе: никто не сможет изменить меня, если я сам не изменюсь. И еще: если нельзя изменить мир, можно изменить мое отношение к миру. Психотерапевт — только помощник клиента, так же как врач — помощник пациента, посредник между человеком и его здоровьем. Психотерапевт не может изменить мир по заказу клиента, он может только помочь клиенту изменить свое отношение к миру.

Для того чтобы психотерапевтическая работа была наиболее эффективной, К. Роджерс предлагает особый метод — *эмпатию*⁴⁵. Метод эмпатии подразумевает вчувствование психотерапевта во внутренний мир клиента. Иными словами, необходимо пытаться испытывать те переживания, которые здесь и сейчас испытывает другой человек. Следует заметить, что современные специалисты указывают на важную проблему, с которой сталкивается психотерапевт,

⁴⁴ Человека как целое могут изучать разные науки. Например, такой подход существует в физиологии. Одним из его представителей является канадский врач и физиолог Г. Селье, автор теории стресса.

⁴⁵ К. Роджерс не является автором термина «эмпатия». Еще в конце XIX в. немецкий психолог и культуролог Т. Липпис использовал термин «вчувствование», который сегодня многие психологи считают синонимом термина «эмпатия». Сам Липпис употреблял понятие «вчувствование» для объяснения отношения человека к произведению искусства: человек не может объяснить ту волну переживаний, которую в нем вызывает замечательная картина, опера или роман. Человек может только вчувствоваться в такое произведение, то есть проявить по отношению к нему эмпатию, если воспользоваться современным пониманием этого термина.

использующий такой прием. Психотерапевт сталкивается с опасностью оказаться в состоянии сгорания (своеобразной деквалификации, вызванной чрезмерными профессиональными нагрузками). Тем самым каждый психотерапевт должен решить для себя сложную этическую проблему: какой должна быть глубина эмпатического проникновения, чтобы оно было безопасно для него самого. Действительно, на прием к психотерапевту приходят люди, чтобы избавиться от отрицательных переживаний, переполняющих их. Именно в это негативное пространство должен погружаться психолог.

Сначала К. Роджерс назвал свое учение клиент-центрированной психотерапией. Однако в дальнейшем стало понятно, что эта теория выходит за пределы психотерапевтической практики, особенно когда Роджерс решил применить свои наработки в образовании, и на смену первому пришло другое название: человекоцентрированная психология. Для этого направления характерны следующие положения, раскрывающие его гуманистическую суть:

- уважать себя и других людей;
- человека надо не поучать, а показывать дорогу к обновлению;
- учиться не для других, а для себя;
- руководствоваться собственным опытом;
- создавать свои программы достижения цели;
- уметь оценивать свою работу;
- стремиться к взаимопониманию;
- не прерывать процесс фасилитации;
- требовать от себя и от других дисциплины.

Надо сказать, гуманистическая психология сформулировала определенные принципы, которым должен следовать любой представитель этого направления:

- подчеркивание роли сознательного опыта;

— убежденность в целостном характере природы человека;

— акцент на свободе воли и творческом потенциале человека;

— внимательное изучение всех обстоятельств жизни человека, обратившегося за помощью.

И все же гуманистическая психология так и не стала полноценной психологической школой — такой вердикт в 1985 г. вынесли ей сами приверженцы этого направления на своем собрании.

3.4. Экзистенциальное направление в XIX в.

Предмет экзистенциальной психологии практически совпадает с предметом гуманистической психологии. Однако коренное отличие экзистенциалистов — обращенность к философским источникам, прежде всего к экзистенциальной философии. Именно поэтому понять особенности экзистенциальной психологии сложно, если не знать о философских источниках этого направления.

В качестве своей теоретико-методологической опоры экзистенциальные психологи сделали особое философское направление, возникшее в первой половине XIX в.: экзистенциальную философию. Начало этому направлению положила критика учения немецкого философа конца XVIII — начала XIX в. Г. Гегеля.

Зимой 1841 г. группа европейцев посещала лекции другого известного немецкого философа, Ф. Шеллинга, которые он читал в Берлинском университете. Эти лекции как раз и были посвящены подробному критическому анализу гегельянства. На лекциях присутствовали такие известные люди, как один из основателей марксизма Ф. Энгельс, русский марксист М. Бакунин, датский философ С. Кьеркегор, который впоследствии

стал основателем экзистенциальной философии. Можно сказать, что на этих лекциях Шеллинга происходит зарождение, с одной стороны, философии марксизма, а с другой — экзистенциальной философии. Обе эти философские ветви в XIX в. ставили своей главной задачей освобождение человека⁴⁶. В 1843 г. вышла книга Кьеркегора «Страх и трепет», в 1844 г. — «Философские заметки» Кьеркегора и «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса, в которых их авторы сформулировали свои мысли по этому поводу. Правда, свободу человека эти философы понимали по-разному.

К середине XIX в. оформилась философская система, которая в дальнейшем оказала чрезвычайно большое влияние на мировоззрение людей в XX в. Ее автором стал немецкий философ и экономист **Карл Маркс (1818–1883)**. Вместе со своим коллегой и другом **Фридрихом Энгельсом (1820–1895)** Маркс создает учение, которое его последователи называли *диалектическим материализмом*. В основе этого философского направления лежали взгляды Г. Гегеля о саморазвитии, а также экономическая теория шотландского экономиста XVIII в. **Адама Смита (1723–1790)** и английского экономиста **Давида Рикардо (1772–1823)**. Смит и Рикардо были пропагандистами полной экономической свободы. Поскольку человек эгоистичен и стремится к выгоде, то самых приспособленных «невидимая рука рынка» сделает более богатыми. Рикардо показал, что свободная торговля ведет к специализации производств в разных странах, повышая

⁴⁶ Возникновение антигегелевских школ в философии XIX в. не означает, что их представители окончательно порывали с философией великого немецкого мыслителя. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс называли себя младогегельянцами, поскольку своей основной задачей видели обновление гегелевской философии, а не ее уничтожение. Как и Г. Гегель, марксисты и экзистенциалисты на первое место ставили проблему внутреннего саморазвития человека, его свободы.

тем самым уровень жизни людей. Маркс, соглашаясь в целом со своими предшественниками и основываясь на философии Гегеля, высказал мысль о том, что рыночная экономика является главным поработителем человека и в конце концов именно «невидимая рука рынка» приведет общество к революционным изменениям, позволив человеку получить свободу. Марксисты считали, что человека необходимо освободить прежде всего от «экономического рабства». Отсюда — главная работа К. Маркса «Капитал», в которой излагается новое для того времени экономическое учение⁴⁷.

Сёрен Кьеркегор (1813–1855) в своих книгах впервые изложил идеи, которые в дальнейшем стали считаться первыми трудами экзистенциальной философии. В них называлось другое направление освобождения человека: человек должен быть освобожден прежде всего внутренне. Для этого необходимо проанализировать глубинные переживания, среди которых важнейшее место занимает чувство страха, преодоление которого и приведет к освобождению человека.

Во второй половине XIX в. эту линию продолжил немецкий философ **Фридрих Ницше (1844–1900)**, в своих книгах высказывавший своеобразное мнение о морали человека, не имеющего нравственного чувства от рождения. Человек эпохи Возрождения, по мнению Ницше, был гораздо значительнее, духовно богаче, чем человек XIX в.⁴⁸

⁴⁷ В дальнейшем марксизм стал основной философской базой для советской психологии.

⁴⁸ Многие психологи уверены, что в работах З. Фрейда так много линий, связывающих его теорию с философией Ф. Ницше, что странным выглядит полное отсутствие упоминаний Ницше в текстах Фрейда. Одному из известнейших психотерапевтов XX в. Ирвину Ялому это показалось настолько странным, что он даже написал роман «Когда Ницше плакал». В нем Ялом изложил свою версию события, которого никогда не было, описал выдуманную историю обращения пациента Ницше к психоаналитику Фрейду.

Новое философско-психологическое мировоззрение, как всегда, нашло свое представительство в искусстве в виде возникшего в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. так называемого символизма. Французский поэт **Стефан Малларме (1842–1898)** противопоставил свой подход позиции так называемых парнасцев, которые утверждали, что поэт должен описывать чувственно воспринимаемые явления. По Малларме, поэзия не «показывает» (парнасский лозунг), а внушает. Видимый покров явлений — лишь внешняя, преходящая их сторона. Свое интуитивное познание поэт выражает символически. К числу литераторов, близких к символизму, можно причислить датского писателя, «поэта прозы», как его называли современники, **Йенса Петера Якобсена (1847–1885)**, английского поэта **Альфреда Теннисона (1809–1892)**, бельгийского писателя и драматурга **Мориса Полидора Мари Бернара Метерлинка (1862–1949)**, русского поэта **Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949)**. В живописи назовем французских постимпрессионистов, таких как **Поль Гоген (1848–1903)**.

Исследования символистического отношения человека к миру продолжил философ неокантианского направления **Эрнст Кассирер (1874–1945)**, считавший человека животным, создающим символы.

Гуманистические традиции активно пропагандировал немецкий философ культуры **Альберт Швейцер (1875–1965)**, утверждавший несомненный приоритет нравственных ценностей над материальными.

Фундаментальным основанием экзистенциально-гуманистической психологии является феноменологическое направление в философии, основателем которого стал немецкий логик и математик **Эдмунд Гуссерль (1859–1938)**. Методологические основы гуманистического направления активно разрабатывал

американский философ испанского происхождения **Джордж Сантаяна (1863–1952)**.

В середине 50-х — 60-х гг. XX в. экзистенциализм воспринимался как идеология протеста в среде интеллигенции, людей творческих профессий, студенчества. Этот протест был направлен против существовавших устоев государств, против бюрократии⁴⁹. Протестанты приводили в подтверждение своей правоты ссылки на философов, которых сегодня мы называем классиками экзистенциализма XX в. Одним из них стал немецкий философ **Мартин Хайдеггер (1889–1976)**. Свою главную книгу «Бытие и время» Хайдеггер написал в 1927 г. В годы нацизма он жил в Германии, не эмигрировал и не подвергался репрессиям. Более того, он стал членом нацистской партии в 1933 г., то есть сразу после прихода Гитлера к власти, активно поддерживал нацистов. После войны за такую осознанную позицию он был подвергнут запрету на преподавание до 1951 г.

Другие известные философы-экзистенциалисты — французы **Альбер Камю (1913–1960)** и **Жан-Поль Сартр (1905–1980)**. Политические пристрастия Сартра были прямо противоположны пристрастиям Хайдеггера. Если Хайдеггер был нацистом, то Сартр и Камю боролись с фашистами в подполье, а Сартр к тому же был членом французской компартии. Политические разногласия между Сартром и М. Хайдеггером были настолько велики, что когда Хайдеггер узнал, что Сартр называет себя экзистенциалистом, заявил, что он (Хайдеггер) — не экзистенциалист. Проникали идеи экзистенциализма и в советскую науку. Например, близки экзистенциализму идеи **Мераба Константиновича Мамардашвили (1930–1990)** — советского

⁴⁹ К концу 60-х гг. это движение чуть было не привело к революционным событиям в Европе (прежде всего, во Франции).

философа, много занимавшегося психологическими проблемами.

В 1924 г. испанский философ и социолог **Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955)** разработал и частично опубликовал идеи, похожие на идеи Хайдеггера, изложенные им в 1927 г.

Лидером теологического направления в экзистенциализме был немецкий философ **Пауль Тиллих (1886–1965)**. Для Тиллиха характерно тяготение к интимно-индивидуальному сопереживанию основ культуры. Такое переживание неизбежно ведет к абсолютным ценностным измерениям бытия, в пределе — к опыту постижения святости и Бога.

3.5. Экзистенциальная психология

В начале XX в. экзистенциальную психологию начал разрабатывать немецкий психиатр **Карл Ясперс (1883–1969)**. В 1913 г. Ясперс защищает докторскую диссертацию, которая в том же году была издана в виде фундаментального труда «Общая психопатология», до сих пор являющегося классическим пособием для клинических психологов. Но сразу же он оставляет патопсихологическую практику и начинает работу над созданием экзистенциально-психологической теории. Задача психологического исследования, с точки зрения Ясперса, состоит в том, чтобы вывести человеческую экзистенцию за пределы ограничительных антиномий, которыми она окружает себя.

В 30-е гг. сходные интерпретации возникли в контексте психологических психотерапевтических практик, в частности в теории швейцарского психиатра **Людвига Бинсвангера (1881–1966)**. В своей психотерапевтической практике Бинсвангер пытался анализировать своих пациентов как существ, преисполненных

смыслом. В 1930 г. вышла книга Бинсвангера «Сновидение и существование». В дальнейшем экзистенциальные психологи и психотерапевты предложили идею, в соответствии с которой психопатологию необходимо рассматривать в контексте индивидуального восприятия времени и пространства. Эту точку зрения одним из первых высказал французский психотерапевт **Эжен Минковски (1885–1972)**, в частности, в 1922 г. в исследовании пациента, которого он в 1923 г. описал в «Случае шизофренической депрессии». Свою концепцию Минковски изложил в книге «Живое время» (1933).

Л. Бинсвангер считается первым экзистенциальным психотерапевтом. Заметим, что экзистенциальная психология отличается от других психологических школ следующей чертой. Обычно то или иное практическое направление психологии основывается на уже существующей теоретической школе: сначала возник бихевиоризм, а затем на его базе возникли практические разработки (от программированного обучения Скиннера до бихевиоральной психотерапии), сначала возникла когнитивная психология, а затем — когнитивная психотерапия. Обратную картину мы наблюдаем при создании экзистенциальной психологии. Сначала возникла экзистенциальная психотерапия. Как раз ее автором и стал Бинсвангер. Только через четверть века происходит становление соответствующей теоретической школы — экзистенциальной психологии.

30-е гг. XX в. — время расцвета психоанализа. Именно в это время Л. Бинсвангер заявил, что его не устраивает биологизаторский подход психоаналитиков. Он начинает разговор о новом предмете, которым должны заниматься психологи и который через четверть века получит свое развитие в гуманистической и экзистенциальной психологии. Но у Бинсвангера прослеживается особый подход, который заставляет нас сегодня

считать его основателем именно экзистенциальной психологии. Главное для Бинсвангера — разобраться, как глубинные переживания человека соотносятся с пространственно-временным контекстом, в котором пребывает человек и который составляют не только внешний контекст человека, но и контекст тех самых глубинных переживаний, о которых говорили философы-экзистенциалисты. Что первично: пространство и время или человек, — на этот вопрос Бинсвангер не дает ответ, но он оказался среди тех, кто этот вопрос поставил. И такая постановка была чем-то неожиданным и странным для большинства естествоиспытателей первой половины XX в. По Бинсвангеру, пространственно-временные составляющие нашего внутреннего мира трансформируют наши переживания, и именно в таком трансформированном виде они предстают перед нашим сознанием. Бинсвангер обращается не просто к глубинно-психологическим, а к философским пластам нашего внутреннего мира. Без философии невозможно понять то, о чем он рассуждает. С Бинсвангера в психологии начинается процесс, который, казалось бы, навсегда остановил В. Вундт — процесс возвращения к философским первоисточкам, процесс философского осмысления человека. Если психологи школы Вундта заявляли, что их предшественники занимались философской схоластикой и понимали под схоластикой совершенно бесплодные умозрительные рассуждения, то экзистенциальные психологи сделали прямо противоположное заявление: без философии нельзя понять человека. Именно этим обусловлен интерес психологов второй половины XX в. к именам двух замечательных философов, возродивших экзистенциальную линию: С. Кьеркегора и Ф. Ницше.

Когда возник фрейдизм, многие психологи стали заниматься его практическим применением — психо-

анализом. За несколько десятилетий, прошедших с момента возникновения психоанализа и до появления особой точки зрения на механизмы, руководящие побуждениями человека, точка зрения практикующих психологов стала меняться. Многие из них усомнились в правильности теоретических рассуждений З. Фрейда. Одним из таких исследователей был Л. Бинсвангер, который начал рассматривать человека как целостное существо. При этом он призывал психологов учитывать понимание и соотношение пространственных и временных составляющих в психике человека: пока мы не поймем роль и место отображения пространства и времени в психологической системе, нам очень сложно помочь человеку.

Человек, утверждал Бинсвангер, не является биологическим существом. Эта идея радикально противостояла фрейдистским и бихевиористским взглядам на человека. Л. Бинсвангер говорил о трех уровнях, составляющих внутренний мир человека⁵⁰. Одна из этих составляющих — взаимодействие с природой. Второй уровень — взаимодействие с другими людьми, находящимися во внешнем мире. Третий уровень — взаимодействие с людьми, которые находятся «внутри» человека. Поскольку такое взаимодействие происходит всегда во внутреннем плане, этот уровень можно считать уровнем взаимодействия с самим собой.

Поскольку Л. Бинсвангер был не столько теоретиком, сколько практикующим психотерапевтом, его считают основателем экзистенциальной психотерапии. А возникновение собственно экзистенциальной

⁵⁰ Можно соотнести эту идею Л. Бинсвангера с теорией структуры души Аристотеля. В этой теории душа человека имеет три составляющие: растительную, животную и собственно человеческую, разумную.

психологии относят лишь ко второй половине 50-х гг. XX в. Среди ее основателей мы встречаем тех же психологов, которые стали создателями гуманистической психологии. Так, на одном из первых симпозиумов по экзистенциальной психологии, прошедшем в 1959 г. в США⁵¹, были представлены работы не только психотерапевтов Л. Бинсвангера, Э. Минковски, Г. Элленбергера, но и таких гуманистических психологов, как К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт. Экзистенциальная и гуманистическая психологии оказались настолько близки по своим теоретическим подходам, что во второй половине XX в. появился термин «экзистенциально-гуманистическая психология».

Своим предметом экзистенциальные психологи считают (как и представители гуманистической психологии) глубинные переживания человека. Как гуманистические, так и экзистенциальные психологи работают в контексте собственно психологической науки с опорой на психотерапевтическую практику. Психотерапия становится одним из основных методов гуманистической психологии, как, впрочем, и психологии экзистенциальной. Психотерапия к концу XX в. не только превратилась в способ оказания помощи людям, испытывающим психологический дискомфорт, но и стала методом изучения человека. Человека, считают представители этих направлений, лучше изучать в практике, и такой практикой может и должен стать психотерапевтический сеанс.

Но все-таки можно найти некоторые черточки, которые позволяют отличить экзистенциальную психологию от гуманистической. Дело в том, что экзи-

⁵¹ Материалы этого симпозиума были переведены на русский язык и изданы отдельной книгой (Экзистенциальная психология. М., 2001).

стенциальная психология в большой степени опирается на философию. В связи с этим в психологии происходит заметный возврат к тому, от чего предостерегали создатели естественнонаучного направления в психологии, утверждавшие, что психология должна вырваться из оков философии и стать позитивной наукой. Философия не может быть полезна для такой науки, поскольку в основном состоит из бесполезных, схоластических рассуждений. Экзистенциальные психологи в своих работах опять начинают привлекать наше внимание к работам философов. Причиной этого стал принципиальный тезис экзистенциально-гуманистической психологии о целостности предмета психологии. Именно это положение всегда вызывало недоверие психологов-естествоиспытателей, пытавшихся по отдельности изучать так называемые психические функции: память, восприятие, внимание, потребности, эмоции и т. д. Экзистенциально-гуманистические психологи ставят вопрос прямо противоположным образом: только если мы поймем, что такое человек со своими глубинными переживаниями, мы сможем дать ответ на вопрос, что такое память, восприятие, эмоция и другие психические функции. Но человек как целое всегда был и остается предметом философии. Ведь чувственное восприятие, на которое призывает опираться естествознание, может дать нам только отдельные проявления человека. Более того, разве можем мы понять, что такое пространство и время как внутренние составляющие человеческого мира, не привлекая философию?

Если мы рассмотрим пирамиду Маслоу с позиций одного из видных экзистенциальных психологов **Виктора Франкла (1905–1997)**, то окажется, что жесткая иерархия этой пирамиды не выдерживает критики. Аналогичную позицию еще до работ

Франкла сформулировал основатель гуманистического психоанализа Э. Фромм, развивавший свою теорию на базе марксистской философии. Именно с точки зрения марксизма человек не сводим к своим биологическим составляющим. Известна гипотетическая дискуссия марксиста с его предполагаемым оппонентом. Марксист говорит: человек все делает как социальное существо. Мы подвергаем пищу термической обработке, а не едим ее сырой, как животные. Мы спим в домах на постельном белье, а не роем себе норы, и т. д. Оппонент отвечает: попробуйте не давать человеку еды несколько дней, и вы увидите, как он будет разрывать сырое мясо и поедать его, словно зверь. Нет, отвечает марксист, человек не зверь, но когда он не получает пищу или находится в ситуации смертельной опасности, та легкая вуаль, которая делает человека человеком, разрушается, и мы, действительно, можем обнаружить животное, в которое превратился человек. Но это именно не человек, утративший свою сущность, а биологическое существо. Говорить об иерархии человеческих потребностей по отношению к такому существу бессмысленно.

Эту марксистскую логику (не будучи марксистом) подтвердил своим опытом пребывания в фашистском концлагере во время Второй мировой войны австрийский психиатр и психотерапевт В. Франкл⁵². Вся семья Франкла попала в разные нацистские застенки. Сам Франкл, описывая людей, которые несколько лет находились в лагере рядом с ним и теряли свое челове-

⁵² Свое ужасное пребывание в фашистском концлагере В. Франкл описал в книге «Сказать жизни "да"». Эта небольшая книжка может быть рекомендована современным читателям в качестве «прививки» от вируса фашизма. Ее содержание вряд ли оставит кого-либо безразличным.

ческое обличье, утверждает, что его самого от погружения в животное состояние спасла надежда увидеть свою семью (он не знал, что его семья была уничтожена фашистами), придававшая смысл его жизни. Другой важный смысл его существования состоял в создании записей, которые после войны стали книгой. Эти записи он делал по ночам на грязных клочках бумаги найденными кусочками грифеля. Однажды надзиратели нашли его рукопись и уничтожили ее, но Франкл опять начал делать свои записи.

Практически у всех, кто попадал в концлагерь, были разрушены «нижние» уровни человеческих потребностей (если пользоваться терминологией А. Маслоу). Заключение было близко к смерти от недоедания, а про уровень безопасности и говорить не приходится — каждую минуту их могли отправить в газовую камеру. В концлагере нет места ни любви, ни уважению — сама эта «технология» была создана как страшный механизм уничтожения всего человеческого, превращения человека в зверя⁵³. И действительно, большинство превращались в животных — предавали своих товарищей за кусок грязной хлебной корки, покрытой плесенью. Но некоторые, как сам Франкл, смогли избежать этой участи. Этот страшный опыт приводит Франкла после освобождения к идее создать

⁵³ Моряки говорят, что во время сильного шторма, когда гибель кажется неминуемой, надо выливать за борт все, что содержит масло. Это помогает немного сбить волну вокруг корабля и дает шанс на жизнь. Кто-то сравнил интеллигенцию с такой тонкой масляной пленкой, спасающей общество в годы социальных штормов. Разрушить этот слой просто. Именно такова задача концлагеря: путем систематического унижения создать новый биологический — именно биологический — вид. Фашистский концлагерь — страшный механизм, использовавшийся нацистами для массового снятия с людей тонкой оболочки человеческого начала. Опыт концлагерей еще ждет своего осмысления не только правоведами и политиками, но и учеными, и прежде всего психологами.

свою особую психотерапевтическую школу, которую он назвал логотерапевтической, то есть основанной на исцелении смыслом. Именно наличие смысла, вспоминал Франкл, спасло его. Те же заключенные, которые теряли смысловую основу (таких было большинство), рано или поздно погибали.

Предметом, на который должна быть направлена деятельность психотерапевта, Франкл считает смысл. Именно смысловая сфера человека и взаимодействие человека с миром были в центре внимания философов-экзистенциалистов. По мнению Франкла, смыслы существуют в мире, и задача человека — вычерпать их извне и сделать своим внутренним содержанием, а задача психотерапевта — оказать в этом помощь клиенту. Разумеется, это не смысл жизни, о котором рассуждают философы. Франкл говорит о смыслах, которые оживляют нашу жизнь видением перспективы на ближайшие годы: получить диплом о высшем образовании, создать семью, найти новую работу и т. п. Человек, у которого наблюдается дефицит таких смыслов, испытывает *экзистенциальный вакуум*, внутреннюю пустоту, то есть теряет возможность понять свое место в мире и смысл своего существования в этом мире. В итоге такой человек начинает проявлять симптомы *нусогенного невроза*. Современные люди, утверждает Франкл, страдают этим заболеванием⁵⁴. Задача психотерапевта — не философствовать о смысле жизни, а помочь клиенту в поисках таких перспективных задач на ближайшие несколько лет,

⁵⁴ В наши дни в качестве частной формы нусогенного невроза называют синдром выходного дня. Это заболевание проявляется в сложном дискомфортном состоянии вечно работающего человека, который не знает, чем себя занять, если у него появляется свободное время.

которые помогли бы ему сделать свое существование осмысленным.

Экзистенциализм возник в Европе, но к середине XX в. стал проникать в Америку⁵⁵. Впрочем, некоторые ростки экзистенциальной психологии можно найти и в более ранних работах американских ученых. Во второй половине XIX в. экзистенциальные идеи стал пропагандировать У. Джемс, который подключился к наступлению на гегелевский панреализм, отождествлявший, по мнению Джемса, истину с абстрактными концепциями.

В сентябре 1959 г. в США состоялся первый симпозиум по экзистенциальной психологии Американской психологической ассоциации. По итогам этого симпозиума был издан сборник статей его участников и других психологов, которые считали, что их можно назвать экзистенциалистами. Среди авторов этой книги мы видим не только тех, кого традиционно называют экзистенциальными психологами (например, Л. Бинсвангер, Р. Мэй), но и тех, кого называют гуманистическими психологами (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт и др.). Таким образом, граница между экзистенциальной и гуманистической психологией крайне расплывчата и, скорее, отображает большую или меньшую склонность того или иного исследователя, изучающего глубинные переживания человека, к философской рефлексии.

В 50–60-е гг. экзистенциализм вызвал резкую критику со стороны консервативных научных кругов, к числу которых относились как советские исследовате-

⁵⁵ США — страна прагматиков, и единственная философская система, которая там возникла, — прагматизм У. Джемса. В соответствии с этой теорией истинность всего проверяется на практике: истинно только то, что приносит пользу человеку.

ли, считавшие экзистенциальную идею антагонистичной марксизму, так и представители теологии. Среди последних следует упомянуть французского философа, основателя неотомизма **Жака Маритена (1882–1973)**, по мнению которого экзистенциализм — теория отчаяния и абсурда.

4. Психология в конце XX в.

4.1. Трансперсональная психология

В современной психологии есть некоторые направления, к которым официальная наука относится с подозрением, сомневаясь в их истинной научности⁵⁶. Такое «непризнание» возникает не только по идеологическим причинам, но и в связи с невыполнимостью новыми направлениями науки тех требований научности, которые должны исполняться «настоящей» наукой. Одно из таких направлений — *трансперсональная психология*, которая, тем не менее, сегодня активно функционирует в разных странах⁵⁷.

Представители трансперсональной психологии, возникшей во второй половине XX в., заявляют, что создают «четвертую силу» в психологии, поскольку все предыдущие — психоанализ, бихевиоризм и гуманистическая психология — ограничивают себя сферой психики человека. Но задача психолога — найти надпсихологические сущности, от которых зависит становление нашего внутреннего мира. Это направление предметом своих исследований называет надлич-

⁵⁶ Такие «непризнанные» направления всегда существовали и, по-видимому, будут существовать в разных науках. Через этот этап своего развития прошли (а некоторые еще идут) теория множеств в математике, некоторые исторические подходы. Можно вспомнить о «непризнании» кибернетики и генетики в СССР. Даже теория Ч. Дарвина до сих пор подвергается сомнению в некоторых странах и слоях общества.

⁵⁷ На сегодняшний день трансперсональная психология получила официальное признание только в Великобритании.

ностные (трансперсональные) составляющие внутреннего мира человека. Для изучения таких составляющих сторонники трансперсональной психологии предлагают обратиться к измененным состояниям сознания. А для этого, по их мнению, необходимо использовать теории, практики и методы Востока, например, особенности сознания человека в состоянии медитации. В последние десятилетия внимание трансперсональных психологов начинает обращаться и к религиозным духовным практикам. Примером таких практик можно назвать отшельничество, когда человек удаляется от мира и продолжительное время находится в одиночестве. В такой ситуации человек испытывает психологические трансформации, выводящие его сознание за пределы обычных состояний. Часто эти состояния сопровождаются галлюцинаторными эффектами: отшельнику презентуются несуществующие видения и голоса.

Одно из главных утверждений трансперсональных психологов состоит в том, что человек должен соприкоснуться с внепсихическими сущностями, чтобы затем сообщить исследователю о тех образах, которые посетили его сознание. Разумеется, трансперсональные психологи близки к мистическому осмыслению человека, но не только это послужило поводом к возникновению подозрительности, которая окружает трансперсональную психологию с момента ее возникновения. Дело в том, что одним из основоположников данного направления стал американский психолог **Тимоти Лири (1920–1996)**, который в 50-е гг. начал исследования измененных состояний сознания. Свои опыты он проводил на студентах, которым предлагал принять наркотик ЛСД, а после выхода из состояния наркотического опьянения описать свои галлюцинации. Ради справедливо-

сти надо сказать, что в то время, когда Лири начинал свои исследования, наркотики не были под запретом⁵⁸. Но вскоре их объявили вне закона, и с 1965 г. у Лири начались проблемы с полицией. В 1970 г. за хранение наркотиков он был осужден к 38 годам тюрьмы, откуда сразу же совершил побег, нелегально перебрался в Швейцарию, а затем — в Афганистан. Там он был снова арестован в 1972 г. и помещен в тюрьму, откуда вышел в 1976 г. на законных основаниях. Конечно, подобная биография бросала тень на все направление, однако другие исследователи продолжили изучение измененных состояний сознания, применяя другие методы.

Одним из основоположников трансперсональной психологии называют А. Маслоу. Но если Маслоу занимался, скорее, теоретическим обоснованием нового направления познания человека (Маслоу и ввел термин «четвертая сила»), то наиболее известный сегодня трансперсональный психолог американец чешского происхождения **Станислав Гроф (род. 1931)** известен как автор многочисленных эмпирических работ. Вместе с женой Кристиной он разработал особую методику холотропного дыхания, которая представляет собой гипервентиляцию легких посредством учащенного дыхания. Гроф утверждает, что этот прием выводит испытуемых за пределы психики, в надличностное трансперсональное пространство. В результате испытуемые Грофа рассказывали про образы, похожие на мифическую реальность, в чем-то схожую с архетипами К. Юнга. Они «вспоминали» свои «другие» жизни и даже внутриутробное развитие.

⁵⁸ З. Фрейд до конца своей жизни принимал наркотики, а в конце XIX в. даже написал ряд статей об их пользе.

Пик интереса к трансперсональной психологии приходится на 90-е гг. XX в., когда широкую популярность приобрели сеансы психотренинга, на которых людей обучали методикам «расширения сознания».

4.2. Позитивная психология

Позитивная психология, основателем которой считают американского психолога **Мартина Селигмана (род. 1942)**, обращает наше внимание на проблему, которая была помещена на второй план бурным развитием психотерапии. Эта проблема связана с вопросом о валидности предмета психологии. В начале XX в. среди психологов бытовала шутка: психология — это наука о психике студентов. Действительно, в качестве испытуемых в те времена — а нередко и до сих пор — выступали студенты, которых исследовали их педагоги. Ведь преподаватели психологии и являлись теми самыми исследователями. Но возникает вопрос: можно ли считать эмпирические данные, полученные на одной группе испытуемых (студентах), характерными для всех людей?

Сегодня, говорят психологи, возникает аналогичная ситуация. Психотерапевтическая практика как исследовательский прием занимает все большее место в работе психологов. Но на прием к психотерапевтам идут не те, кто счастлив или просто не испытывает отрицательных эмоций. Приходят как раз те, кто в той или иной мере переживает психологический дискомфорт. Не превращается ли таким образом психология в «психологию горя»? Задавшись таким вопросом, некоторые психологи решили предметом своих исследований сделать позитивные переживания.

М. Селигман создал *теорию усвоенной беспомощности*. Предлагая своим испытуемым решать слож-

ные задачи, он пришел к выводу, что люди делятся на две группы. Одни пытаются выполнить задание, другие принимают позицию, которую Селигман и назвал *усвоенной беспомощностью*. В этом случае испытуемые делают вид, что они и готовы были бы выполнить задание, но они не в состоянии это сделать, и единственное, что они ждут от мира, — это жалость, снисхождение и сострадание. Селигман говорит, что есть большое количество людей, которые именно так строят свои отношения с окружающими обстоятельствами. И если кто-то ведет себя так только в ходе эксперимента, то у других этот прием перерастает в синдром, который становится стилем жизни. Селигман противопоставил усвоенной беспомощности другое явление, которое он назвал *сознательным оптимизмом*. В этом случае человек не оставляет попыток выполнить задачу, несмотря на то, что у него это не получается.

Одним из наиболее известных представителей позитивной психологии является американский психолог венгерского происхождения **Михай Чиксентмихайи (род. 1934)**, родившийся в семье венгерского дипломата, работавшего в фашистской Венгрии и после Второй мировой войны эмигрировавшего в США. Основное понятие теории Чиксентмихайи — *«поток»*. Он исходит из того, что человек должен стремиться к состоянию полета, которое он и называет потоком. Это понятие трудно определить, но можно обрисовать его с помощью примеров. Например, многим из нас известно состояние, возникающее во время чтения интересной книги или захватывающего кинофильма. Не хочется прерывать этот процесс, а когда фильм заканчивается, а книга прочтена, мы испытываем чувство сожаления. Часто мы оказываемся в состоянии потока, занимаясь инте-

ресным делом, как, например, ученый, проводящий свое исследование.

Методика М. Чиксентмихайи состояла в следующем. Он выдавал своим испытуемым пейджеры и в задуманное экспериментатором время отправлял сообщение, означающее, что лица, принимающие участие в эксперименте, должны тотчас же записать, чем они сейчас занимаются и какие переживания и другие психологические состояния испытывают. Благодаря этой методике Чиксентмихайи делает выводы о тех профессиях, представители которых в наибольшей степени подвластны состоянию потока: в частности, представители творческих и экстремальных профессий.

4.3. Квантовая психология

Наименее академическое направление среди современных психологических школ — так называемая квантовая психология. Ее наиболее известными представителями являются американские исследователи психолог **Стивен Волински** и философ-анархист **Роберт Антон Уилсон (1932–2007)**, пытающиеся объединить идеи современной квантовой физики с представлениями восточной философии. Квантовая психология возникла во второй половине XX в. на базе быстро изменяющихся представлений о природе. Эти новые представления возникли на основе квантовой физики, получающей все новые и новые факты, разрушающие сложившуюся в XIX в. позитивистскую научную картину мира. Исходя из этого, некоторые психологи, припомнив философию Демокрита, с новой силой заговорили о материальности сознания, состоящего из бесконечно делимых элементов. Такое бесконечное сознание

изначально существует как ипостась вселенной, как вселенское сознание. Сознания отдельных людей — всего лишь отдельные эманации, отголоски вселенной как сознания.

Таким образом, квантовые психологи пытаются объединить древнегреческую философию Демокрита и философию Востока с гипотезами современной физики.

5. История отечественной психологии

5.1. Российская психология в XIX в.

Во времена СССР студентов-психологов учили так, будто до 1917 г. психология в России не существовала. Утверждалось, что вся психология в нашей стране в дореволюционное время сводилась к сплошным заблуждениям и настоящая наука возникла только после Октябрьской революции, когда отечественная наука приняла в качестве своего философско-методологического основания марксизм. А до этого отечественная психология была идеалистической, механистической и позитивистской⁵⁹, то есть ложной. Но одновременно советская психология всегда позиционировала себя как науку, имеющую прочные философские корни. Этим советские психологи противопоставляли себя так называемой западной психологии, которая, по мнению отечественных специалистов, слишком глубоко погрузилась в анализ и обобщение эмпирических фактов.

Склонность к методологическому размышлению возникла в советской психологии, разумеется, не в 1917 г. На самом деле, и до революции 1917 г. в России была своя психологическая наука, опирающаяся на философские разработки. И в этой психологии немалую роль играли материалистические тенденции. Одним из

⁵⁹ Парадоксальным образом в советской науке совмещались критика позитивизма и требования к науке, которые позитивизмом были сформулированы.

первых материалистов в русской науке XIX в. был **Александр Николаевич Радищев (1749–1802)**, автор сочинения «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), за которое Екатерина II приговорила автора к смертной казни, но потом помиловала и отправила в ссылку. Идеи освобождения крестьян, высказанные в этой книге, и материалистическое понимание природы, изложенное в некоторых других сочинениях, в частности в его трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792), в русском обществе XIX в. воспринимались как призыв к свободе, в связи с чем имя Радищева до середины XIX столетия служило символом революционности.

В 1861 г. в России было отменено крепостное право. Это стало причиной общего духовного раскрепощения человеческой личности. Большое распространение получили либерально-народнические взгляды, ориентирующие Россию на общечеловеческий, с европейским уклоном, путь развития. В большой степени этому способствовала вышедшая в 1863 г. в книжке журнала для врачей «Медицинский вестник» статья **Ивана Михайловича Сеченова (1829–1905)** «Рефлексы головного мозга».

В 1811 г. шотландский невролог **Чарльз Белл (1774–1842)** и французский физиолог **Франсуа Мажанди (1783–1855)** открыли различие функций задних и передних корешков спинномозговых нервов. До этого считалось, что между этими нервами нет различий: все нервы, думали физиологи, проводят возбуждение и от мозга, и к мозгу. Белл и Мажанди установили, что только при сокращении некоторых из них — передних — наблюдается сокращение мышц, а раздражение задних корешков такого сокращения не вызывает. Таким образом, идея о мозге как центре сбора и передачи информации получила свою современную оформленность. Более того, идея рефлекса, выдвинутая еще

Р. Декартом, но имевшая у него экзотический вид, была подкреплена физиологическими данными. Само же описанное нами открытие получило наименование *закона Белла* — *Мажанди* и привело к возникновению понятия «*рефлекторная дуга*», которая представляет собой путь от раздражителя к мозгу и от него — к отвечающей на раздражение мышце.

До середины XIX в. физиологи не сумели добыть какие-либо революционные сведения об устройстве нервной системы, которые превосходили бы по своей значимости открытие Ч. Белла и Ф. Мажанди. Однако в середине века в Париже работал другой замечательный физиолог, **Клод Бернар (1813–1878)**⁶⁰, создавший теорию *гомеостаза* (равновесия). Бернар утверждал, что живой организм является механизмом, который постоянно стремится к состоянию равновесия с окружающей средой. К этому сводится основная задача нервной системы. Внешние воздействия выводят организм из этого состояния. Задача нервной системы — реагировать на такие изменения и возвращать организм в первоначальное состояние.

Идея гомеостаза в дальнейшем была использована многими научными направлениями: психологией⁶¹, со-

⁶⁰ Во второй половине XIX в. Клод Бернар стал одним из знамен позитивистской науки. При жизни он активно пропагандировал ее принципы в своих статьях и книгах. А для некоторых русских писателей его имя стало нарицательным. Когда И. С. Тургенев или Ф. М. Достоевский хотели высказать свое неодобрение позитивизмом, они говорили о «каких-то там клодбернарах».

⁶¹ В качестве наиболее известного примера использования теории гомеостаза в психологии напомним теорию Ж. Пиаже: основная функция интеллектуальных структур — приводить в соответствие друг другу психику человека и окружающую среду. Если у К. Бернара рассматриваются биологические компоненты, то в теории Пиаже на внутренний мир человека воздействуют информационные потоки, под влиянием которых интеллект выходит из первоначального состояния и постоянно возобновляет попытки в это состояние вернуться.

циологией. В технике идея гомеостаза стала одной из центральных (наряду с принципом обратной связи) в так называемой кибернетике — науке об управлении в технических устройствах, живых организмах и социуме.

В Париже в лаборатории К. Бернара проходил стажировку молодой ученый из России Иван Сеченов, и именно здесь в 1862 г. он экспериментально проверил гипотезу о влиянии центров головного мозга на двигательную активность. Сеченов обнаружил, что химическое раздражение продолговатого мозга и зрительных бугров кристаллами поваренной соли задерживало рефлекторную двигательную реакцию конечности лягушки. Этот феномен стали называть *центральной* или *сеченовским торможением*. Сделанное открытие так повлияло на мировоззрение его автора, что Сеченов стал развивать идею, будто центральное торможение и есть основной механизм мышления человека, а само мышление есть заторможенный рефлекс. Поскольку же мышление в век позитивизма считалось главным отличительным признаком человека, Сеченов заявил, что все процессы внутреннего мира человека должны изучать и объяснять физиологи. Вслед за книгой «Рефлексы головного мозга» в 1873 г. автор теории центрального торможения написал трактат «Кому и как разрабатывать психологию?», в 1878 г. — «Элементы мысли». Многие российские ученые стали называть Сеченова лидером отечественной психологии. Вместе с тем Сеченов стал духовным лидером революционно настроенной интеллигенции России.

Это было настолько неожиданно для российской философской гуманитарной мысли, что тотчас же появились резкие выступления против претензий физиологов объяснять психологические явления. Наиболее известным ответом И. М. Сеченову от имени фило-

софски настроенных гуманистиче­ских этнографа и культуролога **Кон­стантина Дмитриевича Кавелина (1818–1885)**⁶². В своих работах «Задачи психологии» (1872) и «Задачи этики» (1884) Кавелин резко выступил против психологии И. М. Сеченова, утверждая, что задачей психологии может быть только изучение души народа, которая и составляет основу психики каждого человека. Физиологи, по мнению Кавелина, не имеют отношения к душе человека, которая представляет собой особый предмет исследования, основу которого составляют культурные артефакты: продукты народного творчества, мифы, сказания, традиции, фольклор, бытовые особенности разных народов.

Середина XIX в. в России связана с борьбой двух направлений философской мысли. Этими направлениями были славянофильство, считавшее, что Россия обладает самобытными чертами, качественно отличающими ее от Запада, и западничество, представители которого выступали за развитие России по западно-европейскому пути. Лидерами славянофильства были **Алексей Степанович Хомяков (1804–1860)**, братья **Иван Васильевич Киреевский (1806–1856)** и **Петр Васильевич Киреевский (1808–1856)**. Социолог и естествоиспытатель **Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885)** даже называл Россию особым культурно-историческим типом.

Идеи западничества наиболее четко сформулировал в своих «Философических письмах» **Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856)**, чьи идеи в течение XIX в. были поддержаны большинством российских литераторов и некоторыми философами и учеными. Кстати,

⁶² К. Д. Кавелина можно считать первым российским представителем культурно-исторического направления в психологии. В Европе эту линию в начале XX в. развивал В. Вундт.

взгляды Чаадаева вызвали крайнее раздражение в государственных структурах, 20 октября 1836 г. журнал «Телескоп», где опубликовал свои взбудоражившие общество «Письма» Чаадаев, был закрыт, а его издатель философ **Николай Иванович Надеждин (1804–1856)** сослан. Одним из тезисов западников, явно отличавших их мировоззрение от славянофильства, было категорическое требование освобождения крестьян от крепостного права. Впрочем, это не помешало видному славянофилу **Юрию Федоровичу Самарину (1819–1876)** участвовать в подготовке реформы 1861 г. А публицист славянофил **Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886)** утверждал, что личный идеал человечества стоит выше всякого государства, а совесть и внутренняя правда — выше закона и правды внешней. В 1850 г. министр просвещения России князь Ширинский-Шахматов ставит вопрос о том, что «польза философии не доказана, а вред возможен». В итоге было запрещено преподавание философии. Так что традицию «закрывать науку» установили вовсе не большевики при советской власти. Этот обычай, как мы видим, давно бытует в России. Впрочем, наука в России столь же традиционно возрождается. Так и философия через несколько лет после запрета Министерства просвещения была восстановлена в своих правах (1863).

Одним из лидеров русской философии конца XIX в. был **Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900)**, известный своей теорией *всеединства*. В 1874 г. Соловьев уезжает из Москвы в Петербург, где защищает свою магистерскую диссертацию «Кризис западной философии», причем делает это исключительно по той причине, что его отец, известный историк С. М. Соловьев в это время был ректором МГУ и не хотел, чтобы его сын использовал это как преимущество при защите.

Говорят, В. С. Соловьев был человеком нервным, холерического темперамента, увлекался мистикой и даже ездил в Египет, чтобы найти эзотерические подтверждения своим теориям. Он был автором теории софийности, то есть мудрости, истоки которой можно найти в странах Востока. Одновременно он был автором философской теории о единстве мира, а также о единстве философии и искусства, внутренне связанных в своих попытках описания мира. С идеей всеединства Соловьева смыкается его стремление всемерно пропагандировать идею экуменизма, то есть объединения религий. Правда, здесь Соловьев ограничивался иудаизмом и всеми конфессиями христианства.

В соответствии с теорией В. С. Соловьева человек — только элемент в системе мироздания, поэтому в человеке отражается космос. Соловьев — основатель направления, которое нашло свое проявление в психологии и других науках и получило название «русский космизм». Это движение распадается на два направления: философское и научно-техническое (К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский, С. П. Королев). Подчеркнем, что в основе советской космонавтики лежат философские идеи проникновения человека в космос, в иные миры, встреча с другими цивилизациями. Эта идея «встречи с братьями по разуму» всегда была близка духу россиян. Может быть, поэтому 12 апреля 1961 г., когда в космос отправился Ю. А. Гагарин, стал всенародным праздником, сравнимым с 9 мая 1945 г. В 80-е гг. XX в., когда усилилось внимание к человеческому измерению прогресса, термин «космизм» получил распространение в советской литературе. Однако до этого отечественная психология прошла трудный путь своего становления.

Русский космизм утверждает, что Вселенная — единое целое, в котором человек — не песчинка, а

равноправный участник всемирного братства. Каждый человек есть Космос и в каждом из нас есть Космос. Поэтому другие цивилизации населены нашими братьями, встречи с которыми мы с нетерпением ждем⁶³. Мир един, и человек — только частица этого мира. Примечательным явлением в этом направлении стало учение **Николая Федоровича Федорова (1828–1903)**, утверждавшего, что в будущем люди научатся собирать рассеянные молекулы и атомы, чтобы «сложить их в тела отцов». Учение Федорова изложено в книге «Философия общего дела», которую, собрав все его тексты, издали его последователи в 1906–1913 гг.

Другой замечательный представитель русского космизма и последователь В. С. Соловьева — советский философ и филолог **Алексей Федорович Лосев (1893–1988)**. Он прошел трудный жизненный путь, неоднократно подвергался гонениям и фактически стал известен только в 60-е гг. Впрочем, начиная с дореволюционных времен, когда были созданы его первые труды, и до последних дней он пытался показать пронизанность всего сущего мифологичностью — начиная со Вселенной и заканчивая именем любого человека и любой вещи.

Обратим внимание: в то время, когда работает В. С. Соловьев, лидером отечественной психологии является И. М. Сеченов, вступивший в полемику с К. Д. Кавелиным, а пока не столь известный И. П. Павлов проводит исследования пищеварения, за которое вскоре получит Нобелевскую премию. Однако жизнь психологии в России не сводилась к одной только физиологической школе и реакции на нее. В конце XIX в. во всех крупных университетах России появляются

⁶³ Русский космизм перекликается с идеей Гераклита о душе как «искорке» Логоса — вечного огня, наполняющего Вселенную.

кафедры психологии (приписанные, как правило, к филологическому или историческому отделениям). В 1885 г. было организовано Московское психологическое общество⁶⁴, просуществовавшее до 1922 г. Его инициатором был один из немногих в России искренних сторонников позитивизма **Матвей Михайлович Троицкий (1835–1899)**. В начале 50-х гг. Троицкий, будучи слушателем Киевской духовной академии, обучался философии у представителя религиозного направления русской философии **Памфила Даниловича Юркевича (1826–1874)**, ставшего в дальнейшем профессором философии Московского университета (1863–1874). В дальнейшем Троицкий занимался продвижением индуктивного метода познания, который, по его мнению, был характерен для английского эмпиризма. Данному методу познания он противопоставлял дедуктивный метод, который использовали немецкие психологи. Это противопоставление и критику дедуктивной психологии Троицкий представил в своей книге «Немецкая психология в текущем столетии» (1867). В 1888 г. вышла книга Троицкого «Наука о духе» (в двух томах).

В январе 1885 г. состоялось организационное заседание Московского психологического общества, председателем которого стал М. М. Троицкий. В 1886 г. на кафедре философии Московского университета, а в 1888 г. и на посту председателя Московского психологического общества Троицкий сменил Н. Я. Грот, который не оставлял эту должность до конца своей жизни.

⁶⁴ Заметим: среди многочисленных учредителей Московского психологического общества собственно психологом можно считать только одного М. М. Троицкого, убежденного сторонника позитивизма. Остальные учредители — интересующиеся психологией философы, филологи, историки и т. д.

В. С. Соловьев принял активное участие в создании главного периодического издания дореволюционной российской психологии журнала «Вопросы философии и психологии», который начал выходить в 1889 г.⁶⁵ О том, как шла подготовка к открытию этого проекта, можно судить по отрывку из письма Соловьева другому философу, Д. В. Цертелеву, осенью 1886 г.: «Вернувшись из-за границы, я нашел в Москве целую философскую плантацию, главный экземпляр коей Грот, явился ко мне знакомиться и из беседы с ним я усмотрел между прочим: а) что он обращается на путь истинный, то есть от отрицательного эмпиризма к положительному спиритуализму, что он пламенеет желанием основать философский журнал. Тут я сейчас вспомнил о тебе. Разумеется, мне лично было бы приятнее, если бы ты мог взять это дело вполне на себя, а не вдвоем с Гротом; но сие невозможно, потому что для избавления от цензуры необходимо, чтобы журнал состоял при университете и, следовательно, под ответственною редакцией казенного профессора. Отделы будут распределены следующим образом: психология и логика — Грот, философия религии — я, история древней философии — Гиляров, история новой философии и метафизика — Лопатин». В итоге современные психологи основателем журнала считают активного сторонника В. Вундта и его экспериментальной психологии **Николая Яковлевича Грота (1852–1899)**,

⁶⁵ Нельзя сказать, что это было первое периодическое психологическое издание в России. И прежде возникали проекты, претендовавшие на долговечность, но просуществовавшие один-два года: издательское дело требует огромных усилий — физических, духовных, материальных, организационных — от тех, кто им занимается. Журнал «Вопросы философии и психологии» издавался около тридцати лет и, может быть, издавался бы и сегодня, если бы большевики не закрыли его в 1918 г. из чисто идеологических соображений (как рассадник буржуазной науки).

получившего известность после выхода в 1880 г. его книги «Психология чувствований в ее истории и главных основах». В 1896 г. вышла книга Грота «Основания экспериментальной психологии». Грот стал главным редактором журнала и пребывал в этом статусе до конца своей жизни. После смерти Грота журнал выходил еще около двадцати лет, пока не был закрыт в 1918 г.

Активными авторами журнала стали многие российские философы. Среди них был **Алексей Александрович Козлов (1831–1901)**, издатель первого в России философского журнала «Философский трехмесячник» (1885). Козлов разрабатывал направление, которое он называл «панпсихизм». В соответствии со взглядами автора источником бытия служит первоначальное сознание, а все познание опирается, в конце концов, на познание «Я». В дальнейшем в работах Н. О. Лосского и С. Л. Франка мысли Козлова о субстанциональности человеческой души, ее цельности и активности получили общественное признание. В частности, в 1917 г. появилась книга **Семена Людвиговича Франка (1877–1950)** «Душа человека». Главная идея этого произведения — в стремлении вернуть в психологию понятие души взамен понятия душевных явлений, которые, с точки зрения Франка, не имеют самостоятельного значения и потому не могут быть предметом науки.

Близок к взглядам Козлова был **Лев Михайлович Лопатин (1855–1920)**. После смерти Н. Я. Грота в 1899 г. Лопатин стал председателем Московского психологического общества. В 1903 г. выходит его книга «Курс психологии», в 1911 г. — книга «Положительные задачи философии». В 1917 г. Лопатин опубликовал статью «Неотложные задачи современной мысли». С 1905 г. и до конца издания журнала «Вопросы философии и психологии» (то есть до 1918 г.) Лопатин — его редактор.

В середине XIX в. в России появляются первые ростки педагогической психологии. Ее основателем, так же как и создателем отечественной научной педагогики, считают **Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1871)**. В своей книге «Человек как предмет воспитания» (1867) он утверждает невозможность создания адекватных методов обучения ребенка без знания физиологических и психологических основ его развития. Известный хирург **Николай Иванович Пирогов (1810–1881)** в статье «Вопросы жизни» (1881) рассмотрел фундаментальные проблемы воспитания. Он показал нелепость сословного воспитания, разлад между школой и жизнью, выдвинул в качестве главной цели воспитания формирование высоконравственной личности, готовой отрешиться от эгоистических устремлений ради блага общества.

В конце 1880-х гг. российская журналистика много говорила о психологической теории философа ректора Санкт-Петербургского университета **Михаила Ивановича Владиславлева (1840–1890)**, пытавшегося установить две «гаммы» чувствований: положительную — разные степени уважения, удивления, величия, и отрицательную — разные степени пренебрежения и презрения. Мерилом чувствования принималось, между прочим, отношение материальных средств данного лица к стоящим выше и ниже его на лестнице благосостояния: предполагалось, что пропорционально богатству объекта растут положительные чувствования субъекта, и наоборот. В 1881 г. вышел учебник Владиславлева «Психология».

Учеником Владиславлева стал профессор Петербургского университета **Александр Иванович Введенский (1856–1925)**. Будучи противником экспериментальной психологии, в 1892 г. Введенский в своей книге «О пределах и признаках одушевления» пишет

о том, что единственный способ борьбы с ней — вывести за пределы психологии учение о душе и о сущности психического. Единственным методом в психологии он считал интроспекцию. Введенский сформулировал закон отсутствия объективных признаков одушевления: нельзя по внешним признакам утверждать наличие или отсутствие души. В связи с этим Введенский пытается ответить на вопрос, как же изучать внутренний мир человека. Ответ Введенского: по аналогии. Если другой человек совершает поведенческие акты, похожие на мои (аналогичные моим), то, возможно, он обладает таким же внутренним устройством, как и я. Только так исследователь может высказать предположение о существовании сознания у человека. *Принцип аналогии* достаточно активно используется в психологии, и многие современные психологи приводят его в качестве доказательства существования нашего внутреннего мира. В 1897 г. под руководством Введенского образовано Философское общество при Петербургском университете. В 1917 г. увидела свет его книга «Психология без всякой метафизики».

Учениками Введенского были историк психологии **Иван Иванович Лапшин (1870–1952)**, один из создателей философии *интуитивизма*⁶⁶, и **Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965)**, автор книг «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (1903) и «Обоснование интуитивизма» (1906).

Напротив, другой ученик Владиславлева, **Николай Николаевич Ланге (1858–1921)**, стал активным пропагандистом естественнонаучной ориентации психологии и поборником экспериментального метода.

⁶⁶ Интуитивизм — возникшее на рубеже XIX–XX вв. направление в философии, признающее в интуиции наиболее достоверное средство познания и отвергающее позитивистское ограничение человеческого опыта исключительно сферой чувственного восприятия.

Еще в 1888 г. Ланге переехал из Санкт-Петербурга в Одессу и в 1896 г. организовал там одну из первых в стране экспериментальных психологических лабораторий. На основании своих эмпирических исследований Ланге сформулировал закон перцепции, согласно которому восприятие имеет стадийный характер от обобщенного к дифференцированному образу, а также *моторную теорию внимания*, в соответствии с которой колебания внимания при так называемых двойственных изображениях определяются движениями глаз, оббегающих изображенный контур. В 1890 г. вышла первая крупная психологическая работа Н. Н. Ланге «Элементы воли» (опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии»). В 1914 г. вышел последний обобщающий труд Ланге «Психология».

Врач по образованию **Александр Федорович Лазурский (1874–1917)**, ученик В. М. Бехтерева, учитель известных советских психологов М. Я. Басова и В. Н. Мясищева, разработал характерологию — психологическую концепцию индивидуальных различий, рассматривавшихся в тесной связи с деятельностью нервных центров. Лазурский создал *метод естественного эксперимента*, благодаря которому устраняется искусственность лабораторного опыта и значительно возрастает ценность данных наблюдения, поскольку испытуемый не вырывается из привычной для него среды, а становится в то же время в строго запрограммированные и контролируемые условия. Такой эксперимент проводится в условиях, близких к обычной деятельности испытуемого, который не знает, что он является объектом исследования. Результаты естественного эксперимента обрабатываются путем качественного анализа полученных данных; точный количественный анализ к результатам естественного эксперимента практически неприменим. Разновид-

ность естественного эксперимента — экспериментальное обучение, при котором изучение школьника ведется непосредственно в процессе его обучения и воспитания в целях активного формирования психических особенностей, подлежащих изучению.

Важными инструментами характерологии Лазурского являются понятия «эндопсихика» и «экзопсихика», введенные им в 1916 г. (совместно с С. Л. Франком). Под эндопсихикой он понимал внутренние механизмы личности, объединяющие характер, умственную одаренность и темперамент. Экзопсихика — это отношение личности ко внешним объектам и среде в целом. В понятие среды здесь входят природа, люди, различные социальные группы, наука, искусство, а также внутренняя жизнь индивида. После определения этих фундаментальных понятий Лазурский предпринял еще одну попытку классификации личности. В ее основу он положил принцип активного приспособления личности к окружающей среде, при этом сохранив прежнее деление на уровни и типы. Личности низшего уровня подчиняются влияниям среды и с большим трудом приспосабливаются к ее требованиям. Этот уровень в классификации Лазурского был назван «неприспособленные». К среднему уровню относятся люди, основной характеристикой которых является способность к получению образования, а в дальнейшем — к ведению успешной деятельности в условиях любой среды. Этим людей ученый назвал «приспособленные». Высший уровень людей получил название «приспособляющие». Эти люди способны приспособлять среду к своим запросам, которые обычно превышают круг запросов представителей низших уровней и имеют большое социальное значение. Важную роль в этой классификации Лазурский отводил соотношению экзо- и эндопсихики на всех

уровнях, которое определяет чистоту типа. К чистому типу ученый относил тех, чьи интересы, приобретенные знания и навыки, профессиональная деятельность соответствуют природным особенностям их нервно-психологической организации. Экзопсихика и эндопсихика здесь находятся в гармоничном единении. Есть также и комбинированные, переходные типы, в которых нарушено исходное равновесие эндо- и экзопсихики.

Еще одно важное направление в российской гуманитарной науке второй половины XIX в. — анализ языка. Это направление в большой степени повлияло на становление культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и в целом на развитие отечественной психолингвистики. Одним из лидеров этого направления был **Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891)**. В основе работ Потебни и его единомышленников лежало учение известного немецкого филолога В. Гумбольдта, который, в свою очередь, испытывал сильное влияние диалектики Г. Гегеля. Гумбольдт рассматривал язык как живой, саморазвивающийся организм, который не столько управляется, сколько сам управляет человеком⁶⁷. Язык имеет как внешнюю, так и свою внутреннюю форму, не воспринимаемую человеческими органами чувств. Можно отобразить внешнюю форму, написав слово, но невозможно отобразить форму внутреннюю, которая определяется происхождением (этимологией) слова. Эти скрытые от человека формы языка необходимо

⁶⁷ Тем, кто сегодня (и не только сегодня) призывает бороться с засильем иноязычных слов в русском языке, можно напомнить имена В. Гумбольдта, А. А. Потебни, других замечательных филологов и сказать: не старайтесь переделать живое, вы можете его сломать. Язык сам либо вводит, ассимилирует либо не принимает и выбрасывает новые слова.

учитывать, если мы хотим понять язык и его носителя. А. А. Потебня принимает учение В. Гумбольдта, но добавляет идею социальной природы языка, в соответствии с которой на саморазвитие языка решающее влияние оказывает социум.

5.2. Становление советской психологии

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, прокатившаяся кровавым колесом по Европе. Россия, принимавшая в войне самое активное участие, не осталась в стороне. Итогом страшных событий стала революция 1917 г., которая в итоге привела к приходу к власти партии большевиков во главе с В. И. Лениным. С приходом к власти большевиков всякое инакомыслие в России оказалось под угрозой. В сфере науки в первую очередь под подозрением оказались представители гуманитарных направлений. Так, уже в 1917 г. было закрыто Философское общество при Петербургском университете, в 1918 г. — журнал «Вопросы философии и психологии», в 1922 г. — Московское психологическое общество.

Новое руководство России главным источником своей идеологии провозгласило марксизм. В связи с этим все, что существовало в науке до 1917 г., было объявлено враждебным советской власти, поскольку опиралось на идеалистическое мировоззрение. Тем самым были запрещены и психологические школы, которые своим предметом считали внутренний мир человека, его сознание. Главным источником психологических знаний в новой России были объявлены исследования русской физиологической школы, наиболее известным представителем которой был И. П. Павлов.

В 1922 г. в одной из своих статей В. И. Ленин рекомендует рабочему классу, если он действительно

хочет создать процветающее государство, углубленно изучать гегелевскую диалектику. Но И. В. Сталин — новый вождь революционной России — уже не обращал внимания на призывы умирающего предшественника. В том же 1922 г. газета «Правда» публикует статью «Диктатура, где твой хлыст?». В ней были подвергнуты жесткой критике «буржуазные профессора», которые не хотят поддерживать советскую власть. Прошло пять лет после революции, год после окончания Гражданской войны, и началась чистка науки от «чуждых элементов». В июне вышла упомянутая статья, а 31 августа появилась статья о высылке из страны нескольких сотен человек, представляющих разные направления отечественной науки и культуры: философов, педагогов, литераторов и др. Около 200 человек поместили на пароход и отправили за пределы России. Среди них — философ И. И. Лапшин, религиозный мыслитель **Семен Людвигович Франк (1877–1950)**, один из классиков современной социологии **Питирим Александрович Сорокин (1889–1968)**, философ **Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949)** и многие другие. Много это или мало? Конечно, Россия велика, и двести человек для нее — не очень заметное количество. Но для любой культуры двести человек — очень большая величина. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, стоит подчеркнуть: эта высылка фактически оголила один из флангов, гуманистическую составляющую отечественной культуры. К сожалению, этот прием использовался в СССР во все времена. Так, в 70–80-е гг. часто людей, выехавших из страны, в частности на гастроли или в научные командировки, просто не пускали обратно и лишали советского гражданства.

Среди тех, кого выгнали из СССР, был известный философ, многое сделавший для психологии,

Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

Одни психологи называют его экзистенциалистом, другие — персоналистом. Тема личности действительно занимает важное место в его философии. Бердяев приходит к убеждению, что демократия завершает свою историческую судьбу и это отягчает положение человека, который есть «загадка в мире». Он рассматривает человека как целостное существо, и подходы к его изучению должны быть целостными. Естествознание пытается изучать человека по частям, то есть, как это называет Бердяев, «гносеологизирует» человека. Критика гносеологизма присутствует во многих книгах Бердяева.

Но не всем повезло, как Н. А. Бердяеву. Другой известный русский философ, **Павел Александрович Флоренский (1882–1937)**, закончил свою жизнь в сталинских лагерях. Флоренский был православным священником, теологом, которого занимала мирская наука. Он пытался объединить теологические воззрения с мирскими. Главная идея Флоренского — человек нерасторжимо связан не просто с космосом, как это было у В. С. Соловьева, а с Богом. Такое всеединство должно находить свое проявление в важных для человека символах. Главная тема его диссертации и основной интерес всей научной жизни — символика цвета: мы должны найти «индикаторы» этой связи. Свое учение Флоренский изложил в книге «Столп и утверждение истины», которая была издана в 1914 г. Исходя из соловьевской идеи всеединства, он утверждал, что цвет объединяет все представления людей: и самые теологические, и самые естественнонаучные. В итоге Флоренского критиковали как представители естествознания — за теологизацию науки, так и богословы — за сопоставление религиозного чувства с «греховной» материей.

5.2.1. И. П. Павлов и советская физиологическая школа

Среди оставленных в СССР ученых непрерываемым авторитетом пользовался **Иван Петрович Павлов (1849–1936)**, создатель теории условных рефлексов. В 1860 г. Павлов поступил в семинарию, чтобы подготовиться к принятию сана священника. Но интерес к науке оказался сильнее, и в 1875 г. он получил ученую степень. В 1881 г. Павлов женился. Его жена Серафима Васильевна была надежной опорой великого естествоиспытателя, и когда, казалось бы, нескончаемые проблемы заставляли будущего Нобелевского лауреата бросить научные занятия, настояла на том, чтобы муж продолжил свою работу. В 1883 г. у Павлова, когда он работал над докторской диссертацией, родился первый ребенок. В том же году Павлов защитил докторскую диссертацию, посвященную физиологии нервов, контролирующей деятельность сердца. Но нищета и трагедии (смерть сначала одного сына, а через год — другого) не оставляют ученого. Только в 1890 г., когда Павлов стал профессором фармакологии Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, материальные трудности ушли. Вскоре он занялся изучением нервов, обеспечивающих работу пищеварения. Эти исследования принесли ему мировую известность, и в 1904 г. Павлову была присуждена Нобелевская премия. Чуть ранее, в 1903 г., Павлов выступил на Международном медицинском конгрессе в Мадриде. Здесь он обнародовал свою новую программу, назвав ее «Экспериментальная психология и психопатология на животных». Павлов призвал отказаться от субъективно-психологического объяснения реакций животного и перейти к объективно-психологическому. Но еще раньше, в 1902 г., Павлов открыл закон

подкрепления. Этим открытием было положено начало главному этапу его жизни. Впрочем, только в 1910 г. Павлов вводит понятие «ориентировочный, установочный рефлекс», а окончательно метод условных рефлексов был разработан только в 1915 г. Сегодня мало кто помнит, за что Павлов получил Нобелевскую премию, но все знают, что он — автор теории условных рефлексов.

Теория Павлова имеет исторические предпосылки и опирается на работы его предшественников-физиологов. Сам термин «рефлекс» был введен в научный лексикон еще в XVII в. Р. Декартом. В 1763 г. шотландский врач **Роберт Витт (1714–1766)** высказал идею об условных рефлексах, но ею никто не заинтересовался. Итальянский врач и физиолог **Луиджи Гальвани (1737–1798)** установил, что мертвый препарат мышечной ткани (лягушки) может сокращаться при воздействии электрическим током. Гальвани описал свое знаменитое открытие, которое с тех пор стали называть гальванизмом, в 1791 г. в «Трактате о силах электричества при мышечном движении». В начале XIX в. Ч. Белл и Ф. Мажанди открыли функциональное разделение нервных ветвей спинного мозга. Это открытие послужило в дальнейшем основанием теории кольцевой регуляции нервных процессов. Работавший в Лондоне шотландский врач **Маршалл Холл (1790–1857)** заметил, что при стимуляции нервных окончаний обезглавленные животные в течение некоторого времени продолжают двигаться. Он заключил, что за различные стороны поведения отвечают разные отделы мозга и нервной системы. В частности, он предположил, что произвольные движения зависят от головного мозга, рефлекторные движения — от спинного мозга, бессознательные — от прямого возбуждения мышц

и дыхательные — от костного мозга. Французский физиолог и врач иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук **Мари-Жан-Пьер Флуранс (1794–1867)** установил, что основные психические процессы — восприятие, интеллект, воля — являются продуктом головного мозга как целостного органа. Он пришел к заключению, что головной мозг управляет высшими психическими процессами, части среднего мозга — зрительными и слуховыми рефлексамии, мозжечок — координацией движений, а костный мозг — сердцебиением, дыханием и прочими жизненными функциями.

С именем И. П. Павлова и учеников его школы в первую очередь связано изучение условных рефлексов. Они показали, что новый условный стимул может запустить рефлекторную реакцию, если он некоторое время предъядвляется вместе с безусловным стимулом. Например, если собаке дать понюхать мясо, то у нее выделяется желудочный сок (это безусловный рефлекс). Если же одновременно с появлением мяса звучит звонок, то нервная система собаки ассоциирует этот звук с пищей, и желудочный сок будет выделяться в ответ на звонок, даже если мясо не предъядвлено. Тем самым Павлов продолжил «выстраивание» рефлекторной дуги. Прежде подразумевалось, что ее начало связано с воздействием жизненно важного раздражителя на рецептор. Исследования Павлова продемонстрировали, что таким раздражителем может стать и безразличный ранее (условный) раздражитель, если он в силу определенных причин «связывается» с жизненно важным (безусловным). Безусловный раздражитель является носителем биологического смысла. Условный раздражитель такого смысла не имеет, но только до того, как «встретится» с безусловным. Условный раздражитель становится фактором, сигнализирующим о присут-

ствии в среде обитания организма того или иного безусловного раздражителя⁶⁸.

Результаты своих исследований Павлов изложил в фундаментальном труде «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Первое издание книги вышло в 1923 г., последнее прижизненное (шестое, подготовленное самим Павловым) — в 1938 г. При этом в каждое новое издание автор добавлял несколько глав, в которых излагались результаты исследований, проведенных за прошедший период. В итоге объем книги увеличился с 32 до 51 главы.

Работы И. П. Павлова приобрели известность во всем мире. Его последователями стали тысячи физиологов. Как известно, основатель бихевиоризма Дж. Уотсон назвал Павлова среди исследователей, на чьи работы он опирался, создавая свою теорию⁶⁹. В 1913 г. павловскую лабораторию посетил известный английский физиолог и нейробиолог **Чарльз Скотт Шеррингтон (1857–1952)**, позже ставший лауреатом Нобелевской премии (1932) «за открытия, касающиеся функции нейронов»⁷⁰.

⁶⁸ Условный рефлекс был открыт независимо от И. П. Павлова учеником Л. Уитмера американским психологом **Эдвином Твитмайером (1873–1943)** приблизительно в то же время, что и в лаборатории Павлова. В 1904 г. Твитмайер представил на конференции Американской психологической ассоциации свою статью, в которой заметил, что подопытные начинали реагировать на раздражители, которые отличались от исходного — удара молоточком ниже колена.

⁶⁹ Работа Павлова по научению помогла Уотсону сместить акцент с субъективных идей к объективным, а также к количественно измеримым физиологическим процессам — таким, например, как выделение желудочного сока или движение мускулов.

⁷⁰ Кстати, фактически эта премия была присуждена Шеррингтону за открытие так называемого мышечного чувства (проприоцепции). Это открытие раньше Шеррингтона сделал И. М. Сеченов, что Шеррингтон не отрицал, но Нобелевская премия присуждается только при жизни исследователя, а Сеченова уже не было в живых, поэтому премия была присуждена одному Шеррингтону.

В 1916 г. в своем докладе на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде И. П. Павлов впервые заговорил о рефлексах применительно к людям, имея, однако, в виду не объяснение их действий работой механизма, изученного на собаках, а энергию мотива. В ноябре 1922 г. Павлов пишет, что человек, «направляемый какими-то темными силами, действующими в нем самом, причиняет сам себе невыразимые страдания войнами и революциями с их ужасами, воспроизводящими межживотные отношения». Спасение — во всемогущем естествознании, которое «выведет из теперешнего мрака и очистит от теперешнего позора в сфере межличностных отношений». Для объяснения поведения человека с позиций своей теории Павлов вводит представление о существовании в нервной системе двух так называемых сигнальных систем. *Первая сигнальная система* имеется у всех животных (в том числе и у человека). *Вторая сигнальная система* — только у человека. Ее особенностью является наличие речи, которую Павлов рассматривает как специфический механизм, опосредующий взаимодействие человека с окружающей средой. Надо сказать, что исследования условных рефлексов у человека оказались не столь впечатляющими по сравнению с результатами, полученными на собаках. Условные рефлексy у людей формировались с затруднениями, которые будто демонстрировали сопротивление той механичности, которая присуща первой сигнальной системе⁷¹. В целом исследования второй сигнальной системы так и остались без достаточной интерпретации в школе Павлова.

⁷¹ Впрочем, условные рефлексy на уровне первой сигнальной системы у человека формировались так же успешно, как и у животных. Если, например, уколоть человека булавкой и одновременно предъявить звуковой сигнал, то человек будет реагировать защитой при предъявлении одного звука.

Эти исследования еще раз заставляют нас задуматься о сложности взаимодействия физиологии и психики в организме человека.

И. П. Павлова часто называли лидером советских психологов, но сам он считал, что не занимается психологией. Впрочем, он принимал активное участие во всемирных психологических конгрессах в 1929 г. в США⁷² и в 1932 г. в Дании. Психологи всего мира безоговорочно признавали его одним из лидеров своей науки⁷³. Павлов создал огромный коллектив, к которому примыкали ученые из многих стран. В лаборатории Павлова были разработаны десятки методик, при помощи которых раскрывались все новые особенности условно-рефлекторных связей.

И. П. Павлов всегда относился критически к существовавшему в СССР политическому строю. Это выразилось и в неприятии марксизма в качестве идеологии, насильственно внедряемой в советскую психологию, хотя к концу жизни Павлов признал, что Советы добились определенных успехов.

Особое место в советской психологии занимает **Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927)**. В 1881 г. Бехтерев получил ученую степень в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии. В 1893 г. он переехал из Казани в Петербург, заняв кафедру нервных и душевных болезней в Военно-медицинской академии, где организовал психиатрическую лечебницу. Для лечения нервно-психических заболеваний он ввел сочетательно-рефлекторную терапию неврозов и

⁷² В 1929 г. в работе Международного психологического конгресса в Нью-Хэвоне принимала участие делегация из СССР, в которую входили И. П. Павлов, А. Р. Лурия, И. Н. Шпильрейн, С. Г. Геллерштейн, И. С. Бериташвили, В. М. Боровский.

⁷³ Отметим, что в 1889 г. почетным председателем I Всемирного психологического конгресса был избран И. М. Сеченов.

алкоголизма, психотерапию методом отвлечения, коллективную психотерапию. В качестве успокаивающего средства и сегодня во врачебной практике используется микстура Бехтерева.

Как и Павлов, Бехтерев прославился своими физиологическими трудами задолго до 1917 г. И, как и Павлов, Бехтерев заинтересовался психологической проблематикой⁷⁴. В 1907 г. Бехтерев организовал в Петербурге Психоневрологический институт. В 1907–1910 гг. Бехтерев опубликовал три тома книги «Объективная психология», в которых изложил основные представления нового, созданного и развиваемого им направления в психологической науке. В 1913 г. «Объективная психология» была переведена на немецкий и французский языки, что способствовало чрезвычайному распространению в 10–20-е гг. XX в. рефлексологического подхода к детскому развитию и рефлексологических методов исследования. (В 1932 г. вышло уже третье издание книги Бехтерева «Объективная психология» в английском переводе под названием *General Principles of Human Reflexology*.)

В 1908 г. Бехтерев осуществляет первую попытку изучения младенцев рефлексологическими методами. Ученый утверждал, что все психические процессы сопровождаются рефлекторными двигательными и вегетативными реакциями, которые доступны наблюдению и регистрации. Опираясь на объективные критерии, он считал возможным изучать не только осознаваемые, но и неосознанные психические явления. Свою новую науку Бехтерев назвал *рефлексологией*. В мае 1918 г. Бехтерев обратился в Совнарком с хода-

⁷⁴ Рассказывают, что В. М. Бехтерев и И. П. Павлов по каким-то причинам невзлюбили друг друга. Когда один из них входил в помещение, другой выходил оттуда.

тайством об организации научно-исследовательского учреждения — Института по изучению мозга и психической деятельности. Вскоре Институт открылся, и его директором до самой смерти являлся В. М. Бехтерев.

Бехтерев трактует личность как интегративное целое. Логике учения об условных рефлексах он пытается распространить на все сферы жизни не только отдельно взятого человека, но и общества в целом. Поскольку в такой трактовке рефлексы утрачивали свое чисто физиологическое значение, Бехтерев предложил для них новое название — сочетательные рефлексы⁷⁵. В 1923 г. вышла книга Бехтерева «Основы общей рефлексологии», в которой он подводит итог своим рефлексологическим исследованиям. Бехтерев скончался внезапно в декабре 1927 г., по официальной версии — от пищевого отравления. Однако некоторые исследователи считают, что он был отравлен по приказу Сталина: то ли за то, что поставил диагноз «сифилис головного мозга» Ленину, то ли за диагноз «тяжелая паранойя» самому Сталину⁷⁶.

⁷⁵ Попытка В. М. Бехтерева объяснить при помощи сочетательных рефлексов все многообразие жизни вызвала критику многих отечественных психологов, в том числе Л. С. Выготского.

⁷⁶ Внучка В. М. Бехтерева Н. П. Бехтерева стала известным физиологом. В 1992 г. в Москве она организовала Институт мозга, руководителем которого оставалась до последнего дня своей жизни. С ее именем связаны удивительные истории, рассказанные ею самой. Дело в том, что имя академика Бехтеревой в СССР и современной России было одним из символов позитивной науки. Она считала, что все тайны психики человека могут быть раскрыты в ходе изучения физиологических процессов, протекающих в мозге. Но после смерти мужа в жизни Бехтеревой произошли события, которые поколебали ее уверенность в полной обусловленности психики работой мозга. Она рассказывала о нескольких таких событиях, которые заставили ее подвергнуть сомнению свои материалистические убеждения. Сильнейшее влияние на нее оказал случай, когда она увидела своего умершего мужа, стоявшего на улице и смотревшего на нее, выглянувшую в окно. Вслед за этим неожиданно начал мироточить портрет мужа. Свидетелем этих событий стала ее родственница. Во

Другой замечательный физиолог, **Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942)**, в 1923 г. ввел представление о *доминанте* как общем принципе работы нервных центров, так же как и сам этот термин. Он создал учение о доминанте, которая представляет собой устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, определяющий общее поведение человека. Ухтомский прошел сложный жизненный путь, в первые послереволюционные годы несколько раз его арестовывали, он чудом избежал расстрела. Умер ученый в блокадном Ленинграде, работая над рукописью.

5.2.2. Первые шаги советской психологии

Одним из главных психологов в СССР стал **Константин Николаевич Корнилов (1879–1957)**, который в 1923 г. сменил на посту директора московского Института экспериментальной психологии **Георгия Ивановича Челпанова (1863–1936)**. Под руководством Челпанова был создан и в 1912 г. открыт этот институт. (Впрочем, официальное открытие состоялось лишь в марте 1914 г.) В 1917 г. Институт начал издавать журнал «Психологическое обозрение» (под редакцией Г. И. Челпанова и Г. Г. Шпета). Первый выпуск открывался программной статьей Челпанова «Об аналитическом методе в психологии». Психологический институт и сейчас функционирует на Моховой улице в Москве под названием «Психологический институт Российской академии образования». Спонсором проекта по созданию Института был московский купец

внутреннем мире ученого-естествоиспытателя наступил перелом, изменилось мировоззрение. Она поняла, что существуют явления, которые не находят своего объяснения с точки зрения жесткого материализма, и открыто заявила об этом.

С. И. Щукин, поставивший условие: он дает деньги (120 тысяч рублей), а институт называют именем его умершей жены. После революции Институт психологии перестал носить имя Л. Г. Щукиной, и лишь недавно это название, хотя и неофициально, стали возвращать. Сегодня ПИ РАО — самое старое научно-психологическое учреждение в мире.

Г. И. Челпанов оказался идеологически чуждым новой советской власти. Он придерживался взглядов на психологию, сходных с подходом В. Вундта: предмет психологии — сознание, метод — интроспекция. Свой подход он изложил еще в 1890 г. в книге «Мозг и душа». Подобные взгляды в Советской России называли идеалистическими, и человек, придерживающийся подобной точки зрения, не мог оставаться руководителем серьезного психологического учреждения. Наступали времена подавления любого инакомыслия. Впрочем, до конца 20-х гг. это не выглядело как прямой террор, и многие исследователи, особенно искренне придерживавшиеся марксистской философии, могли свободно проводить исследования, как это делал Л. С. Выготский. Даже те, кто не соглашался с политикой большевиков, но не высказывался по этому поводу публично, как И. П. Павлов, не подвергались гонениям.

Советские руководители решили заменить директора Института психологии, чтобы советская психология развивалась под знаменами марксизма. Эта идея не вызвала восторга у серьезных ученых. Когда-то А. Н. Леонтьев рассказывал, как в 1923 г. К. Н. Корнилов направил его, тогда молодого сотрудника Института, в Петроград с каким-то поручением к общепризнанному лидеру советской науки И. П. Павлову. Неизвестно, что стало официальной причиной этой поездки, но фактически это была попытка засвидетельствовать

Павлову почтение со стороны нового директора Института и заручиться его поддержкой. Наверное, Корнилов, продвигавший свою новую психологию под названием «реактология», хотел установить прочные связи с создателем теории условных рефлексов. Леонтьев вспоминал, как встретился — тогда ему было всего двадцать лет — с Павловым. Иван Петрович радостно поздоровался с ним и заинтересованно начал расспрашивать о состоянии дел у Г. И. Челпанова — Павлов еще не знал о смене руководства в институте. Леонтьев смущенно заметил, что Георгий Иванович больше не является директором, ему на смену пришел Константин Николаевич. Услышав это, Павлов изменился, улыбка покинула его лицо, он резко развернулся, бросив через плечо: «Не знаю, кто такой Корнилов», и ушел. Больше он с Леонтьевым не встретился.

В 1929 г. в СССР наступил так называемый год великого перелома. Так называлась статья И. В. Сталина, опубликованная в газете «Правда». В статье вождь советского государства объявлял необходимость перехода страны к ускоренной коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны. С теми, кто не соглашался с указанными целями, предполагалось вести беспощадную борьбу. В сообщество несогласных в очередной раз попали многие представители искусства и науки. Среди них был замечательный филолог и философ, последователь феноменологии Э. Гуссерля **Густав Густавович Шпет (1879–1937)**, автор теории внутренней формы слова. Шпет был действительным членом Российской (с 1924 г. — Государственной) академии художественных наук (ГАХН), а с 1924 г. — ее вице-президентом, возглавлял также и философскую секцию Академии, которая определяла ее научные ориентации. ГАХН была одним из центров психологической науки в СССР. С 1923 г. в ее составе работала

психофизиологическая лаборатория, которую возглавлял известный психолог **Владимир Михайлович Экземплярский (1889–1957)**. В ней экспериментальные исследования зрительного и слухового восприятия, природы эстетических оценок, психологии искусства и творчества проводили будущие классики советской психологии С. В. Кравков, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, П. М. Якобсон. В 1929 г. ГАХН закрывают, Шпет, как и многие другие профессиональные психологи (в том числе и Г. И. Челпанов), остается без работы. В 1935 г. Шпет был арестован, а в 1937 г. — расстрелян.

5.2.3. Психоанализ в России

Популяризатором и распространителем психоанализа в России стал известный психиатр, один из основоположников судебной психиатрии в России **Владимир Петрович Сербский (1858–1917)**, организовавший и возглавивший в 1912 г. московский психиатрический кружок «Малые пятницы», ставший одной из первых организационных структур, в состав и руководство которой вошли психоаналитики. Впрочем, после начала Первой мировой войны психоаналитическое движение в России переживало период угасания, и его возрождение произошло только в 20-е гг.

В 1922 г. усилиями учеников В. П. Сербского **Ивана Дмитриевича Ермакова (1875–1942)** и **Моисея Владимировича Вольфа (1878–1971)** было организовано Русское психоаналитическое общество. Его первым председателем стал Ермаков. Одним из секретарей Общества работал А. Р. Лурия. После переезда в Москву членом общества стал Л. С. Выготский.

В 1923 г. И. Д. Ермаков создал и возглавил Государственный психоаналитический институт, в котором велось преподавание психоанализа и была организо-

вана исследовательская работа. При Психоаналитическом институте действовал детский дом-лаборатория «Международная солидарность», который также возглавлял Ермаков. В детском доме в воспитании детей применялись психоаналитические методы. Психоаналитики создают свою библиотеку, ведут издательскую деятельность, издают все главные труды З. Фрейда, К. Юнга. Психоаналитическое движение в СССР представляло собой заметную часть мирового психоанализа: около 10 % всех психоаналитиков были советскими психологами. Одним из направлений деятельности российских психоаналитиков стали попытки совместно с европейскими коллегами объединить учения З. Фрейда и К. Маркса, подвести под практику фрейдизма философскую базу марксизма. Это течение получило название «фрейдомарксизм». В Европе его лидером стал Э. Фромм, в России — А. Р. Лурия.

Однако через несколько лет работы Психоаналитического общества государственная комиссия провела проверку «Международной солидарности». Комиссия обнаружила явные отклонения от тех установок, которыми должны руководствоваться советские люди. Прежде всего, членов комиссии неприятно поразили биологизаторские тенденции, которые превалировали в воспитании детей. В итоге психоаналитическая работа в СССР была сведена к минимуму. В 1925 г. Психоаналитический институт был ликвидирован, в 1928 г. закрыт детский дом «Международная солидарность», а в 1930 г. была окончательно прекращена деятельность Российского психоаналитического общества. В дальнейшем любые попытки реанимации психоанализа в СССР моментально пресекались вплоть до 80-х гг., когда в Москве (1988) создается первая Российская психоаналитическая ассоциация, а в Санкт-Петербурге (1989) — Санкт-Петербургское психоаналитическое общество.

5.3. Культурно-историческая психология

Самый известный — не только в России, но и в других странах — отечественный психолог **Лев Семенович Выготский (1896–1934)** занимался профессиональной наукой всего десять лет: с 1924 по 1934 г. В 1924 г. в возрасте двадцати восьми лет Выготский переехал в Москву из белорусского города Гомеля. В январе 1924 г. он выступил на II Всероссийском психоневрологическом съезде. До этого он получил высшее (историко-филологическое) образование в Москве. Дипломная работа Выготского оказалась такого уровня, что через полвека была опубликована в СССР. Получив высшее образование, Выготский уехал обратно в Гомель. Город вскоре оказался под немецкой оккупацией. После освобождения города Красной армией он работал начальником отдела культуры гомельского Губполитпросвета, то есть занимал серьезную должность в системе бюрократического аппарата советской власти. Однако этот высокопоставленный чиновник занимался и другими делами. Он написал множество критических статей, посвященных событиям культурной жизни губернии: изданию книг, выступлениям местных и приезжих артистов и т. п. Кроме того, Выготский серьезно интересовался психологией. Он написал книгу «Психология искусства», которая была издана только в 60-е гг. Но еще он преподавал психологию в местном педагогическом техникуме, а также работал в должности, которую сегодня назвали бы «школьный психолог». В школах он занимался тестированием учеников, проводил с ними опросы и беседы. Результаты этой работы он тщательно фиксировал и делал статистические выкладки. Вот с таким багажом наработок в самых разных сферах Выготский приехал в Москву. Он был очень увлечен наукой, и это не могло остаться незамеченным.

На съезде психоневрологов Выготский сделал три доклада. Эти выступления услышал А. Р. Лурия, в дальнейшем один из корифеев советской психологии, основатель нейропсихологии, работавший в то время ученым секретарем Московского психологического института. За полгода до этого директором института стал материалист К. Н. Корнилов, известный психолог, который пропагандировал модную в то время близкую бихевиоризму реактологическую науку и сменил на этом посту идеалиста Г. И. Челпанова. Корнилов быстро приступил к инновационному строительству новой психологии. Например, новый сотрудник Лев Выготский мог наблюдать, как менялись вывески у дверей психологических лабораторий: вместо таблички «Лаборатория психологии памяти» помещалась табличка «Лаборатория мнемических реакций», вместо «Психология мышления» — «Реакции мышления» и т. д. По-видимому, новый руководитель занимался не только сменой вывесок, но и подбором новых кадров, которые соответствовали бы революционным марксистским веяниям.

А. Р. Лурия высоко оценил услышанные доклады Л. С. Выготского и предложил К. Н. Корнилову пригласить Выготского на работу в Институт психологии. Корнилов согласился, Выготский переезжает в Москву и становится профессиональным психологом, научным сотрудником Московского института психологии. Его присоединили к работе небольшой группы, в которую входили всего два человека — А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев. Совсем молодые исследователи уже были к тому времени известными психологами, и казалось, что Выготский, по сравнению с Леонтьевым и Лурией уже немолодой двадцативосьмилетний человек, должен стать их помощником. Но всего через год все психологическое сообщество приходит к выводу,

что в Психологическом институте появилось новое научное звено во главе с Выготским. Эту группу стали называть «тройка» с перечислением ее участников: Выготский — Леонтьев — Лурия. Последовательность имен уже тогда указывала на вклад ее участников в разработку совсем нового психологического направления, значительно позже получившего наименование «культурно-историческая психология».

Переехавший в Москву Л. С. Выготский, погружившись в среду поведенческой психологии, оказался в сложной ситуации. Как вскоре выяснилось, он хотел перевернуть мир, и этому, конечно, способствовала революция, которая заявила: старый мир рухнул, и теперь народ станет строить большое светлое здание новой жизни. Люди в 20-е гг. еще не знали, чем обернется это «строительство». Но одна из научных психологических теорий, существовавших в то время, была признана одной из наиболее революционных. Это был, конечно, бихевиоризм, ставивший своей целью формирование нового человека, что непосредственно совпало с целями руководства СССР.

В 20-е гг. XX в. бихевиоризм стал одной из наиболее востребованных психологических систем, причем не только в СССР, но и в мире. Бихевиоризм — продукт Америки. Но не менее востребована была эта психологическая теория в СССР, где одним из важнейших лозунгов был призыв формировать нового человека. Сама по себе эта мысль не содержит в себе ничего плохого. Действительно, хорошо, если все люди добры и гениальны.

Бихевиоризм и психоанализ стали основными психологическими направлениями первой половины XX в. Впрочем, в СССР психоанализ не прижился, как говорили тогда, в силу своего крайнего биологизма. А бихевиоризм выглядел как основательное научное

подспорье государства. Бихевиоризм мог дать убедительное подтверждение необходимости руководить отдельными людьми и народными массами. В этом смысле он удобен для любой государственной власти. Тем более важное положение бихевиоризм занимал в структуре советской идеологии, целью которой стало формирование нового человека. Но в СССР был еще один повод поддержать бихевиористов. В России (а потом в СССР) уже существовала так называемая русская физиологическая школа, которую основатель бихевиоризма Дж. Уотсон называл историческим основанием своей теории. Ведь в основе этого учения, как говорил его автор Дж. Уотсон, лежали открытия, сделанные представителями русской физиологической школы, и прежде всего учение об условных рефлексах И. П. Павлова. Таким образом, не просто наука, уважаемая людьми, но еще и отечественная наука, будто специально ставшая всемирно признанной, указывала на необходимость управления человеком и формирования у него новых поведенческих стереотипов. Казалось, именно бихевиоризм является идеальным средством решения этой задачи. Таким образом, бихевиоризм фактически превратился в официальную науку советской власти. Разумеется, форма этой науки в СССР имела известную местную специфику.

Понятно, почему приехавший в Москву Л. С. Выготский активно использует в своих текстах бихевиористскую терминологию. Но уже в 1925 г. вышла большая статья Выготского под названием «Сознание как проблема психологии поведения». В этой статье Выготский призывает вернуть сознание в психологию в качестве основного предмета исследования. Этот призыв противоречил основам классического бихевиоризма и мнению большинства коллег Выготского.

Как мы помним, основной единицей анализа в работах бихевиористов был стимульно-реактивный акт. В своей интерпретации стимульно-реактивного акта Л. С. Выготский ориентировался на подход основателя отечественной сравнительной психологии **Владимира Александровича Вагнера (1849–1934)**, утверждавшего, что инстинктивные и разумные формы поведения животных восходят к рефлексам, но не могут быть к ним сведены. Уже в начале своего московского научного пути Л. С. Выготский высказывает следующую мысль: конечно, все есть рефлекс, но чем «этот рефлекс» отличается от «того рефлекса». Еще в своей книге «Психология искусства» Выготский делает предметом исследования эстетическую реакцию человека. В этой книге Выготский рассматривает вовсе не природное стимулирование, влияющее на творчество писателей, а внутренние психологические процессы человека, воспринимающего художественное произведение. Именно так, не по-бихевиористски рассматривает Выготский эстетические реакции человека на примере романа, басни, рассказа.

Именно такая идеология руководит Выготским, рассуждающим о всеобщей распространенности идеи стимульно-реактивного акта. Действительно, и амeba реагирует на кислоту, попавшую в среду ее обитания, но и человек реагирует на романы Толстого и Достоевского или пьесы и рассказы Чехова. Но если понятие называет все явления, то тем самым оно перестает что-либо объяснять. Так поступали и фрейдисты, объяснявшие все психические явления термином «бессознательное», и гештальтисты, считавшие, что все можно объяснить при помощи понятия «гештальт». По мнению Выготского, мы должны показать качественную разницу между различными реакциями. Но если это будет сделано, то термин наполнится новым содержа-

нием. А это означает, что необходимо будет использовать какой-то новый термин.

Л. С. Выготский приступает к осуществлению поставленной задачи. Возможно, на это повлияло событие, которое произошло в 1927 г. Выготский попал в больницу с приступом чахотки (как тогда называли туберкулез). Врачи вынесли свой приговор и полагали, что жить больному оставалось всего несколько недель. И тут Выготский совершает поступок, который, наверное, у многих может вызвать удивление. Он попросил принести ему пачку бумаги, карандаш и принялся создавать научный трактат. Пожалуй, такой текст вполне можно назвать научным завещанием. Этот текст был впервые опубликован только в 1982 г. под названием «Исторический смысл психологического кризиса». В этой работе Выготский излагает программу создания новой психологии.

Л. С. Выготский не умер в 1927 г. Он прожил еще семь лет и сам приступил к осуществлению сформулированных в больнице задач. Сегодня то, что он успел сделать, мы называем культурно-исторической психологией. С 1927 г. Выготский, Леонтьев и Лурия начинают работать над новой психологической программой, основа которой была сформулирована Выготским в трактате «Исторический смысл психологического кризиса». Главное, что сделал Выготский в этой статье, — сформулировал методологическую базу нового психологического подхода. Для этого он рассмотрел причины кризиса, о котором в то время говорили психологи самых разных школ и направлений. Причем многие видели причину кризиса в наличии множества этих самых школ и направлений. Каждая школа выбирала свой особый предмет исследования, а отсюда следовал вывод об «исчезновении» предмета психологии. Значит, говорили психологи, надо, наконец, договориться

о том, чем все же должны заниматься психологи, и эта «договорная база» позволит «вылечить» научную психологию от кризисных проявлений. Л. С. Выготский видел причины кризиса в другом. Не «договариваться» о предмете должны психологи, утверждал он, а определить методологическую базу новой психологической науки⁷⁷.

Л. С. Выготский предлагает свой, как ему кажется, правильный вариант. Единственной философско-методологической основой новой психологии может быть только марксизм. Сегодня это философское учение многим психологам представляется чем-то обветшалым, устаревшим и если и заслуживающим внимания, то только со стороны критиков. Конечно, в какой-то мере можно согласиться с такой позицией современных психологов. Однако нельзя забывать и другое: Выготский создавал свою теорию не в XXI в., а в 20-е гг. XX в. В 1927 г. в Советском Союзе отмечали всего лишь 10-летие Октябрьской революции. Еще не наступило время коллективизации и сталинских репрессий. В СССР еще было время НЭПа, то есть новой экономической политики, в соответствии с которой приветствовалась частная инициатива людей. По крайней мере, в крупных городах развивалась торговля и сфера услуг. Конечно, многие в СССР высказывали недовольство: боролись за коммунизм, а расцветает капитализм. Но в умах людей жила идея «светлого будущего», надежда построить коммунизм.

⁷⁷ Можно сказать, что в некоторых направлениях современной психологии мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией. В частности, в психотерапии сегодня существуют сотни, а может быть, уже тысячи разнообразных школ, представители которых обычно совсем не возражают против такого разнообразия. Наоборот, часто можно услышать мнение, что такое положение является проявлением демократичности психологической практики. Но можно говорить и об отсутствии методологической базы этих школ практической психологии.

Есть различия и в интерпретации марксизма сегодня и в 1927 г. Сегодня почти в каждой книге о Л. С. Выготском цитируется его высказывание о том, что значит использовать марксистскую методологию. Марксистом, говорит он, нельзя стать, выдернув десяток цитат из работ Маркса или Энгельса. А ведь именно так поступали многие советские ученые. Они, не считаясь с контекстом своих исследований, цитировали работы создателей философии марксизма и тем самым могли рассчитывать на признание себя марксистами. Так марксистом стать невозможно, утверждает Выготский. Пока вы не поняли смысл марксизма, вы не марксисты. Выготский, конечно, высоко поднимает планку методологии науки, и для большинства людей, да и ученых, такой уровень, может быть, и чрезмерен. Но если уж кто-то называет себя сторонником системы взглядов того или иного философа, то должен понимать не только отдельные предложения из его трактатов. К сожалению, непонимание Маркса было характерно для многих советских ученых, называвших себя марксистами. По мнению Выготского, марксистом может считать себя лишь тот, кто понимает метод, который применяют создатели этого философского учения.

К. Маркс изложил учение о методе в своей главной трехтомной книге, которая называется «Капитал»⁷⁸. Л. С. Выготский считает, что метод Маркса состоит в поиске мельчайшего элемента предмета исследования. Этот мельчайший элемент должен содержать в себе основные свойства того целого, которое подлежит изучению. Здесь — начало экономической теории К. Маркса. Так же мы должны поступать и в психологии — искать мельчайшую частицу внутреннего мира человека.

⁷⁸ Можно порекомендовать всем психологам познакомиться с первой главой первого тома этой книги.

Но это не может быть такая же единица, которую искал В. Вундт: ощущения и простые чувства. Это не могут быть и единицы, которые искал Дж. Уотсон: стимульно-реактивные акты и их цепочки.

На основе своих размышлений Л. С. Выготский вводит термин «единица психологического анализа». Для объяснения того, что такое единица анализа, он заимствует пример, используемый гештальтпсихологами. Когда химику надо изучить воду, он не изучает всю воду, имеющуюся на Земле, а берет молекулу воды. Изучив ее свойства, мы узнаем свойства всех других молекул воды⁷⁹. «Единица психологического анализа» — это минимальная «часть» предмета психологии, содержащая основные свойства этого предмета. Такой единицей Выготский называет значение. А чуть позже изменяет свое мнение: не значение, а переживание — вот что такое единица, в которой содержатся основные составляющие психологического процесса. Выготский говорит: за значением стоит аффективная сфера человека, а значение в контексте эмоций как раз и есть переживание человека.

Л. С. Выготский категорически не согласен с тем, что человек — биологическое существо. Человек — су-

⁷⁹ Конечно, этот подход имеет свои ограничения. Химическая молекула воды, разумеется, содержится в той воде, которая окружает нас. Наверное, такие молекулы составляют большую часть этой «повседневной» воды. Но мы ведь знаем, что вода, идущая из крана или составляющая протекающую мимо нас реку, включает в себя очень много других примесей. Мы знаем и о том, что так называемую дистиллированную воду, то есть воду, состоящую только из молекул воды, нельзя употреблять — она для человека является «мертвой» водой. Человек сохраняет свою жизнь только в том случае, если употребляет воду, включающую в себя примеси. И таких примесей не должно быть слишком много, чтобы не отравить организм человека. Иными словами, та молекула воды, которую используют в качестве иллюстрации гештальтпсихологи, а вслед за ними и Л. С. Выготский, — это идеализация, не имеющая реального аналога в живой природе. Впрочем, тем самым мы выходим далеко за пределы рассматриваемых проблем — в методологию идеального и реального.

щество социальное. Как только мать берет на руки ребенка, подчеркивает Выготский, тотчас же ребенок становится социальным организмом, поскольку начинает воспринимать мир сквозь призму восприятия этого мира матерью. Взрослый человек начинает раскрывать мир ребенку, который видит мир глазами взрослого человека. Психологические единицы, о которых говорит Выготский, не могут быть стимульно-реактивными связями, которые, по мнению бихевиористов, едины для животных и человека. У человека есть еще что-то, что качественно отличает его от животного.

В основном положение о единицах психологического анализа Л. С. Выготский развивает позже, в 30-е гг., а в 1927 г., выйдя из больницы, он берет стимульно-реактивное звено и предлагает рассматривать его как основу взаимодействия человека с миром. Примерно к 1930 г. Выготский вводит в советскую психологию два понятия, которые теперь хорошо известны каждому профессиональному психологу: «высшие психические функции» и «интериоризация». Для этого он «дополняет» схему бихевиоризма: стимульно-реактивная связь, действительно, едина для всех живых существ — от амебы до человека, но у человека появляется промежуточное звено — «стимул-средство». Именно такое промежуточное средство превращает биологическое существо в человека. Но для того чтобы стимул-средство стал одной из составляющих человека, необходимо, чтобы вступил в действие механизм интериоризации: внешний мир в соответствии с определенными правилами превращается в мир внутренний, операции с вещами превращаются в умственные действия, внешнее становится интериоризованным, то есть «вращивается». Интериоризованные стимулы-средства Выготский называет знаками. Эти знаки преобразуют натуральные психические функции, ко-

торые от рождения присущи человеку. Тем самым формируются высшие психические функции, отличительными признаками которых являются произвольность, опосредованность, социальность и системность.

Впрочем, теория интериоризации не только дает ответы на вопросы о качественной специфике человека. Эта теория вызывает новые вопросы. Во-первых, это вопрос о превращении «внешнего» во «внутреннее». Конечно, использование слова «интериоризация» не добавляет нам знаний о механизмах преобразования реальных вещей и действий в соответствующие идеальные образы. Но есть и другой вопрос, который задал через несколько десятилетий после смерти Л. С. Выготского известный советский психолог А. В. Брушлинский. Это произошло после того, как в середине 50-х гг. имя Выготского стало выходить из небытия.

В середине 60-х гг. А. В. Брушлинский издает книгу, в которой подвергает серьезной критике теорию Л. С. Выготского, опираясь на приведенные нами рассуждения. Культурно-историческая теория, по мнению Брушлинского, механистична. Действительно, если остановиться на теории интериоризации, то процесс обучения выглядит как жесткий механизм поступления информации во внутренний мир человека. Но тогда и сам человек начинает трактоваться как механизм реагирования на внешние раздражители, то есть логика Выготского, с которой он приступает к реализации своей исследовательской программы, отвергается.

Разумеется, найдется достаточное количество людей, которые согласятся с таким взглядом на человека. Однако сам Л. С. Выготский с этим согласиться не мог. Он принадлежал к числу исследователей, которые были убеждены: в основе жизни человека лежит принцип свободы. Как правило, исследователи исходят из идеи, в соответствии с которой люди либо жестко де-

терминированы (природными явлениями, внешними раздражителями, судьбой и т. п.), либо свободны. Выготский принадлежал к той группе исследователей, которые считают, что человек, в соответствии со своими природными данными, является свободным существом. Фактически это положение является аксиомой, которую люди принимают без специальных доказательств. Так, К. Левин в качестве такого аксиоматического утверждения принимал идею внутренней напряженности как начального пункта становления потребностей. А У. Джемс в качестве начала волевого акта называл идею *fiat* (в переводе с латинского — «Да будет!»), у Декарта такой аксиомой становится *cogito*. Одним словом, исследователи не могут обойтись без той или иной аксиоматической базы, на которой выстраивают свою концепцию. Эта аксиоматика принимается без доказательства — так видится мир исследователю. У исследователя нет ответа на вопрос: что такое *cogito*, *fiat* или «напряженность». Чтобы опровергнуть теорию, есть только один путь — создать свою теорию со своей аксиоматикой.

Главная аксиома Л. С. Выготского — человек свободен. По-видимому, созданная им теория интеориоризации (и основанная на понятии интеориоризации теория высших психических функций) не полностью удовлетворяет автора. А. В. Брушлинский словно почувствовал эту неудовлетворенность Выготского. Выготский называет наш внутренний мир психологической системой, подчеркивая тем самым его целостность и неаддитивность. «Психологическая система» — не просто случайно возникшее название. Для Выготского это «устройство», состоящее из «элементов». В этом Выготский сходится со многими психологами. Однако он рассматривает такую систему не просто как механическую ассоциативную связь. Эта система, утверж-

дал Выготский, подчиняется своим внутренне ей присущим законам диалектического становления, то есть саморазвития.

Употребив слово «саморазвитие», мы волей-неволей должны вспомнить имя великого немецкого философа Г. Гегеля. В свое время другой известный человек — русский революционер-марксист В. И. Ленин — высказал мысль, которую вряд ли кто-нибудь сумеет оспорить. Невозможно понять Маркса, написал Ленин, не понимая Гегеля. Марксизм — учение о свободе и саморазвитии, опирающееся на гегелевскую диалектику, то есть философию свободы. Эта философская теория самым непосредственным образом противостоит теории бихевиоризма. Формулу Ленина можно перефразировать следующим образом: нельзя понять Леонтьева, не понимая Выготского, которого нельзя понять, не понимая Маркса, которого нельзя понять, не понимая Гегеля. Конечно, подавляющее большинство психологов никогда не смогут назвать себя знатоками гегелевской диалектики или марксизма. Но каждый психолог должен понимать, что эта цепочка идей существует. Вместе с этим пониманием мы приходим и к пониманию того, что советская (и российская) психология является диалектической наукой, пытающейся противостоят механическим подходам. Это — психология свободы человека. У Выготского можно найти высказывание, подтверждающее это. То, что старые психологи называли волей, говорит Выготский, мы называем высшими психическими функциями. Таким образом, для Выготского исследование высших психических функций — шаг на пути изучения механизмов свободы. Вот что делает Выготский, а затем продолжает делать А. Н. Леонтьев.

Если говорить об интериоризации «в чистом виде», то понятие свободы уходит на второй план, а

на первый выходит принцип детерминизма. Эта теория похожа на теорию социального детерминизма, разрабатывавшуюся во французской социологической школе. За счет интериоризации появляются высшие психические функции, то есть элементы нашего внутреннего мира. Но когда мы говорим о психологических «элементах», мы должны иметь в виду еще один момент. Дело в том, что на протяжении всего своего творческого пути Л. С. Выготский неоднократно подчеркивает: предмет психологии — не вещь, а процесс. В дальнейшем А. Н. Леонтьев вносит новый смысл в высказывание: это — процесс взаимодействия с миром, то есть деятельность.

Можно ли найти элементы процесса? Сейчас говорить об этом не будем. Но задумаемся о сложности, которая стоит перед исследователями-психологами: понять высшие психические функции как процесс формирования психологической системы. До Выготского психологи старой школы рассуждали о механизмах ассоциации. Так было в системе В. Вундта, который, разделив весь внутренний мир на два уровня — перцепцию и апперцепцию, — фактически соглашался с существованием ассоциативных связей, объединявших собой все психические элементы. То же самое мы находим и у З. Фрейда — уже в глубинах бессознательного. Здесь хранится психологическая цепочка звеньев. Потянув за одно, психоаналитик может вытянуть одно за другим всю цепочку и выяснить устройство всей системы. Все звенья этой цепи связаны друг с другом не случайным образом. А если встречается разрыв в процессе свободного ассоциирования, то это — сигнал наличия разрыва в цепи ассоциаций.

Конечно, будто продолжает эти рассуждения Л. С. Выготский, здесь нет случайности, поскольку эта связь «копирует» связи внешнего мира. Но тут перед

Выготским возникает проблема, связанная с вопросом о свободе выбора человека. Свобода — прежде всего, свобода выбора. Как этот выбор осуществляет человек? При помощи жребия, пробует ответить на этот вопрос Выготский. В качестве иллюстрации этого механизма он использует так называемую ситуацию буриданова осла, которая названа так в честь одного из первых ректоров университета Сорбонны французского философа Буридана. Этот средневековый философ высказал следующее предположение. Если представить себе голодного осла, который окажется на абсолютно равном расстоянии между двумя абсолютно одинаковыми стогами сена, то животное умрет от голода, поскольку не сможет сделать выбор. Выготский продолжает эту мысль: человек, в отличие от животного, не останется в безвыходной ситуации, поскольку может свободно использовать дополнительные приемы. Например, человек может бросить жребий и таким образом сделает свой выбор.

Но давайте задумаемся: что значит сделать выбор? Ведь для этого мы предварительно должны сделать выбор между двумя возможностями: бросать жребий или использовать какой-то другой способ выбраться из, казалось бы, безвыходной ситуации. А для того чтобы сделать этот выбор, мы предварительно должны сделать выбор выбора, и т. д. и т. п. Таким образом, мы должны дойти до самого первого выбора, но не сможем решить, откуда же берется этот первый выбор. Этот выбор становится аксиомой, принимаемой без доказательства, как аксиомой является *fiat* у Джемса или напряженность у Левина.

Теория высших психических функций, включая представление об интериоризации, была изложена Л. С. Выготским в монографии «История развития высших психических функций», которая при жизни

автора не издавалась. Когда в 1960 г. она все-таки была издана, психологи вдруг стали называть ее главным достижением культурно-исторической психологии. Удивительно, но сам автор не собирался издавать эту книгу, хотя ее текст был готов уже к 1930 г. Когда книга «История развития высших психических функций» увидела свет, психологи восприняли ее как рассказ о том, как внешние предметы получают свою «внутреннюю» форму, как вещь превращается в образ. За пределами внимания психологов осталась другая сторона этого вопроса — как происходит обучение: является ли ученик всего лишь пустым сосудом, который заполняется полезной информацией, и является ли педагог всего лишь «передатчиком» знаний?

Итак, теория интериоризации не дает нам ответ на вопрос, с чего начинается мотивационный процесс у человека — что такое свобода мотивационного процесса. Отсюда — обращение Выготского к философии Г. Гегеля. Надо сказать, Выготский всегда любил Гегеля. Еще в гимназии будущий создатель культурно-исторической психологии писал тексты о философии Гегеля. Когда Выготский жил в Москве, он познакомился и сдружился с переводчиком трактатов немецкого философа Б. Г. Столпнером (в 20-е гг. в СССР выходило многотомное собрание сочинений Гегеля). Они ходили в гости друг к другу, играли в шахматы и, наверное, не один вечер посвятили обсуждению гегелевской диалектики. Наконец, Выготский прекрасно владел немецким языком и читал сочинения Гегеля (и Маркса) в оригинале.

Диалектика Гегеля — философское учение о свободе. По Гегелю, свобода — это результат функционирования особых качеств, присущих самому живому организму. Вся природа, превращающаяся, в конце концов, в абсолютный дух, по Гегелю, — живой орга-

низм. Рассуждения Гегеля о природе и абсолютном духе напоминают историю становления человека: от природных биологических организмов к человеку — носителю сознания. Что же нужно, по Гегелю, чтобы природное образование развивалось *само*? Гегель считал, что в каждом организме существуют противоположности, которые противоречат друг другу. Например, процесс ассимиляции в природе сопровождается одновременным процессом диссимиляции: клетка распадается, впитываясь под влиянием того или другого вещества. Ассимиляция и диссимиляция — одновременный процесс. Северного полюса не было бы без Южного, и наоборот. Так же рассуждает Выготский: если мы поймем, что есть в самом человеке, похожее на то, о чем говорит Гегель, мы поймем, что такое свобода. Предмет психологии — живой, и он тоже должен содержать противоречащие друг другу образования. Об этом и начинает размышлять Выготский в последние годы жизни. Эти размышления приводят автора к построению теории речевого мышления. Наиболее полно эта теория излагается Выготским в последней главе книги «Мышление и речь». Здесь речевое мышление берется автором как модель предмета психологии. В этом процессе — в процессе речевого мышления — есть какой-то элемент, который содержит в себе качества всего предмета психологии. Это — значение слова.

Не будем забывать: все это происходит в середине 30-х гг. Термин «значение» в это время имеет филологическое наполнение. Выготский же переносит это слово в психологию. Примерно такую же задачу позже решает А. Н. Леонтьев, убеждая своих советских коллег в том, что термин «смысл» не только носит «буржуазный» характер, но и может быть с пользой применен в марксистской психологии.

Конечно, мы знаем, что такое значение слова. Но у Л. С. Выготского значение — это процесс перехода от мысли к слову и обратно. Вот что такое наш внутренний мир. Это процесс перехода извне внутрь и обратно. Тем самым Выготский вводит, наряду с интериоризацией, еще один механизм — экстериоризацию. Не только извне внутрь, но и изнутри вовне — вот что такое психика. Что же в этом процессе противоречит друг другу? Все мы постоянно осуществляем экстериоризацию, превращая состояния внутреннего мира в слова. Например, человек, что-то рассказывающий, выражает вовне свой внутренний мир при помощи рассказа. Слушатели некоторым образом реагируют на услышанный текст, и рассказчик воспринимает эти реакции слушателей. Когда информация возвращается к рассказчику, его внутренний мир изменяется. Любая интериоризация сопровождается такими изменениями. Это изменение постоянно и непрерывно происходит со всеми нами. Но это — не все.

Мы постоянно взаимодействуем с миром. Мир для человека — это всегда люди и вещи, сделанные людьми, то есть можно сказать, что наше взаимодействие всегда социально. Далее, в процессе общения мы понимаем друг друга. Возникает вопрос: что такое понимание? Для ответа возьмем какое-нибудь слово. Пусть это будет слово «корова». Какой образ возникает в нашем сознании, когда мы слышим это слово? У каждого человека возникает свой образ. У кого-то это корова, дающая молоко, у кого-то — деревня, в которой этот человек увидел корову, у кого-то — кадры из мультфильма и т. д. Но когда мы разговариваем друг с другом, все эти образы не выплескиваются наружу. Мы слышим слово. И понимаем друг друга. Значит, в наших внутренних мирах есть нечто, что объединяет нас, — что-то общее. Следовательно, в нашем внутрен-

нем мире сосуществуют две составляющие. Это то, что объединяет меня с другими людьми, и то, что принадлежит только мне. У каждого из нас — свой внутренний образ. Но когда мы разговариваем, у нас отсутствуют общие образы: не у каждого есть бабушка в деревне и не все смотрели известный мультфильм, а если и смотрели, не обязательно запомнили то, что запомнил другой человек. Значит, наш внутренний мир — двойственен: в нем есть что-то сугубо индивидуальное и что-то общее для всех. Он состоит, как говорят философы, из некоего *A* и *не-A*.

Но эти две составляющие нашего внутреннего мира — не что-то близко расположенное. Нет, это — одно целое, двойственное, молярное, состоящее из самого образа и его инобытия. Еще Аристотель сформулировал так называемый закон тождества. В соответствии с этим законом *A* может быть равно только самому себе и ничему иному. Но если верить Гегелю, это не так. *A* равно не самому себе, а чему-то противоположному (*не-A*). Л. С. Выготский называет две подобные стороны единого психического процесса двумя разными терминами: есть «значение для других», или просто «значение», и есть «значение для себя», или «смысл». Противоречие между смыслом и значением и является той самой движущей силой, благодаря которой происходит становление (саморазвитие) внутреннего мира человека.

Через два года после смерти Выготского вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Психология оказалась под сильнейшим прессом. Ведь в то время многие психологи называли себя педологами, то есть представителями науки, целостно и всесторонне изучавшей ребенка. Выготский был одним из лидеров советской педологии. Известный совет-

ский (и российский) психолог В. П. Зинченко сказал о Выготском, умершем за два года до указанного постановления: «Он не успел испугаться». В конце 30-х гг. таких психологов, как Выготский, стали вытеснять из психологической памяти. Его стали забывать. В одной из недавно вышедших книг о Выготском ее автор приводит рассказ своего корреспондента. Этот корреспондент в середине 50-х гг. попросил своего родственника, близкого к психологическому сообществу, рассказать о Выготском, на что получил ответ: «Да, заходил к нам какой-то психоаналитик с такой фамилией...»

Только благодаря стараниям А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии имя Л. С. Выготского было восстановлено в психологическом сообществе. Выготского «вдруг» узнали не только советские психологи, но и наши зарубежные коллеги. Сегодня Выготский — наиболее цитируемый русскоязычный психолог в мире. До этого таким психологом был А. Р. Лурия — известный организатор нейропсихологии. И вот его место занимает Выготский. Сегодня Америка и Европа с огромным интересом открывают для себя марксиста Выготского. Большую роль в деле популяризации идей советского психолога сыграло вышедшее в СССР в первой половине 80-х гг. шеститомное собрание сочинений Выготского. Кстати, в одном из этих томов была впервые издана рукопись Выготского «Исторический смысл психологического кризиса».

А первые после двадцатилетнего забвения книги Выготского («Психология искусства», «Мышление и речь», «История развития высших психических функций») стали появляться во второй половине 50-х гг. Удивительно, но ни одна из этих книг (а в них, собственно, и излагаются основные положения культурно-исторической психологии) не была издана при жизни автора. Особо следует остановиться на книге

«Мышление и речь». Выготский готовил ее к изданию, но не успел увидеть изданную книгу — она появилась через несколько месяцев после смерти автора. «Мышление и речь» представляет собой сборник текстов, написанных автором в последние годы его жизни. Здесь Выготский излагает свои представления о формировании понятий, включающие результаты исследований, проведенных по так называемой методике Выготского — Сахарова, разработанной рано ушедшим из жизни коллегой Выготского Л. С. Сахаровым. Здесь же помещены тексты, которые в дальнейшем историки психологии назвали дискуссией Выготского с Ж. Пиаже. Наконец, в этой книге изложена теория речевого мышления. «Психология искусства» была написана еще в Гомеле, но так и не увидела свет.

В последние годы своей жизни Л. С. Выготский создавал свою теорию речевого мышления под влиянием критики со стороны группы психологов, работавших в Харькове, и, возможно, теория Выготского получила свое воплощение именно благодаря этой критике.

5.4. Харьковская психологическая школа

В 1930 г. украинские психологи попросили своих московских коллег оказать помощь в организации школьной психологической службы Украины. Это было сделано через Л. С. Выготского, который как раз в это время поступил в Харьковский медицинский институт, чтобы получить еще одно высшее образование. Такая группа была собрана, и ее возглавил А. Н. Леонтьев. С этого времени и до начала Великой Отечественной войны ведет свое существование Харьковская психологическая школа⁸⁰. В работе Харьковской психоло-

⁸⁰ Харьков в то время был столицей Украины.

гической школы принимали участие исследователи, которые в дальнейшем составили цвет советской психологии: П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович, А. В. Запорожец (совместно с И. Г. Диманштейн, проведший известные опыты с американскими сомиками), П. И. Зинченко, автор «феномена горькой конфеты» В. И. Аснин, Ф. В. Бассин, ставший в дальнейшем известным исследователем бессознательных процессов, и др. Всего Харьковская психологическая школа насчитывала в своих рядах 15 сотрудников.

В конце 80-х гг. российские психологи стали много говорить о расхождении между Выготским и Харьковской психологической школой. Некоторые даже говорили о личном конфликте между Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым. На самом деле дальнейшие исследования историков показали, что ничего подобного не было, хотя серьезная критика культурно-исторической психологии действительно прозвучала со стороны Харьковской психологической школы. Харьковчане утверждали, что теория Выготского идеалистична и далека от марксизма. Это обвинение до слез обижало Выготского. По мнению критиков, его идеализм заключался в том, что предметом психологии он считал сознание человека, то есть мало чем отличался от таких психологов, как Вундт или Вертгеймер, принявших учение Декарта о существовании двух отдельно существующих субстанций. Таким образом, когда Выготский говорит об интериоризации и высших психических функциях, он говорит только о сознании. Более того, если мы принимаем сознание в качестве предмета психологии, то тем самым принижаем роль материального субстрата, то есть игнорируем одно из принципиальных положений марксизма. Выготский, по мнению критиков, делает то же самое, что и представители французской социологической школы (буржуазной

«по определению»), которые устами Э. Дюркгейма утверждали, что в сознании человека имеются два основных элемента — индивидуальные и коллективные представления, причем первые управляются представлениями коллективными.

Л. С. Выготский бурно переживал обвинения в свой адрес. Больше всего его задевали обвинения в немарксизме. Сегодня такая реакция может показаться странной, но это было послереволюционное время, когда люди искренне верили в идеалы коммунистического будущего. И обвинение в предательстве этих идеалов переживалось очень тяжело. Они еще не знали, что впереди — страшный 1937 г., а потом страшная война. Не знал этого и Выготский.

5.5. Разгром советской психологии

4 июля 1936 г. произошло событие, которое надолго затормозило развитие отечественной психологической науки. Свет увидело постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О педологических извращениях в системе наркомпросов»⁸¹. Фактически постановле-

⁸¹ ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), в 1952 г. переименованной в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС). Совнарком — Совет народных комиссаров — с 1946 г. получает название «Совет министров» — аналог нынешнего Правительства РФ. Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения, аналог нынешнего Министерства просвещения; в СССР свои наркомпросы (как и другие наркоматы, а затем министерства) существовали во всех союзных республиках, входивших в состав СССР. Отметим, что во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы сталинское руководство, вступившее в союзнические отношения со своими непримиримыми противниками — США и Великобританией, начало осуществлять некоторые мероприятия, которые явились сигналами странам Запада о стремлении СССР к сближению: становится более терпимым отношение власти к религии, в армии вводятся такие признаки «старой» жизни, как погоны и воинские звания, и т. д.

нием закрывалась психология. Это происходило не юридически. Как раз юридически в Советском Союзе то, что мешало идеологии, не закрывалось. Обычно высказывались «рекомендации». Но все советские люди знали: если такие «рекомендации» не выполнить, то неподчинившиеся люди будут наказаны. При сталинском режиме их отправляли в заключение, а многих казнили; в более поздние времена увольняли с работы, то есть осмелившиеся высказать особое мнение теряли тот самый смысл своей жизни и оказывались в экзистенциальном вакууме, о котором говорил В. Франкл.

В постановлении 1936 г. говорилось о том, что педологическое сообщество выступает как «агент» буржуазии, злонамеренно отдавая преимущество в своих выводах детям дворян и интеллигенции, тем самым отодвигая на второй план детей рабочих и крестьян. Впрочем, в действительности педологи давали определенные основания для этих обвинений. Дело в том, что, используя метод тестов как основной в своей работе, они рассматривали его не только как диагностический метод, но и как способ прогнозирования. В своих практических выводах, которые они делали после повсеместного тестирования школьников, педологи не только определяли наличное психологическое состояние детей, но и пытались предсказывать их будущее. Поскольку в основном использовались тесты интеллектуального развития, преимущество имели дети, жившие в семьях, где детям уделялось большее внимание. В таких семьях родители имели материальный достаток или были достаточно образованны. Это были дворянские семьи и семьи интеллигентов⁸². Таким об-

⁸² В СССР дворяне считались чуждым классом. Людей дворянского сословия подвергали всевозможным гонениям вплоть до уничтожения. Это, однако, не означало, что дворяне исчезли. Многие сумели выжить и сохранили свои личностные качества.

разом, дети из таких семей получали более высокие баллы в ходе тестирования, значит, и «предсказания» их будущего оказывались более благоприятными.

Главными пунктами постановления были следующие:

- ликвидировать звено педологов в школах и изъять педологические учебники;
- упразднить преподавание педологии как особой науки в педагогических институтах и техникумах;
- раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги педологов.

Особое внимание обратим на следующий пункт постановления: желающих педологов-практиков перевести в педагоги (как будто можно прямым указанием «перевести» человека из одной профессии в другую).

Основную массу педологов составляли психологи, поэтому постановление фактически было по психологической науке. Даже если психолог-педолог раскисался и «переходил» в педагоги, за ним навсегда сохранялось клеймо неблагонадежного человека.

5.6. Советская психология в годы Великой Отечественной войны

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Тематика психологических исследований кардинально менялась. Теоретические и экспериментальные исследования отошли на второй план. Все усилия были направлены на борьбу с нацистской Германией. На первом месте оказались практико-ориентированные работы, направленные на защиту советских солдат во время боевых действий.

Впрочем, психологи стремились принять участие в непосредственных боевых действиях. Так А. Н. Ле-

онтьев, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов в 1941 г. ушли в народное ополчение, но были отозваны и участвовали в службе ПВО г. Москвы. В 1943 г. Леонтьев заведовал научной частью восстановительного госпиталя в Свердловской области. Лурия с августа 1941 г. по октябрь 1944 г. служил начальником крупного нейрохирургического эвакогоспиталя в Челябинской области. В это время Лурия и группа его сотрудников (около 30 человек) организовали серию исследований и реабилитационную практику раненых с травмами головы, в частности, инновационную реабилитацию посредством трудотерапии⁸³.

Большую работу провели психологи в плане маскировки. Здесь свое слово сказали исследователи ощущений и восприятия. Для сокрытия от врага важных объектов во время войны использовались материалы психологических исследований, накопленные в этой области еще в 20–30-е гг. Так, к работам этого направления относится цикл исследований, проведенных в 20–30-е гг. в Высшей школе военной маскировки под руководством Б. М. Теплова.

Усилия психологов, возглавлявшихся известным специалистом **Сергеем Васильевичем Кравковым (1893–1951)**, были направлены на восстановление зрения советских воинов. Сам Кравков в 1941–1945 гг. работал в нейрохирургическом госпитале. Проблемой повышения зрительной и слуховой чувствительности бойцов занимался **Крикор Хачатурович Кекчеев (1893–1948)**.

⁸³ В частности, один из эпизодов этой работы был описан А. Р. Лурией в популярной книге «Потерянный и возвращенный мир», где автор описывает историю восстановления психических функций у солдата после ранения в голову.

Работа **Николая Дмитриевича Левитова (1890–1972)** и его коллег была посвящена повышению морально-волевых качеств бойцов и командиров.

В годы войны в СССР психологи занимались не только практической работой. В 1943 г. была создана Академия педагогических наук СССР (нынешняя Российская академия образования), в которую была включена психологическая наука. Весной 1945 г. в Институте философии АН СССР был организован сектор психологии под руководством С. Л. Рубинштейна.

5.7. Павловская сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР

После Великой Отечественной войны многие советские люди решили, что время репрессий никогда не вернется: ведь советский народ доказал свою верность «делу Ленина — Сталина», одержав победу над нацизмом ценой многомиллионных жертв. Но руководство СССР рассуждало иначе, оно продолжало искать врагов. Это происходило в разных сферах жизни советского общества, в том числе и в науке.

В 1950 г. состоялось совместное заседание Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Сессия была посвящена роли теории И. П. Павлова в советской науке. К тому времени было многое сделано в деле разгрома различных научных направлений. В 1948 г. состоялась сессия Академии сельскохозяйственных наук СССР, на которой была разгромлена генетика. Президентом этой Академии в те годы был советский агроном и биолог Т. Д. Лысенко, отвергавший менделевскую генетику и хромосомную теорию наследственности. Он объявил «единственно верным» учением в агрономической науке работы замечатель-

ного советского селекционера И. В. Мичурина. Те биологи, которые разрабатывали иные подходы, подверглись репрессиям.

Преследовали в СССР не только генетиков. По партийному усмотрению запрещались самые перспективные направления, научные организации в лучшем случае закрывались, чаще ученых уничтожали физически. В 1948 г. объявили буржуазными лженауками кибернетику, волновую механику, резкой критике подвергалась теория относительности А. Эйнштейна. Объектами гонения и критики со стороны партии стали композиторы Прокофьев, Хачатурян, Мурадели и др. В 1948 г. за создание «одиозных» произведений они были исключены из Союза композиторов.

Одновременно во второй половине 40-х гг. в СССР была развернута бурная кампания по борьбе с космополитизмом, направленная против советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носительницы скептических и прозападных тенденций.

Многие исследователи, описывающие данную кампанию, считают ее антисемитской по своему характеру. Действительно, среди тех, кто обвинялся в «безродном космополитизме» и враждебности к патриотическим чувствам советских людей, большинство составляли евреи. Их увольняли с работы, арестовывали. Все это сопровождалось борьбой за русские и советские приоритеты в области науки и изобретений, критикой ряда научных направлений, административными мерами против лиц, заподозренных в космополитизме и «низкопоклонстве перед Западом». Так, в ходе кампании был уволен с руководящих постов в Институте философии и на философском факультете МГУ ведущий организатор советской психологии С. Л. Рубинштейн, хотя он и остался работать в этих организациях.

В 1950 г. дело дошло и до физиологии. По мнению советского руководства, физиологи в СССР слишком мало уделяли внимания теории И. П. Павлова, а некоторые стали вносить в нее изменения, что было недопустимо. С целью предотвратить такое развитие событий и была созвана совместная сессия двух академий, получившая название «Павловская сессия». Сессия была организована в целях борьбы с влиянием Запада на советскую физиологию⁸⁴. Академики решили обсудить (конечно, по заданию партийного руководства), нет ли в рядах советских физиологов инакомыслия, не отходят ли советские физиологи от «единственно верного» павловского учения. В ходе сессии группа советских физиологов (К. М. Быков, А. Г. Иванов-Смоленский, Э. Ш. Айрапетьянц, И. П. Разенков и Э. А. Асратян) обрушилась с критикой на преследуемую группу ученых (Л. А. Орбели, А. Д. Сперанский, И. С. Бериташвили, П. К. Анохин, Л. С. Штерн), которых она обвинила в отклонении от учения И. П. Павлова.

Несмотря на то что на Павловской сессии речь шла в первую очередь о физиологической науке, ее влияние и воздействие на психологию было огромно. Во-первых, основные обвинения на сессии направлялись против Л. А. Орбели и П. К. Анохина, которые участвовали в разработке психофизиологической проблематики и тесно сотрудничали с психологами. Во-вторых, в ряде докладов на сессии утверждалось, что субъективный метод изучения психических явлений должен быть заменен объективным исследованием физиологических процессов, так как объективное изучение психических явлений невозможно. А отсюда — один шаг до далеко

⁸⁴ Подобные сессии в СССР собирались только с одной целью: вынести пока что научный приговор тем, кто имел смелость хотя бы в малейшей степени проявлять свободомыслие, не придерживаясь канонических предписаний и догматов.

идущего вывода о замене психологии физиологией высшей нервной деятельности. В частности, предлагалось убрать психологию из учебных планов высших учебных заведений, заменив ее физиологией высшей нервной деятельности. По сути дела, речь шла о возможности дальнейшего существования психологии как самостоятельной научной дисциплины со своим специфическим предметом, задачами и методами.

Борьба с инакомыслием была продолжена на объединенном заседании расширенного президиума Академии медицинских наук СССР и Пленума правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, проходившем в октябре 1951 г. Ведущим автором программного центрального доклада «Состояние психиатрии и ее задачи в свете учения И. П. Павлова» был психиатр А. В. Снежневский. Доклад звучал как обвинительное заключение в адрес видных психиатров. Гонениям подверглось и психологическое направление в психиатрии. Ему инкриминировались псевдонаучность и пропаганда буржуазно-идеалистических воззрений на природу поведения человека, признававших объективную роль внутренних (субъективных, индивидуальных) факторов в детерминации его мотивов. Среди таких психиатров был назван и А. Р. Лурия.

К счастью, новый разгром психологии не наступил. После смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. в СССР наступил период, который известен под названием «оттепель».

5.8. Советская психология во второй половине XX в.

Во второй половине 50-х гг. в советской психологии наступило время возрождения. В 1955 г. начал выходить журнал «Вопросы психологии». Первым редак-

тором журнала стал известный специалист в области психологии памяти **Анатолий Александрович Смирнов (1894–1980)**. В 1957 г. по инициативе А. А. Смирнова было возрождено Психологическое общество, которое стало Обществом психологов СССР (с 1994 г. — Российское психологическое общество), а Смирнов был избран его первым президентом. В 1959 г. состоялся 1-й съезд Общества психологов СССР.

Активно развивались связи советских психологов с зарубежными коллегами. В 1966 г. в Москве состоялся XVIII Международный психологический конгресс. В СССР открывались новые психологические организации. Так, в 1972 г. свершилась давняя мечта С. Л. Рубинштейна — в Москве открылся Институт психологии АН СССР (ныне ИП РАН), первым директором которого был назначен специалист в области инженерной психологии и психологии познавательных процессов **Борис Федорович Ломов (1927–1989)**.

Б. Ф. Ломов стал первым деканом факультета психологии Ленинградского университета, открытого в 1966 г. Одновременно на базе отделения психологии факультета философии был открыт факультет психологии МГУ, первым деканом которого стал А. Н. Леонтьев. В 1970 г. такой факультет появился и в Ярославском государственном университете. В 1985 г. на базе отделения педагогики и психологии педагогического факультета МГПИ был создан факультет педагогики и психологии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. В 90-е гг. в России стали появляться специализированные психологические вузы. В 1995 г. был создан Московский психолого-социальный институт (с 2014 г. — университет), а в 1996 г. — Московский городской психолого-педагогический институт (с 2017 г. — Московский государственный психолого-педагогический университет).

Развитие советской психологии во второй половине XX в. осуществлялось прежде всего усилиями тех ученых, которые стояли у истоков отечественной психологической науки.

5.8.1. Д. Н. Узнадзе

Дмитрий Николаевич Узнадзе (1887–1950) — основатель школы психологии в Грузии. Образование по философии он получил в Лейпцигском университете (1909), где занимался у В. Вундта. В 1918 г. Узнадзе стал одним из организаторов Тбилисского государственного университета, где заведовал созданной им кафедрой психологии и психологической лабораторией. Основным предметом изучения Узнадзе была *установка*, то есть склонность человека к определенной форме ответной реакции, формирующаяся в результате жизненного опыта личности. Установка предопределяет направление деятельности индивида, поступательное движение по отношению к объектам и ситуациям, к которым она имеет отношение. Целью Узнадзе было объяснение собственной активности живого организма и преодоление «постулата непосредственности»⁸⁵ с помощью установки. Обязательным условием возникновения установки является наличие ситуации и потребности. Установка представляет собой совокупность объективного и субъективного (ситуации и потребности) обстоятельств. В частности, от нее часто зависит перенастройка психофизиологических сил и готовность совершать определенные действия в воз-

⁸⁵ В соответствии с постулатом непосредственности, между субъектом и воздействующим на него объектом отсутствуют какие бы то ни было промежуточные звенья. Этот постулат стал одним из основных методологических оснований для многих психологических школ конца XIX — начала XX в.

никающих ситуациях для того, чтобы удовлетворить соответствующую данной обстановке конкретную потребность. Установку следует рассматривать как определенный момент, четко ограниченный временной промежуток существования потребности. По Узнадзе, существуют *диффузная установка*, возникающая в отношении больших классов явлений, и *фиксированная установка* — по отношению к отдельным объектам.

5.8.2. Б. М. Теплов

Борис Михайлович Теплов (1896–1965) в 1914 г. поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, где стал специализироваться по психологии. На втором курсе он начал посещать психологический практикум Психологического института при Московском университете, которым руководил Г. И. Челпанов. В 1916 г. Теплов был призван в армию. После окончания школы прапорщиков получил назначение в один из пехотных полков на Западном фронте, где и пробыл до окончания войны, участвовал в боевых действиях.

После октября 1917 г. Б. М. Теплов был избран в своем полку на одну из командных должностей. К концу года демобилизован, но в феврале 1919 г. был снова призван в Красную армию, где его направили в Высшую школу военной маскировки, которую он окончил в 1921 г. Одновременно он продолжал учиться в университете. Вскоре Теплов был назначен начальником Отдела опытных станций, занимавшихся вопросами военной маскировки. Он выдвинулся как один из создателей маскировочного дела в Красной армии. Теплову было присвоено воинское звание командира бригады (комбрига).

В 1933 г. Б. М. Теплов был уволен в резерв РККА и занялся изучением способностей, характера, темпера-

мента, разрабатывал методы их объективной диагностики и измерения. В 1940 г. он защитил докторскую диссертацию «Психология музыкальных способностей». В годы Великой Отечественной войны Теплов занялся вопросами личности военачальника. В книге «Ум полководца» он описал два типа мышления, которыми должен владеть полководец: теоретическое мышление, лежащее в основе планирования военных операций, и практическое мышление, при помощи которого осуществляется претворение планов в жизнь.

В 1949–1951 гг. Б. М. Теплов заведовал кафедрой психологии философского факультета МГУ. В эти годы он разработал и читал курс лекций «История психологии», публиковал работы по истории гештальтпсихологии. После Павловской сессии 1950 г., организаторы которой требовали заменить психологию физиологией, Теплов переключился на психофизиологические исследования природы индивидуальных различий.

Б. М. Теплов в своей научной деятельности был увлечен следующими проблемами:

— цветоведение (в том числе проблемы маскировки). Он один из немногих обратил внимание на вторичность цвета по отношению к некоторым другим свойствам ощущений и восприятий, то есть на отсутствие цвета в природе, на его формирование в сознании человека;

— психология искусства. Теплов провел ряд бесед с музыкантами, в которых пытался прояснить психологические проблемы, связанные с воспроизведением музыкального произведения;

— психология индивидуальных различий. Этот вопрос в творчестве Теплова тесно переплетается с проблемой способностей;

— история психологии (в частности, история гештальтпсихологии).

5.8.3. С. Л. Рубинштейн

Советский психолог **Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960)** родился и до 1930 г. жил в Одессе. Правда, в течение пяти лет (1908–1913) он учился в Германии: сначала во Фрайбургском университете, а затем — на философском факультете Марбургского университета, после окончания которого защитил диссертацию «К проблеме метода». Вернувшись в Одессу, он стал работать преподавателем психологии и логики в гимназии, а с 1919 г. — на кафедре философии и психологии Одесского института народного образования, которую в то время возглавлял Н. Н. Ланге. В 1930 г. **Михаил Яковлевич Басов (1892–1931)**, руководивший педологическим отделением Ленинградского педагогического института им. Герцена, пригласил Рубинштейна заведовать кафедрой психологии. Басов был пионером выделения деятельности в особую, ни к каким другим формам жизни не сводимую категорию и, по-видимому, оказал влияние на становление варианта теории деятельности, которую разрабатывал Рубинштейн.

В 1940 г. увидела свет книга С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», до сих пор являющаяся одним из лучших учебников по психологии. На основе принципа единства сознания и деятельности Рубинштейн провел большой цикл экспериментальных исследований ключевых проблем психологии, прежде всего касающихся когнитивных процессов (восприятия, памяти, речи и мышления).

После эвакуации из блокадного Ленинграда С. Л. Рубинштейн (с 1942 г. и до конца жизни) работает в Москве, где организует кафедру психологии (1942), а затем, в 1943 г., — отделение психологии философского факультета (и одновременно — отделение языка, логики и психологии на филологическом факультете) МГУ. В 1949 г. в ходе организованной сталинским ру-

ководством СССР так называемой кампании по борьбе с космополитизмом Рубинштейн был снят со всех административных постов, хотя и остался работать в МГУ и Институте философии АН СССР, где в 1945 г. организовал и возглавил сектор психологии. После смерти Сталина Рубинштейн снова возглавил сектор психологии в Институте философии и до конца жизни занимался плодотворной организационной и научной деятельностью. В 1957 г. вышла его книга «Бытие и сознание», в 1959 г. — «Принципы и пути развития психологии», в 1973 г. была опубликована незавершенная работа Рубинштейна «Человек и мир», над которой он работал до последних дней.

С. Л. Рубинштейн — скорее, философ в психологии, чем психолог в привычном понимании этой профессии. В его работах много методологических и философских размышлений. Он одним из первых в советской психологии попытался осмыслить категорию деятельности в неизданной при жизни книге «Человек и мир».

Последователи научной школы С. Л. Рубинштейна активно обсуждали проблемы деятельностного подхода в психологии как при жизни Рубинштейна, так и в дальнейшем. Среди наиболее плодотворных его учеников следует назвать **Андрея Владимировича Брушлинского (1933–2002)** и **Ксению Александровну Абульханову-Славскую (род. 1932)**. Дискуссии представителей этой школы с учениками и последователями А. Н. Леонтьева составляют характерную черту так называемой московской психологической школы, в центре внимания которой — понятие «деятельность»⁸⁶.

⁸⁶ В советской психологии существовало много психологических школ: московская, ленинградская, тбилисская, киевская, пермская, ярославская и др. Конечно, все они позиционировали себя как марксистские, что не мешало представителям этих школ создавать оригинальные теоретические разработки и получать интересные эмпирические данные.

5.8.4. Д. Б. Эльконин

В теории Л. С. Выготского четко прослеживаются две методологические линии: теория интериоризации и теория саморазвития. Эти две стороны культурно-исторической теории разрабатывали Д. Б. Эльконин и П. Я. Гальперин. **Даниил Борисович Эльконин (1904–1984)** занимался проблемой онтогенетического развития человека. Он выделил несколько этапов такого развития. В основе перехода от одного этапа к другому, по Эльконину, лежат кризисы, причиной которых является противоречие между двумя компонентами, составляющими деятельность человека, — направленность на людей и направленность на предметы. Человек развивается, последовательно переходя от одной направленности к другой и обратно, и снова — к первой, и т. д. В частности, новорожденный человек учится взаимодействовать с людьми и только посредством других людей учится взаимодействовать с предметами. Затем ребенок начинает самостоятельно манипулировать с предметами (с игрушками прежде всего), и общение со взрослыми становится чем-то вроде «обслуживания» такой предметной деятельности. Затем снова на первый план выходит общение с людьми, снова — с предметами, и т. д.

Главное, по мнению Д. Б. Эльконина, при переходе от одной стадии к другой состоит в противоречии между овладением ребенком предметами, с одной стороны, и формами общения с другими людьми — с другой. Например, приходит время, когда ребенок начинает говорить: «Я сам». Ему надоедает взаимодействие со взрослыми, которые лишают его свободы. В свое время А. Адлер говорил, что последствием такого положения является возникновение у ребенка комплекса неполноценности. По мнению Д. Б. Эльконина, ребенок проходит через ряд кризисов. Например, новоро-

жденный ребенок познает мир благодаря взрослому человеку. Но приходит время, когда ребенок начинает совершать самостоятельные действия с предметами. Взрослые, опасаясь за здоровье ребенка, ограничивают эти попытки, что и приводит к кризису.

Д. Б. Эльконин известен также как создатель совместно с **Василием Васильевичем Давыдовым (1930–1998)** школы нового образца. Главная идея концепции Эльконина и Давыдова состояла в том, что обучение ребенка должно проходить от абстрактного к конкретному: ребенок сначала должен овладеть общей схемой той или иной операции, которой он обучается. В частности, обучение математике должно начинаться с операций с абстрактными символами, например, $x + y = z$, и лишь затем можно переходить к конкретным числам, то есть к умению подставлять на место символов числовые значения.

5.8.5. П. Я. Гальперин

Петр Яковлевич Гальперин (1902–1988) начал свою научную деятельность в Харьковской психологической школе, но особую известность получила разработанная им теория поэтапного формирования умственных действий. В советских школах эта теория была хорошо известна. Учителей призывали активнее ее внедрять в свою повседневную практику. В этой теории Гальперин выделяет несколько этапов, которые проходит человек в процессе приобретения знаний:

— выявление ориентировочной основы действия; на этом этапе учитель рассказывает ученику о том, какие материальные структуры лежат в основе изучаемого действия;

— формирование действий в материальном плане в ходе материальных действий с предметами; напри-

мер, при обучении детей математическим действиям сначала эти действия можно совершать с использованием деревянных палочек;

- внешняя речь, проговаривание вслух совершаемых действий без использования материальной основы;
- внутреннее проговаривание (внутренняя речь);
- мыслительный процесс, собственно умственные действия.

Выделенные П. Я. Гальпериным этапы представляют собой идеальную модель познавательной деятельности. В реальной учебной деятельности некоторые этапы могут пропускаться, и это ведет к ошибочным действиям. К тому же имеются исследования, которые показали, что так называемые умственные действия всегда сопровождаются физическими проявлениями, например активностью голосовых связок.

5.8.6. А. Н. Леонтьев

Культурно-деятельностная психология и в новом тысячелетии является наиболее востребованным продуктом отечественной психологии. Так, в 2004 г. участники III Съезда российских психологов чаще всего ссылались на работы Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева.

Во второй половине 30-х гг. А. Н. Леонтьев работает над теорией эволюции психики. На эту тему он защищает и докторскую диссертацию. В первую очередь, утверждает Леонтьев, мы должны найти критерий психики, то есть такое свойство живых организмов, обнаружив которое мы можем уверенно утверждать, что этот организм обладает психикой. Таким критерием, считает Леонтьев, является чувствительность — способность организма реагировать на так называемые абиотические раздражители, то есть на такие раздра-

жители, которые сами по себе не важны для существования организма. Например, шорох в траве, который слышит лягушка, сам по себе не имеет биологического смысла: его невозможно съесть, и сам он не может съесть лягушку. Но шорох может сигнализировать о червяке, которого можно съесть, или о каком-то животном, которое может съесть лягушку.

Фактически в этой теории А. Н. Леонтьев начинает свои рассуждения о взаимодействии организма с окружающей его средой. Здесь — начало становления психологической теории деятельности Леонтьева. В конечном итоге он приходит к идее деятельности человека, которая тоже является носителем чувствительности. Впрочем, здесь чувствительность выступает совсем на другом уровне. Если для лягушки сигналы указывают на нечто, расположенное поблизости от нее, то у человека сигналы превращаются в знаки и символы, говорящие ему об огромном количестве предметов. Все люди сигнализируют друг другу о чем-то. Как и в теории Л. С. Выготского, в подходе Леонтьева мир человека социален, поскольку это мир артефактов, то есть людей и предметов, сделанных людьми. Стол, стул, табуретка, роман, кинофильм и т. д. — все это культурные артефакты, то есть продукты деятельности людей, а деятельность здесь представлена как форма существования человека, создающего артефакты.

Понятие деятельности нельзя воспринимать как аналог поведения в теории бихевиористов с «прибавленным» к нему сознанием. Мы должны помнить, что бихевиористы были активными пропагандистами картезианства, ведь, как и Декарт, они утверждали, что наука — значит, и психология, — не может изучать сознание. Поэтому, в точности по Декарту, они считали, что сознанием должны заниматься философы, поэты, писатели, художники, композиторы, но не ученые. «На-

стоящая» же наука может изучать только чувственно воспринимаемые явления, и предметом психологии поэтому должно стать поведение человека. По мнению же А. Н. Леонтьева, основная задача психологии — преодоление картезианско-локковской парадигмы. Леонтьев дает следующее определение деятельности. Деятельность — это молярная неаддитивная единица жизни материального телесного субъекта. Таким образом, деятельность содержит в себе основные свойства жизни человека.

В 1959 г. вышла книга А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики», в которой автор изложил свое видение эволюции психики. В 1975 г. вышла главная книга Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность». В этих работах представлена схема организации и преобразования деятельности на различных уровнях: в эволюции животного мира, в истории человеческого общества, а также в индивидуальном развитии человека.

А. Н. Леонтьев объединил большую группу психологов, занимавшихся самыми разными проблемами. Кроме П. Я. Гальперина, Д. Б. Эльконина, А. Р. Лурии, можно назвать много имен специалистов, внесших огромный вклад в развитие отечественной психологии. **Леонид Александрович Венгер (1925–1992)** исследовал восприятие и мышление ребенка. Он выделил «модельную форму мышления» — нечто промежуточное между образным и логическим мышлением. Идея существования в ментальном плане человека образцов, в соответствии с которыми строится наша система взаимодействия с миром, принадлежала еще учителю Венгера **Александру Владимировичу Запорожцу (1905–1981)**, который на уровне восприятия показывал существование эталонных образцов в образной сфере. В соответствии с такими образцами строится модель

мира, благодаря которой мы взаимодействуем с этим миром. В основе нашего взаимодействия с миром лежит предположение о том, что мир таков, как он дан нам при помощи органов чувств. Для того чтобы такое предположение сделать, человеку нужен внутренний эталон, с которым сравнивается все, что поступает из внешнего мира, при помощи сенсорных и перцептивных систем. В соответствии с этими образцами-эталоном формируются ожидания человека. Может ли солнце завтра не взойти? Да, может, подсказывает нам естествознание, но наш внутренний опыт говорит о том, что вероятность такого события ничтожно мала, и мы не придаем ему никакого значения.

Лидия Ильинична Божович (1908–1981) исследовала развитие личности ребенка. По ее мнению, развитие личности непосредственно связано с увеличением разрыва между человеком и окружающей его средой, с увеличением независимости ребенка от этой среды и соответствующим формированием внутренней мотивации. Уже к концу первого года жизни человек превращается из объекта в субъект. В три года ребенок начинает себя осознавать как субъекта предметных действий. К семи годам ребенок начинает себя позиционировать как субъекта социальных отношений. В подростковом возрасте ребенок начинает себя ощущать уникальной личностью, обладающей своей собственной системой ценностей. В это время возникают многочисленные конфликты ребенка и старших, когда подросток считает себя достаточно уникальным и достаточно психологически сформировавшимся, чтобы самому принимать решения, а родители считают, что этот процесс еще не завершен. Результаты своих исследований Божович изложила в монографии «Личность и ее формирование в детском возрасте» (1968).

5.8.7. А. Р. Лурия

Советский психолог **Александр Романович Лурия (1902–1977)** известен в первую очередь как один из создателей культурно-исторической психологии. Но это далеко не единственное направление его интересов. Еще до встречи с Л. С. Выготским Лурия работал ученым секретарем Русского психоаналитического общества. Он стал известен своими работами, обосновывающими возможность и необходимость создания так называемого фрейдомарксизма. Это направление в психологии, основателем которого считается известный психоаналитик Э. Фромм.

Г. И. Челпанов пригласил А. Р. Лурию в Московский психологический институт. Впрочем, Челпанов вскоре был уволен, и работа Лурии в этом институте в должности ученого секретаря проходила под началом К. Н. Корнилова. Этот период работы Лурии связан с построением культурно-исторической психологии совместно с Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым.

Будучи коллегой и единомышленником Л. С. Выготского в годы совместной с ним работы, Лурия в 1930 г. осуществил исследование культурных отличий познавательных процессов у народов, проживавших в горах Памира. Здесь Лурия со своими коллегами проводил сравнительный анализ развития высших психических функций у городских жителей и у жителей отдаленных селений, то есть у образованных и необразованных людей. В дальнейшем эту линию исследований продолжили американские психологи, опровергавшие расистскую теорию, утверждавшую, будто представители неевропейских народов не могут решать задачи, подвластные уму белого человека, поскольку представители белой расы обладают более развитыми органическими (в первую очередь, мозговыми) структурами. Как показал Лурия, а затем и другие исследователи,

если создать тест, основанный на опыте представителя не европейского, а иного культурного сообщества, то европеец или американец будет испытывать такие же затруднения при его выполнении, как и африканец при выполнении европейского теста. Эти исследования показывают, что наши психологические возможности определяются культурно-историческим опытом, которым мы обладаем.

А. Р. Лурия — автор нескольких научно-популярных книг. В «Маленькой книжке о большой памяти» он описал мнемониста, который мог запоминать сотни слов и воспроизводить их в любом порядке не только сразу после запоминания, но и через несколько лет. Книга «Потерянный и возвращенный мир» посвящена красноармейцу, у которого после ранения в голову оказались поврежденными сознательные процессы. В конце жизни Лурия работал над книгой «Этапы пройденного пути. Научная автобиография», которая была издана в 1982 г.

А. Р. Лурия — основоположник нового направления психологической науки, нейропсихологии, задача которой — изучение соотношения между психическими функциями и мозговыми структурами. Исторически этот вопрос первоначально был исследован французским анатомом и антропологом **Полем Брока (1824–1880)**, обнаружившим центр речи в головном мозге. До работ Брока выводы о мозговом представительстве психических функций делались на основании результатов операций по удалению определенных участков мозга, то есть на живых пациентах. В 1861 г. Брока произвел вскрытие трупа мужчины, который при жизни долгие годы не мог внятно говорить. Этот способ исследования называли *клиническим методом*. При осмотре было выявлено поражение третьей лобной извилины коры головного мозга. Брока обозначил

эту часть мозга как центр речи; позже за ней закрепилось название *область Брока*.

Впрочем, в первой половине XX в. теорию локализации подверг сомнению американский нейропсихолог **Карл Лешли (1890–1958)**. Результаты его экспериментов были опубликованы в 1929 г. в его книге «Механизмы мозга и интеллект», в которой ученый отстаивает два важнейших принципа:

— *массовое действие*: некоторые типы обучения опосредуются корой головного мозга как целым;

— *эквивалентность* (равноценность): при повреждении участков коры головного мозга, ответственных за определенные функции механизмов органов чувств, другие участки мозга берут на себя функции поврежденных зон.

А. Р. Лурия разработал новый подход к проблеме локализации высших психических функций. В соответствии с ним высшие психические функции как сложные функциональные системы не могут быть локализованы в узких зонах мозговой коры, а должны охватывать сложные системы совместно работающих зон, каждая из которых вносит свой вклад в осуществление сложных психических процессов и которые могут располагаться в совершенно различных, иногда далеко отстоящих друг от друга участках мозга.

5.8.8. Н. А. Бернштейн

Большой вклад в осмысление психологических механизмов, управляющих человеком и его деятельностью, внес физиолог и биомеханик **Николай Александрович Бернштейн (1896–1966)**. Он открыл такие фундаментальные явления в управлении, как сенсорные коррекции и принцип иерархического, уровневого

управления, которые лежат в основе функционирования деятельности. Особое значение в этой теории занимает построение нейрофизиологической структуры действий и навыков. Ученый считал, что в построении движений участвуют все уровни головного мозга. В 1947 г. вышла монография Бернштейна «О построении движений».

В своей концепции *рефлекторного кольца* Н. А. Бернштейн использовал теорию гомеостаза: траекторию своего движения человек постоянно соотносит с той идеальной траекторией, которая должна привести живое движение к цели. В дальнейшем идеи Бернштейна активно применялись в кибернетике, где использовалось представление об идеальной цели (аналог состояния покоя), к которой движется управляемый предмет (например, снаряд, направленный в цель), постоянно отклоняющийся от этого «идеала», но постоянно же, благодаря обратной связи, приближающийся к нему.

5.8.9. М. М. Бахтин

Русский философ, историк культуры и теоретик литературы **Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975)** родился в семье служащего Орловского коммерческого банка. В 1913–1918 гг. Бахтин учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета в Одессе, а затем Петроградского университета, где занимался на кафедрах классической филологии и философии, но курс не окончил. Своими ближайшими учителями по этим кафедрам он считал филолога Ф. Ф. Зелинского и психолога А. И. Введенского. В 1918–1920 гг. Бахтин преподавал в единой трудовой школе в г. Невеле Витебской губернии. В этом провинциальном городке вокруг

Бахтина сложился дружески-интеллектуальный круг, получивший у современных исследователей название «невельская школа философии» (М. И. Каган, Л. В. Пумпянский, М. В. Юдина, В. Н. Волошинов). В невельской газете «День искусства» от 13 сентября 1919 г. появилась первая печатная работа Бахтина — статья «Искусство и ответственность». В 1920–1924 гг. он преподавал в Витебске всеобщую литературу и музыкальную эстетику в консерватории и педагогическом институте.

Весной 1924 г. М. М. Бахтин возвращается в Ленинград, где в последующие годы иногда выступает с докладами и лекционными курсами в домашних философских кружках. Эта устная деятельность стоила ему ареста. 24 декабря 1928 г. Бахтин был арестован по делу ленинградского религиозного кружка «Воскресение». 22 июля 1929 г. постановлением коллегии ОГПУ он был осужден как участник «нелегальной организации правой интеллигенции» на пять лет с отбыванием наказания в Соловецком лагере, затем лагерь был заменен высылкой в Казахстан. В 1930–1936 гг. Бахтин находился в ссылке, а затем на поселении в Кустанае, где работал экономистом в райпотребсоюзе. Там же, в Кустанае, была написана книга «Слово в романе», открывающая ряд работ по теории романа, которая стала главной темой его творчества в 1930-е гг. По возвращении из ссылки в течение двух семестров 1936–1937 гг. преподавал в Мордовском педагогическом институте в Саранске (занимал должность доцента).

Летом 1937 г. М. М. Бахтин приехал в Москву, где долгое время, до осени 1946 г., жил без прописки. Осенью 1946-го он поселился в знакомом для себя Саранске, где оставался до осени 1969 г. В Саранске Бахтин преподавал, а позднее заведовал кафедрой всеобщей

литературы в Мордовском педагогическом институте (потом университете), вплоть до выхода на пенсию в 1961 г. В ноябре 1946 г. Бахтин защищал работу о Ф. Рабле как диссертацию в Институте мировой литературы в Москве, но надежда издать ее книгой оказалась неосуществимой: неопубликованная работа была подвергнута идеологической критике в советской печати, и на предложение о присуждении диссертанту докторской степени, выдвинутое на защите оппонентами, последовал официальный отказ. Осенью 1969 г. Бахтин вернулся в Москву, где оставался до конца своей жизни. В последних текстах («Из записей 1970–1971 гг.», «К методологии гуманитарных наук», 1974) он заново обратился к темам своего раннего творчества: философская антропология, проблема автора. Теоретические работы Бахтина собраны в посмертно изданных книгах — «Вопросы литературы и эстетики» (1975) и «Эстетика словесного творчества» (1979).

В качестве модели предмета своего исследования М. М. Бахтин выбирает творчество Ф. М. Достоевского, называя диалогизм Достоевского «формообразующим моментом» его произведений. Роман Достоевского диалогичен, утверждает Бахтин. Каждая мысль его героя сопровождается «вечной оглядкой на другого человека». Достоевский противопоставляет монологизм механической «вещи» (а вещью может быть в определенном отношении и произведение искусства, например, драматургическое произведение) и диалогизм того, «что имеет смысл и значение».

Как и его любимый автор в отношении своих романов, М. М. Бахтин убежден, что его теория не имеет отношения к психологии. Диалогические отношения присущи только человеку, его сознанию, которое нельзя созерцать, анализировать, определять как объект,

как вещь. Но именно этим занимаются научные теории, основанные на принципах естествознания. Поэтому они не могут быть использованы для понимания человека. Отсюда — неприятие Бахтиным (вслед за Достоевским) научной психологии. Иными словами, психологию Бахтин видит только в ее «естественнонаучной» ипостаси.

По мнению Бахтина, научная психология предписывает наблюдателю-исследователю такой взгляд на человека, в соответствии с которым он, этот человек, подчинен раз и навсегда предустановленным законам. Такая предустановленность, во-первых, предполагает, что данные закономерности проявляются в поведенческих характеристиках человека, а во-вторых, из такой предустановленности следует (и из этого вывода исходит в своих оценках поступков людей научная психология), что поступок есть непосредственное проявление внутреннего мира человека. Такова «психология». Она, эта психология, дает исследователю такую правду о человеке, которая базируется на исследовании личности, опосредованной поведением исследуемого. То есть такой предмет исследования изначально искажен нашим восприятием того, что мы таким предметом считаем. Это не сам предмет, а лишь иллюзия, преломленная сквозь призму рациональности. Такая правда о человеке не может быть настоящей. Это «заочная» правда о человеке. Именно такую правду пытается получить классическое естествознание с его попытками расчленив предмет исследования, гносеологизировать его, превратить в чувственно данную вещь и построить в результате модель исследуемой реальности, как можно более точно эту реальность отображающую.

Общий принцип диалогической теории Бахтина — принцип «здесь и сейчас» — предъявляет впол-

не определенные требования к интерпретации категории «Я» — одной из основных категорий экзистенциализма. Для Бахтина «Я» — всегда сейчас. Не может быть «Я» (то есть субъект экзистенциального анализа) в прошлом. «Я» в прошлом — это «Он». «Я» в прошлом — объект, и как объект его, пожалуй, можно подвергнуть естественнонаучному анализу. Но «Я» истинное такому анализу принципиально не подвластно, поскольку «Я» — единство «Я» и «не-Я». И все же прошлое присутствует в «Я» и тем самым задает параметр незавершенности.

Состояние моего «Я», стремящегося понять «Другого» и поэтому пребывающего непременно в столкновении с «Другим», Бахтин называет диалогической установкой. Такая установка позволяет, с одной стороны, находиться «в теснейшей связи с чужим словом» и тем самым «подойти к нему как к смысловой позиции, как к другой точке зрения». С другой стороны, по Бахтину, понимание предполагает объективность по отношению к понимаемому. А это возможно лишь при наличии между понимающим и понимаемым определенной дистанции. Именно диалогическая установка и позволяет такую дистанцию сохранить.

5.8.10. Ленинградская психологическая школа

Во второй половине XX в. советская психология развивалась под знаком острой дискуссии между представителями двух психологических школ: московской и ленинградской. В отличие от московских психологов (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, их ученики и последователи), «ленинградцы» утверждали, что исходным пунктом психологической науки должна стать категория «отношение», поскольку

именно она наиболее полно характеризует социальную сущность человека. Представители ленинградской школы ведут свое начало от работ В. М. Бехтерева, ученик которого, **Владимир Николаевич Мясищев (1893–1973)**, приняв марксистский тезис о том, что сущность человека представляет собой совокупность общественных отношений, разработал психологию отношений и на ее основе развил концепцию патогенетической, или психогенетической, психотерапии. Мясищев поставил вопрос о структуре личности, в которой нет отдельных составляющих, но есть психологическая данность — отношение, замыкающее на себя все другие психологические характеристики личности. *Направленность личности* выражает доминирующее отношение, или его интеграл. Эмоциональность также представлена одним из компонентов в структуре самого отношения. *Отношение личности* — это активная, сознательная, интегральная, избирательная, основанная на опыте связь личности с различными сторонами действительности. Это системообразующий элемент личности, которая предстает как система отношений. Личность — система отношений, структурированная по степени обобщенности — от связей субъекта с отдельными сторонами или явлениями внешней среды до связей со всей действительностью в целом. Сами отношения личности формируются под влиянием общественных отношений, которыми личность связана с окружающим миром в целом и обществом в частности.

Другой видный представитель ленинградской психологической школы, **Борис Герасимович Ананьев (1907–1972)**, развивал так называемый онтопсихологический подход, в основе которого — целостный подход к проблемам психики, отразившийся в его исследованиях системного характера чувственного познания,

прежде всего в исследованиях восприятия пространства и времени.

Б. Г. Ананьев выделял иерархически соподчиненные уровни организации человека: индивид, личность, индивидуальность. Он считал, что индивидуальность складывается на основе взаимосвязи особенностей человека как личности и как субъекта деятельности, которые обусловлены природными свойствами человека как индивида. Такой подход Ананьев назвал *человекознанием*, которое подразумевало обобщение исследований различных наук о человеке как личности и индивидуальности. В его модели науки о человеке группируются в четыре раздела: 1) человек как биологический вид; 2) онтогенез и жизненный путь человека как индивида; 3) изучение человека как личности; 4) проблема человечества.

В основу программы Б. Г. Ананьева был положен принцип междисциплинарного подхода к проблеме человека, то есть идея об индивидуальности как системе, интегрирующей разноуровневые свойства индивида, личности и субъекта. Комплексный подход позволил ему пересмотреть исследования детского развития и включить их в общую картину целостного жизненного цикла человека. Взаимовлиянием онтогенетического и биографического развития объясняются, по его мнению, многие закономерности психического становления. Он также одним из первых начал изучение проблем зрелости и старения. В исследованиях, проводимых Ананьевым и его коллегами, были получены данные о гетерохронности и неравномерности психического развития (начало в СССР *акмеологии*, то есть раздела психологии развития, исследующего закономерности и механизмы, обеспечивающие возможность достижения высшей ступени — акме — индивидуального развития).

5.9. Отечественная психология в конце XX — начале XXI в.

Одной из основных характеристик современной российской психологии является не столько разработка принципиально новых концепций, сколько анализ и корректировка тех теорий, которые были созданы в советский период, и адаптация этих теорий к современной жизни и выдвигаемым ею требованиям.

Во второй половине 80-х гг. XX в. в СССР произошли изменения, связанные с масштабными переменами в идеологии, экономической и политической жизни. В центре внимания общества оказалась идеология марксизма и все, что с ней было связано. В итоге была предпринята попытка полностью отказаться от марксистской ориентации в научном познании, и в связи с этим теории, разработанные отечественными психологами в советский период, претерпевали серьезную критику со стороны современных ученых. В некоторых случаях происходило полное отрицание научных результатов и исследований советского периода. Так, сильнейшей критике подверглась теория деятельности, которая во многом была сформирована на марксистских идеях. Впрочем, сегодня эта теория, пересмотрев некоторые положения, не отвечающие современной реальности, восстановила свой авторитет как у нас в стране, так и на Западе. В 80–90-е гг. большая группа исследователей (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев и др.) приступила к изучению смысловых характеристик личности, основываясь на теории деятельности А. Н. Леонтьева.

Несмотря на то что за последние годы не было создано новых глобальных концепций, тем не менее пси-

психологические исследования проводятся и идут разработки во многих областях. Так, в общей психологии проводятся исследования познавательных процессов, в теории личности и социальной психологии идет активная работа по созданию новых направлений и выработке отвечающих современности идей. Традиционно большое внимание уделяется вопросам возрастной и педагогической психологии, проблемам, связанным с развитием творческих способностей одаренных детей, психогенетике, психофизиологии, психологии саморегуляции.

В современной России происходят заметные изменения в сфере психологического образования. Начиная с 90-х гг. XX в. психологические факультеты открываются не только в государственных вузах, но и в различных учебных заведениях частного характера. Резко увеличилось количество выпускников этих факультетов.

Бурное развитие происходит в сфере издательской деятельности: если в СССР издавалось три-четыре психологических журнала, то сегодня в России таких изданий — десятки. Активно издаются сочинения психологов досоветского периода и первых лет советской власти, не стоявших на марксистских позициях, вышли переводы большинства классических и современных трудов зарубежных авторов.

Важной особенностью психологической науки постсоветского периода является ее сближение с практикой, появляются новые отрасли практической психологии, такие как психология менеджмента, психология рекламы, происходит активное использование психологических знаний в области управления и развития человеческих ресурсов в бизнесе. То есть появляются целые сферы об-

щественной жизни, которые раньше не рассматривались с точки зрения применения в них психологических знаний.

Движение российской экономики к рыночным отношениям с неизбежностью вызвало коммерциализацию психологии, проявившуюся в массовом развитии прикладных психологических направлений. Психология из академической науки превращается в практическую дисциплину, имеющую широкий спектр применения и позволяющую использовать свои знания и наработки в большинстве сфер современной жизни — в политике, экономике, праве, образовании, медицине, военном деле, менеджменте и др. Активно развивается психологическое консультирование и психотерапия, где главенствующей задачей является работа с индивидуальными трудностями человека.

Среди современных практических направлений в российской психологии можно отметить следующие:

- активизация психических факторов в повышении производительности труда (как коллектива, так и руководителя);
- повышение эффективности обучения;
- деловые и иные обучающие игры, тренинги по подготовке руководящих кадров, менеджеров и др., социально-психологические тренинги;
- отбор персонала, его изучение;
- учет психологического фактора в рекламе, маркетинге, PR;
- профилактика аварий, несчастных случаев (психология безопасности).

Активно проводятся исследования в таких практико-ориентированных направлениях, как психология спорта, военная психология, психология безопасности, акмеология, психология управления, медицинская

психология, психология профессиональной деятельности, экологическая психология, этнопсихология, организационная психология.

Следует особо подчеркнуть, что наряду с Москвой и Санкт-Петербургом практико-ориентированные исследовательские группы психологов формируются и в других городах России: Екатеринбурге, Казани, Омске, Перми, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Сочи, Томске, Ярославле.

Заключение

Ни один учебник, в том числе и наш, не может охватить все богатство знаний в той или иной отрасли науки. Поэтому непременно стоит назвать другие книги, в которых содержатся более развернутые и полные изложения отдельных разделов истории психологической науки.

Батыршина А. Р. История психологии : учебное пособие. — М. : Флинта, 2011.

Ждан А. Н. История психологии от Античности до наших дней. — М. : Академический проект, 2012.

Ильин Г. Л. История психологии: учебник для академического бакалавриата. — Люберцы : Юрайт, 2016.

Лызлов А. В. Психология до «психологии». От Античности до Нового времени. — М. : Рипол-Классик, 2018.

Марцинковская Т. Д. История психологии : учебник для вузов. — М. : Академический проект, 2011.

Михалева А. Б. История психологии. — М. : Вузовская книга, 2008.

Морозов А. В. История психологии. — М. : Академический проект, 2007.

Петровский А. В. Психология в России : XX век. — М. : Изд-во УРАО, 2000.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. В 2 т. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1996.

Помогайбин В. Н. История психологии: Эволюция основ. — М. : Олма Медиа Групп, 2013.

Саугстад П. История психологии. От истоков до наших дней. — Самара : Бахрах-М, 2008.

Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. — М., 1975.

Смит Р. История психологии. — М. : Академия, 2008.

Хант М. История психологии. — М. : АСТ, 2009.

Шабельников В. К. История психологии. Психология души. — М. : Гаудеамус, 2013.

Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии. — СПб. : Евразия, 1998.

Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX века. — М. : Мысль, 1996.

Морозов Станислав Михайлович

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учебник

Корректор
Ю. А. Сысоева

Компьютерная верстка
В. М. Милич

Дизайн обложки
М. Б. Гальчук

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Адрес редакции:
115191, Москва, 4-й Рощинский пр-д, 9а.
Тел.: (495) 796-92-62, доб. 1301
E-mail: publish@mpsu.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ФГУП Издательство «Известия» УД П РФ
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6
Тел.: (495) 650-38-80